

М.А. Еремина

**ЛЕНЬ И ТРУДОЛЮБИЕ
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ**

Монография

Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2014

ББК 81.411.2-31
Е 70

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Рецензенты:

канд. филол. наук, доцент каф. русского
и иностранных языков Российского государственного
профессионально-педагогического университета *Т.В.Леонтьева*;
д-р филол. наук, профессор каф. русского языка и общего языкознания
Уральского федерального университета *Е.Л.Березович*

Еремина М.А.

Е 70   **Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции:**
Монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та,
2014. — 204 с.

ISBN 978–5–00047–223–1

В монографии в этнолингвистическом аспекте рассматривается комплекс представлений, связанных с языковой оценкой человека по его отношению к труду. Исследование осуществляется методами семантического и мотивационного анализа лексико-семантического поля «Отношение человека к труду». Особое внимание уделяется проблеме корреляции концептов лени и трудолюбия в русском языке. Материалом для исследования послужили факты русской языковой традиции.

Данная работа адресована специалистам в области этнолингвистики, диалектологии, семасиологии, а также всем, кто интересуется проблемой языкового выражения традиционных ценностей.

ББК 81.411.2-31

ISBN 978–5–00047–223–1

© Еремина М.А., 2014
© Издательство НВГУ, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Интерес исследователей-лингвистов к слову *труд* и стоящим за ним комплексом представлений возобновляется вновь и вновь и вряд ли когда-нибудь будет исчерпан. Такое положение дел связано с вхождением культурных знаний о труде в базовый «пакет ценностей», что обусловило их закрепление в картине мира и всестороннюю разработку в языке. Множество языковых форм, в которые выливаются представления о труде, образует широкое пространство для этнолингвистических и лингвокультурологических исследований. Проблеме вербализации концепта «труд» в современном языкознании посвящены работы А.В.Алексеева, Г.Н.Анферовой, Л.В.Басовой, Т.В.Бахваловой, Е.В.Брысиной, Т.И.Вендиной, Б.И.Гинки, К.А.Жукова, Д.Ф.Каюмовой, А.А.Кожиновой, С.В.Колтаковой, М.Мазуркевич-Бржозовской, Е.В.Петрухиной, Л.А.Серовой, М.Стефанович, С.В.Суслович, С.М.Толстой, Г.В.Токарева, О.Е.Черновой и др.

С точки зрения носителя традиционного сознания, отношение человека к труду, проявляемое в увлеченности делом, ответственности за результат или, напротив, в уклонении от работы, небрежном и неквалифицированном выполнении своих обязанностей, служит мерилем значимости человека и его деятельности (*Дело холодка не любит; Мастерство совершенствуется трудолюбием, а утрачивается праздностью; Кто любит труд, того люди чтут; Где работа, там и густо, а в ленивом доме пусто; Труд человека кормит, а лень портит*). Лентяи и труженики не только получают свое по заслугам, но и вся жизнь человека определяется по тому, как он относится к работе (*Для кого труд — радость, для того жизнь — счастье*). Присущее носителю языка эмоционально-ценностное восприятие деловых качеств человека обусловило активное словопроизводство и высокую степень экспрессии в номинациях по данному признаку.

Большая часть лексем, эксплицирующих представления о трудолюбии и лени, относится к лексико-фразеологическому фонду русских народных говоров. Это обстоятельство дает исследователю доступ к области традиционных представлений как наиболее консервативной, устойчивой части менталитета, являющейся базой для формирования современного мировоззрения.

Изучая данный «извод» языковой картины мира, лингвист обращается к методологии этнолингвистики, специализирующейся на вопросе о соотношении языка и традиционной духовной культуры. В свете утверждаемого в этнолингвистике противопоставления языковой и культурной семантики встает проблема поиска языковых источников этнокультурной информации, определения того, над какими содержательными компонентами языковых единиц «надстраивается» культурная семантика.

В этнолингвистических исследованиях большое значение придается м о т и в а ц и и с л о в а , которая свидетельствует о способе видения носителя языка, связывающего реалии окружающего мира или маркирующего ряд единиц одними и теми же языковыми средствами. «Обращение к изучению внутренней формы слова дает исследователю возможность проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [Вендина 2002, 10]. Знание, которое дает внутренняя форма можно считать наиболее объективированным, поскольку оно ««срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка — языковой формой» [Березович 2000, 34].

Важным условием этнолингвистических выводов является включение в объем этнокультурной информации, извлекаемой из внутренней формы слова, не только содержания признака, положенного в основание номинации (мотивационного признака), но и его интерпретации, т.е. ответа на вопрос, п о ч е м у был выбран данный признак. Соответствующий этап анализа можно определить как выстраивание «моста» между содержанием языковых единиц и ментальным миром идей, образов, представлений, ценностных установок и т.п. Поиск причин номинаций расширяет компетенцию лингвистики, поскольку предполагает обращение как к определенным языковым категориям (например, учет свойства экспрессивности некоторых единиц, выявление семантической модели), так и к экстралингвистическим сущностям «ментальным образам, мифологическим представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту» [Толстая 2002, 114].

Семантика лексических единиц также является важным источником этнокультурной информации. Семантический контур слова, логика организации семантики связаны с интерпретацией

фрагмента действительности в сознании субъекта; звучание интерпретационного компонента усиливается в том случае, когда мы имеем дело с «аксиологической» лексикой, к сфере которой относится и лексика, выражающая отношение человека к труду. Культурную основу оценки человека по отношению к труду составляют морально-нравственные и утилитарные представления народа; стереотипные образы настоящего дела, типичного лентяя и труженика. Таким образом, уровень понятийной семантики единиц представляет совокупность описательных и оценочных смыслов, которая может быть структурирована на определенных основаниях.

Регулярность конкретных мотивировок на мотивационном уровне содержания и типизированность дифференциальных признаков (сем) на семантическом уровне объективируются при соотнесении отдельных единиц в рамках определенного лексико-семантического множества. Удобную структуру для этнолингвистического анализа представляет собой лексико-семантическое поле, семантическое пространство которого «определяется в конечном счете логическими отношениями между понятиями, с которыми соотносятся данные слова» [Гак 1998, 691]. Организация лексико-семантического поля несет на себе печать идиоэтнического взгляда на мир, поскольку отражает процесс концептуализации объекта действительности, за которым стоит «интерпретация, обобщение и закрепление в отдельной языковой единице свойств объекта и отношения к нему субъекта» [Симашко 1998, 175]. Полевая структура специфична тем, что дает возможность проводить исследование на разных уровнях содержания: 1) мотивационном, на котором слова группируются на основе общности их мотивационной модели, и 2) семантическом, который составляется значениями слов. Общее направление в этнолингвистической интерпретации полевой структуры нацелено на «поиск способа организации, «внутренней формы» семантики», который «предполагает такое преломление семантических категорий, которое позволит продемонстрировать субъективность человеческих предпочтений, задающих неровность, прихотливость и алогичность языкового отражения действительности» [Березович 2003, 39].

Принципы организации пространства смыслов, раскрывающие логику носителя языка, более наглядно проявляются при сопоставительном анализе лексики положительной и отрицательной оценки по отношению к труду. Основаниями для сравнения послужили семантические категории, выделяемые на определенном этапе анализа. Перспективность данного подхода к «высеканию» этнокультурной информации видится в ряде моментов. Во-первых, более отчетливо обозначается мера специфичности того или иного смысла. Во-вторых, оценочные основания номинаций получают дополнительную структуризацию рядом оппозиций (например, внешнее — внутреннее, рациональное — эмоциональное). В-третьих, выявление симметричных и асимметричных оппозиций дает представление о двух типах мышления, участвующих в концептуализации ценностных понятий — нормативном (оно оценивает мир с позиции социальных норм, что предполагает разведение на одном основании двух признаков по разным полюсам и симметричность оппозиции) и стереотипном (в нем перевешивает традиция восприятия какой-либо стороны объекта оценки).

Сказанное выше позволяет заключить, что этнолингвистический анализ русской диалектной лексики со значением ‘отношение к труду’ может быть результативным средством для характеристики значимого фрагмента традиционной языковой картины мира. К этому располагают свойства данной лексической области: 1) она содержит представительный и хорошо разработанный в системе языка (и особенно диалекта) материал, о чем говорит объем изучаемого лексико-семантического поля; 2) большинство единиц поля экспрессивны, что выдвигает на первый план коннотативный комплекс в семантической структуре слова, дающий возможность проследить отраженные в нем субъективные впечатления носителей языка; 3) лексика анализируемого поля отражает важнейший с точки зрения народной аксиологии мировоззренческий комплекс — комплекс ценностно-нормативных представлений о труде.

Концептуальная интерпретация диалектной лексики, характеризующей человека по его отношению к труду, составляет пока лауну в изучении темы и концепта труда и оставляет место для дальнейших исследований, к числу которых принадлежит и данная книга.

Задаваемый в работе аспект интерпретации обуславливает наполнение и границы лексико-семантического поля, определяя их единицами, связанными логическими отношениями с понятием «отношение к труду». Материалом для исследования послужили лексические и фразеологические единицы русских народных говоров, имеющие в своей семантике признак 'отношение к труду, делу, работе'. Выборка материала осуществлялась, во-первых, при помощи слов-идентификаторов, т.е. лексем, однозначно и наиболее репрезентативно реализующих соответствующие идеи: «отрицательное отношение к труду» — 'лентяй', 'лентяйничать', 'лениво (работать)', 'лежебока'; 'праздно (жить, проводить время)', 'вести праздный образ жизни', 'праздный', 'тунеядец', 'тунеядствовать', 'дармоед'; 'бездельник', 'бездельничать', 'без дела' (ходить, сидеть), 'уклоняться от дела', 'отлынивать от дела'; «положительное отношение к труду» — 'трудолюбивый', 'работящий', 'работать усердно/ старательно/ прилежно/ не покладая рук'; во-вторых, при наличии комплексного определения, в котором признак 'отношение к делу' как бы «аккумулируется» (ср. *охобачивать* 'делать что-либо с усердием, ловко, быстро, хорошо' [СРНГ 25, 42]).

Состав лексико-семантического поля «Отношение человека к труду» был определен в ходе фронтальной выборки из русских диалектных словарей: Словарь русских народных говоров, Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля, Словарь русских говоров Среднего Урала, Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения, Архангельский областной словарь, Новгородский областной словарь, Псковский областной словарь, Словарь вологодских говоров, Словарь русских говоров северных районов Красноярского края, Словарь русских говоров южных районов Красноярского края, Словарь русских донских говоров, Словарь смоленских говоров, Фразеологический словарь русских говоров Сибири.

Наиболее подробно и полно в нашем материале представлены данные говоров Русского Севера; полнота была достигнута тем, что, помимо диалектных словарей, в качестве источника материала нами была использована обширная Картотека Словаря говоров Русского Севера, составленная на основе полевых записей Топонимической экспедиции УрФУ по территории Архангельской,

Вологодской, Костромской и частично Кировской и Ярославской областей (картотека хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. Первого президента РФ Б.Ельцина). На протяжении 5 лет автор работы принимала участие в полевых сборах материала на Русском Севере.

Настоящая работа включает в себя две главы. В первой из них исследуется структура двух семантических полей, входящих в рамки поля «Отношение к труду» в диалекте: определяется ядро поля, которое задает смысловое наполнение секторов поля, границы поля репрезентируются через связь с соседними семантическими полями; устанавливаются принципы организации семантического пространства. Во второй главе на первый план выходит мотивационный аспект единиц полей; основной единицей анализа становится базовая семантико-мотивационная модель, выделяемая на основе обобщения частных мотивационных моделей. Каждую главу предваряет предисловие, в котором описываются основные единицы и приемы анализа.

ГЛАВА I

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕЙ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ» И «ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ»

Целью данной главы является этнолингвистически ориентированное описание семантической организации поля «Отношение человека к труду». Исходным принципом организации исследуемого поля становится его разделение на два противопоставленных семантических множества, также представляющих собой полевую структуру — «Положительное отношение к труду» и «Отрицательное отношение к труду».

Общие особенности семантического уровня поля «Отношение к труду» определяется следующими факторами. Во-первых, играет роль абстрактность отражаемых языковыми единицами объектов внеязыковой действительности (отношение к труду, ситуация занятости/незанятости делом, деловые качества), которая приводит к тому, что данные сущности проходят при оязыковлении не через процесс родо-видового соотнесения (как это свойственно для конкретных сущностей), а через процесс концептуализации. Последний смещает смысловые акценты с «отражательного» значения на непонятные сущности (идеи, мотивы, образы, гештальты и т.п.) [Леонтьева 2002, 278]. Во-вторых, оязыковление отношения к труду запускает в действие оценочный механизм, который дифференцирует оценочные смыслы (основания для оценки, характер оценки, оценочные шкалы и т.п.) и игнорирует различия в понятийном содержании.

Несмотря на «размытость» денотативной семантики лексем, внимание к организации семантического пространства поля не лишено оснований. Оно исходит из того, что семантическое поле демонстрирует те связанные с именем поля смыслы, которые прошли процесс объективации и вылились в более или менее неизменные семантические структуры. Кроме того, каждое семантическое поле обладает «внутренней топографией», включающей в себя такие параметры, как набор секторов поля и маркировку смыслов внутри секторов; относительную заполненность, продуктивность

этих секторов; «этажность» и внутренний рисунок идеограмм поля; характеризуется своим типом отношений со смежными полями [Березович 2003, 38]. Таким образом, семантическое поле имеет ряд параметров, которые дают возможность для исследователя, во-первых, соотнести принципы членения поля на семантическом и мотивационном уровне; во-вторых, предоставляют единицы для сравнения с другими полями (в нашем случае два поля, входящие в поле «Отношение к труду», сравниваются в рамках антонимичной оппозиции).

В описании семантического уровня поля мы опирались на общеизвестную структуризацию поля, основанную на выделении: а) ядра поля, т.е. наиболее репрезентативного элемента, б) секторов поля, объединяющих единицы, противопоставленные по какому-либо признаку ядерному элементу; в) модификации значений (сем, варьирующих идеограммы поля в рамках одного сектора); г) набора «соседних» полей [Гак 1993, 22—23].

1.1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ»

I. В русском языке определяющим для базовой идеограммы ‘положительное отношение к труду’ является понятие трудолюбия. На основании семантического анализа дефиниции лексемы *трудолюбие* ‘любовь, привычка к труду; усердие в труде’ [ССРЛЯ 15, 1049] выделяются следующие компоненты **ядерного семантического комплекса**: ‘субъект’, ‘интенции’, ‘эмоциональная сфера’, ‘постоянство’, ‘образ действий’, ‘направленность на объект’, ‘объект — производительный процесс’, ‘ответственность за результат’. Как можно заметить, имя *трудолюбие* обобщает внутреннюю и внешнюю форму существования признака — интенции и образ действий, в которых они проявляются.

Диалектными лексическими единицами, входящими в центр поля, являются абстрактные существительные и фразеологизмы, имеющие следующие семантические признаки: а) ‘интенции субъекта, относящиеся к эмоциональной сфере’: *зависть* ‘трудолюбие, желание работать’ [СРНГ 9, 318], *нахрап* ‘азарт к работе’ СРГК 3, 398], *живинка* ‘особый интерес, особая любовь к определенной

работе, увлечение каким-либо делом' [СРГСУ 1, 158], *рукá гудít* 'о желании что-нибудь сделать' [СРГК 1, 411]; б) 'образ действий, обусловленный ответственным отношением к делу': *радívость* 'усердие, старание, прилежание' [СРНГ 33, 247], *прилòга* 'прилежание, умение, навык' [СРНГ 31, 277], *провóрье* 'быстрота, ловкость в движениях, в работе; проворство' [СРНГ 32, 103].

Актуализация и различная комбинация ядерных признаков задает возможность для дальнейших семантических переходов и определяет набор секторов, «субполей» семантического поля.

II. Одним из них выступает сектор **«выполнять работу, проявляя деловое качество, заслуживающее положительной оценки»**. Лексический массив данного участка поля представлен глаголами и фразеологическими единицами: *гоношítь* 'делать что-либо увлеченно, с усердием, старательно' [СРНГ 7, 10], *не огревátь нòса* 'работать, усердно, не покладая рук' [СРГК 4, 42], *на лету́ хлéба достátь* 'быстро что-либо делать, выполнять любую работу' [СРНГ 17, 15]. Варьирование общей идеограммы сектора зависит от параметра, по которому производится оценка качества работы¹.

Помимо оценочного основания, модификация смыслов в этом секторе касается: а) фазовых аспектов: *пораси́ньгатъ* 'начать быстро, проворно делать, работать' [КСГРС], *запузыривать* 'начинать делать с охотой, удовольствием' [СРНГ 10, 365], *замастáчить* 'сделать ловко, умело, скоро' [СРНГ 10, 234], *понату́жить* 'постараться, потрудиться с усердием' [СРНГ 29, 250], *поудáрничать* 'поработать ударно некоторое время' [СРНГ 30, 331]; б) субъекта/процесса, каузирующего качество: ср. *приломátь* 'приохотить к делу, работе, научить' [СРНГ 31, 278], *изумéть* 'научиться хорошо делать свое дело' [СРНГ 12, 172], *нагорáзживаться* 'приобретать умение, ловкость, навык в чем-либо, навастриваться' [СРНГ 19, 209]. Существование данных идеограмм в поле свидетельствует о том, что трудолюбие может представляться не столько природным, «онтологическим», сколько приобретенным качеством, чье проявление может контролироваться субъектом.

---

¹ Поскольку основания для оценки (темп, увлеченность, старательность и т.п.) являются общими для разных секторов, речь о них пойдет отдельно, после представления общей структуры поля.

III. При актуализации семантического признака 'субъект' образуется сектор «**субъект, обладающий ценными деловыми качествами**». Репрезентантами данной идеограммы являются следующие единицы: *работя́га* 'усердный работник, много и усердно работающий человек' [ССРЛЯ 12, 24], *трудо́ник* 'тот, кто любит работу' [НОС 11, 65], *намы́тарь* 'человек, до тонкости знающий свое дело, мастер' [СРНГ 20, 45], *опа́ра* 'об искусном, сноровистом человеке' [КСГРС], *по де́лу* 'о работающем, трудолюбивом человеке' [АОС 10, 453]. Конкретное содержание семантического признака 'деловое качество' зависит от основания оценки. Что касается категориальной семы 'субъект', то она, как правило, сводится к общей характеристике — 'человек'/'работник'/'тот, кто...'.

Модификация смысла может быть осуществлена: а) по полу: *трудо́бильница* 'трудолюбивая женщина' [КСГРС], *обихо́дница* 'рачительная и расторопная хозяйка' [СРНГ 22, 68]; б) по роду занятий или предмету деятельности: *пале́я* 'ловкая в работе женщина, хорошая рукодельница' [СРГК 4, 178], *шишкун* 'старательный хозяин' [Кругликова, 100].

IV. Признаковый сектор поля определяют две идеограммы '**характеристика выполнения работы**' и '**характеристика человека по деловым качествам**'. Он формируется, во-первых, посредством наречий и фразеологических сочетаний, например: *нало́жно* 'усердно, старательно' [СРГК 3, 345], *впервы́х* 'лучше других, опережая других в каком-нибудь деле' [АОС 5, 140], *на хо́дкую руку* 'умело, ловко, мастерски' [КСГРС], *с подря́дом* 'усердно' [СРГК 4, 667]; во-вторых, за счет прилагательных, являющихся универсальным средством описания человека: *хо́дкий* 'работающий, тот, кто все умеет и успевает' [КСГРС], *пристру́женный* 'расторопный, старательный' [СРНГ 31, 423], *досу́жий* 'трудолюбивый, способный к разного рода деятельности' [КСГРС].

V. Сектор «**основания оценки**» нерядоположен с перечисленными секторами, а является надстройкой, модификационным элементом, обуславливающим содержание всех структур поля. Появление данного сектора исходит из разнообразия проявлений положительного, «любовного» отношения к работе, труду.

В результате обобщения сем, характеризующих деловое качество субъекта или процесс, обозначился перечень оценок, которые с определенной долей условности укладываются в следующие

параметры (параметры располагаются по мере уменьшения количества идеограмм/единиц, реализующих данный параметр, что является одним из показателей его значимости в структуре «оценочного» сектора):

- **желание работать, привычка к труду:** *кышты́м* ‘трудолюбивый человек’ [КСГРС]; *клевáшнный* ‘сметливый, старательный, работающий’ [СРНГ 13, 270]; *мо́куш* ‘труженник’ [НОС 5, 91]; *ручнóй человек* ‘человек, способный, привычный к делу’ [Даль 4, 111]; *оберу́чь* ‘прилежно, усердно, охотно; изо всех сил’ [СРНГ 22, 37]; *лю́то* ‘много, прилежно, усердно, с рвением’ [СРНГ 17, 248]; *заполы́скивать* ‘делать что-либо с азартом, увлечением’ [СРНГ 10, 241].

- **ответственность за результат:** *трепесту́ха* ‘та, которая усердно работает, старательная’ [НОС 11, 58]; *развы́тнный* ‘усердный, трудолюбивый’ [СРНГ 33, 289]; *кура́ть* ‘делать, мастерить что-нибудь в течение долгого времени, старательно’ [СРГК 3, 62]; *клевáшнный* ‘сметливый, старательный’ [СРНГ 13, 270]; *ловóшнить* ‘стараться, пытаться’ [СРГК 3, 137]; *охропа́ючи* ‘очень прилежно (работать)’ [СРНГ 25, 52]; *нату́га* ‘о старательном, прилежном в работе человеке’ [СРНГ 20, 235]; *не помелóм дéлать* ‘делать что-либо добросовестно’ [КСГРС]; *щепетли́во* ‘старательно, кропотливо’ [КСГРС]; *ко́плиться* ‘усердно заниматься чем-либо, копаться, корпеть’ [СРНГ 14, 291]; *забо́тно* ‘усердно, старательно, ответственно’ [КСГРС]; *ко́па* ‘тот, кто делает тщательно, усердно, вникая в мелочи’ [СРНГ 14, 280]; *конобо́й* ‘о трудолюбивом, заботливом человеке’ [СРНГ 14, 260]; *круто́й* ‘старательный, исполнительный, трудолюбивый’ [СРНГ 15, 331]; *на́стоять* ‘упорно и настойчиво трудиться’ [СРНГ 20, 196]; *передóвка* ‘работница, достигшая наибольших успехов в труде, ударница’ [СРНГ 26, 90]; *обихóдец* ‘старательный работник, рачительный хозяин’ [СРНГ 22, 68]; *ómex* ‘человек, чрезмерно много работающий ради накопительства, из жадности’ [СРНГ 23, 202]; *ломáть подря́д* ‘интенсивно работать, выполняя норму’ [СРГК 3, 142];

- **уровень квалификации/осведомленности в деле:** *ручнóй человек* ‘человек способный, привычный к труду’ [Даль 4, 111]; *розвёртнный* ‘проворный и сметливый в деле, расторопный, бойкий’ [СРГСУ 5, 82]; *обряжу́ха* ‘тот, кто умело, ловко, проворно выполняет работу’ [СРГК 4, 116]; *капита́лик* ‘деловой человек’

[НОС 4, 19]; *намы'тарь* 'человек, до тонкости знающий свое дело, мастер' [СРНГ 20, 45]; *кóваль* 'хороший мастер, знаток своего дела' [СРНГ 14, 25]; 'умеющий хорошо делать любую работу' (*дэльница* 'работающая, умеющая все делать' [СРДГ 1, 127]; *знать свое дéло* 'умело справляться с работой, быть хорошим мастером' [ФСРЛЯ 1, 200]; *хвátко* 'мастерски' [НОС 12, 9]; *дельнёц* 'деловой, работающий человек, мастер своего дела' [СРНГ 7, 346]; *отóрва* 'о том, кто на все руки мастер' [СРНГ 24, 261]; *мотák* 'человек, искусный в чем-нибудь, мастак' [СРГК 3, 264]).

• **координация движений/действий:** как *огóнь* 'о быстром, ловко, работающем человеке' [НОС 6, 129]; *охобáчивать* 'делать что-либо с усердием, ловко, быстро, хорошо' [СРНГ 25, 42]; *промы'тница* 'работающая, расторопная женщина' [КСГРС]; *помётчик* 'проворный, быстро работающий человек' [СРНГ 29, 210]; *опáра* 'об искусном, сноровистом человеке' [КСГРС].

• **темп работы:** *огóнь* 'о бойком, расторопном, быстром в работе человеке' [СРНГ 22, 341]; *хоботить* 'делать что-либо усердно, быстро' [НОС 12, 18]; *провáривать* 'быстро, проворно выполнять работу' [СРГСУ 5, 23]; *отплáстывать* 'быстро, споро делать что-либо' [СРГСУ 3, 87]; *крутодёл* 'о человеке работающем, быстро и скоро работающем' [СРГК 3, 38]; *бой* 'человек, быстро работающий и везде поспевающий' [СРНГ 3, 66]; *дорбáнить* 'работать долго и с большой затратой сил' [СРГК 1, 488]; *кóплиться* 'усердно заниматься чем-либо, копаться, корпеть' [СРНГ 14, 291].

• **затрата физических сил:** *óберучь* 'прилежно, усердно, охотно, изо всех сил' [СРНГ 22, 37]; *пétаница* 'женщина, которая много и напряженно трудиться, труженица' [СРГК 4, 490], *выпазгать* 'быстро и энергично выполнить какую-либо работу' [АОС 8, 51]; *рабóтать в пот* 'много работать до пота лица' [НОС 9, 79]; *чёрта лóмить* 'много работать, изнурая себя' [СРГК 3, 143]; *жухаться* 'много, тяжело работать, трудиться' [СРНГ 9, 233]; *мозóлиться* 'делать что-либо с большим трудом, стараться' [СРГСУ 5, 135]; *вытя'гивать жылы* 'работать усиленно, не жалея себя' [ФСРЛЯ 1, 128]; *быстрóга* 'неутомимый работник' [СРНГ 3, 234]; *бítься как печенéг óбь зéмь* 'трудиться без усталости' [СРНГ 26, 347]; *крéпкий на рабóту* 'о трудолюбивом, выносливом и спором работнике' [СРНГ 15, 217]; *ходóвый* 'бойкий, энергичный, проворный и сметливый в деле' [ДСРГСУ, 554].

• **объем работ:** *бузовать* ‘быстро и много работать’ [СРНГ 3, 257]; *двойник* ‘об очень много, за двоих работающем человеке’ [АОС 10, 325]; *áред* ‘жадный на работу’ [СРГК 1, 21]; *бой* ‘человек, быстро работающий и везде поспевающий’ [СРНГ 3, 66].

• **степень занятости:** *копостник* ‘трудолюбивый человек, постоянно чем-то занимающийся’ [СРНГ 14, 294]; *кнырь* ‘прозвище деятельного и хлопотливого человека, никогда не бывающего без дела’ [СРНГ 13, 346]; *рабóтать до пя́того лица́* ‘работать длительно и напряженно’ [НОС 9, 79]; *не положáища рук* ‘не покладая рук’ [СРНГ 29, 98]; *пону́жать* ‘работать долго, усердно, без передышки’ [СРНГ 29, 274]; *кортéть* ‘прилежно, усидчиво работать’ [СРНГ 14, 374].

• **отношение к другим работникам:** *впервы́х* ‘лучше других, опережая других в каком-нибудь деле’ [АОС 5, 140], *выдви́жо́нец* ‘передовой работник’ [АОС 6-7, 180]; *впервы́х* ‘лучше других, опережая других в каком-нибудь деле’ [АОС 5, 140]; *передóвка* ‘работница, достигшая наибольших успехов в труде, ударница’ [СРНГ 26, 90]; *как то́пор за по́ясом* ‘тот, кто постоянно помогает, всегда вместе на работе’ [НОС 11, 49].

• **общая оценка:** *га́рты* ‘хорошие работники’ [СРНГ 6, 147]; *забра́сывать рабóтой* ‘хорошо работать’ [СРНГ 33, 239].

Представленный набор оценочных оснований интересен в следующих отношениях.

1. Словарные дефиниции представляют семантику комплексно — сочетанием двух и более признаков. Эта комплексность в силу своей аналитичности представляет собой определенную условность, поскольку в языковой практике оценочный, субъективный взгляд носителя языка делает связь признаков синкретичным. Тем не менее, данные словарей, думается, отражают некоторые типичные сочетания признаков и проливают свет на внутреннюю организацию поля. Здесь мы будем исходить из предположения, во-первых, что участки, приближенные к ядру, в большей степени, чем остальные, взаимодействуют с другими секторами поля; во-вторых, что за «сцепками» в одной семеме признаков, реализующих разные параметры, стоит их логическая взаимосвязь.

Наиболее часто встречаемым в комплексных дефинициях параметром, причем практически во всех возможных сочетаниях,

является аспект, который мы назвали «чувство ответственности за результат», что утверждает за ним статус ядерного параметра.

Что касается парных связок, то обращает на себя внимание частотность взаимосвязи параметров «координация движений / действий» и «уровень квалификации / осведомленности в деле». Логика здесь очевидна: наблюдая ловкость и согласованность действий, носитель языка делает вывод о том, что это следствие определенной способности и квалификации. Оценка скоординированности движений часто идет рука об руку с вниманием к темпу работы, устанавливая факт, что скорость выполнения работы во многом зависит от отсутствия лишних действий или движений. В свою очередь, быстрота и проворность предполагают затрату физических сил, что приводит к распространенному сочетанию в одной семеме признаков типа ‘быстро’ и ‘усиленно’. Кроме того, параметр «затрата физических сил» регулярно вступает в «партнерские» отношения с оценкой объема работ.

2. Выделяются параметры, которые прописаны особым образом. Критерием маркированности является не только количество идеограмм, но и их противопоставленность друг другу. В этом плане наиболее разработан параметр «уровень квалификации / осведомленности в деле». Данное качество развивается, начиная с обладания способностями через умение принимать быстрые решения и наличие опыта к мастерству и искусности. В рамках этого же параметра отмечается смысловая дифференциация ‘знаток/мастер своего дела’ — ‘умеющий, способный выполнять любую, всякую работу, мастер на все руки’. На наш взгляд, подобная оппозиция отчасти отражает различие типов трудолюбивых людей по складу характера: кто-то дотошно ищет себя в одном деле, кто-то предпочитает разнообразие работ и форм проявления.

На этом же основании выделяются такие параметры, как «желание работать» (‘с увлечением’ — ‘с рвением’), «чувство ответственности» (‘исполнительный’ — ‘прилежный’ — ‘усердный’), «затрата сил» (‘энергично’ — ‘изнуряя себя’), подтверждая тем самым свою близость к центру поля.

3. На количественную реализацию параметров конкретными оценочными смыслами стоит обратить внимание, учитывая крайние показатели в статистических подсчетах. Так, сопоставление количества оценочных определений в параметрах «уровень квалифи-

кации в деле» и «отношение к другим работникам» адекватно отражает место данных секторов в структуре поля: первый — один из главных, второй — наименее значимое. Такой аспект оценки, как «желание работать», не отличается многочисленностью конкретных оценочных смыслов, но представлен наибольшим количеством номинаций (порядка 30% в каждом секторе поля), что говорит о его маркированности в семантике поля.

4. Интересна смысловая наполненность отдельных идеограмм. Диалектный материал демонстрирует, что, наряду с общей оценкой нацеленности на результат (*настоять* ‘упорно и настойчиво трудиться’), для трудолюбивого человека свойственно стремление к одной вполне конкретной цели — приобретение чего-либо материального (например, денег), причем, скорее, для себя: ср. *деру́н* ‘человек, не жалеющий сил для работы на себя’, *казнодей* ‘человек, работающий исключительно из-за денег, но не скряга’. Подобным образом традиционное сознание определяет как ценность не только общее желание работать, но и стремление к практической пользе.

5. При оценочной номинации человека по его отношению к труду, помимо качественного и количественного аспекта (здесь закономерно доминирует первый параметр), задействован социальный аспект — сторона взаимоотношений в процессе работы — где на первое место выходят мотивы соревновательности и превосходства.

VI. Выход на «ближайших соседей» поля возможен через внимание к специфике семной структуры лексических единиц поля, которая заключается в том, что зачастую развитие искомого значения происходит путем объектной специализации определенных значений. В этом отношении типичные формулировки значения в поле представляют следующие лексемы: *розвёртный* ‘проворный и сметливый в деле, расторопный, бойкий’ [СРГСУ 5, 82], *изворóтливый* ‘ловкий в работе’ [СРНГ 12, 112], *круто́й* ‘скорый, проворный, ловкий на работу’ [НОС 4, 157], *строево́й* ‘деловой, опытный в делах’ [СРГСУ 6, 69], *ковы́рный* ‘умелый в каком-либо деле’ [НОС 4, 66], *ретивы́й* ‘усердный, горячий, пылкий на дело, старательный, ревностный, ражий духом’ [Даль 4, 98], *ходо́вый* ‘бойкий, энергичный и сметливый в деле’ [СРГСУ-Д, 554], *задавно́й* ‘жадный на работу, работающий’ [КСГРС], *кре́пкий на рабо́ту* ‘о трудолюбивом, выносливом и спором работнике’

[СРНГ 15, 217]. Круг подобных полей-«партнеров» достаточно определен; к нему можно отнести:

✧ *поле «Характеристика физических качеств человека»*, ср. идеограммы ‘выносливый работник’, ‘энергичный в деле’, ‘быстрый в деле’ и частотность сцеплений признака ‘быстрый’ с ядерными смыслами поля: *крутодѣл* ‘о человеке работающем, быстро и скоро работающем’ [СРГК 3, 38], *увѣрный* ‘проворный, быстрый, работающий’ [КСГРС], *как огонь* ‘о быстром, ловком, работающем человеке’ [НОС 6, 129], *муха ему на руку не сядет* ‘об очень подвижном, работающем человеке’ [СРНГ 19, 35]; *тяглый* ‘сильный, бодрый, работающий’ [КСГРС], *заразной* ‘трудолюбивый, энергичный’ [СРНГ 10, 388], *воротила* ‘очень сильный и много работающий человек’ [СРНГ 5, 119], *батрак* ‘работник, отличающийся силой и усердием’ [СРНГ 2, 147];

✧ *поле «Характеристика человека по умственным способностям»*, ср. идеограммы ‘умелый’, ‘искусный’ (в которых синкретично представлена оценка по уму и деловым качествам), ‘сметливый в деле’, ‘знающий свое дело’ и формулировки значения в лексемах *вытный* ‘умный, деловой, добропорядочный; дельный, работающий’ [СРНГ 6, 40], *комѣдчик* ‘искусный, изобретательный человек, умелец’ [СРНГ 14, 229], *гусар* ‘смекалистый, работающий человек’ [СРНГ 7, 241], *изнорѣщик* ‘ловкий, сообразительный человек, у которого всякое дело в руках спорится’ [СРНГ 12, 159];

✧ *поле «Характеристика человека по отношению к собственности»*, ср. определение субъекта трудолюбия как хозяина/хозяйки: *обиходница* ‘рачительная и расторопная хозяйка’ [СРНГ 22, 68], *шишкун* ‘старательный хозяин’ [Кругликова, 100]), идеограмму ‘хозяйственный’, которую можно понимать как ‘положительно относящийся к своему хозяйству’ или ‘положительно относящийся к выполнению хозяйственных обязанностей’, идеограмму ‘рачительный’, в которой старательность и усердность в деле сочетается с бережливостью, идеограмму ‘жадный на работу’; а также сочетание смыслов двух полей в рамках одной семемы: *поводный* ‘хороший, работающий, аккуратный (о хозяйке)’ [КСГРС], *обиходка* ‘трудолюбивая, чистоплотная женщина, рачительная хозяйка’ [СРНГ 22, 68], *омех* ‘человек, работающий

много ради накопительства, из жадности' [СРНГ 23, 202], *калаёд* 'работящий, но скупой и грубый человек' [КСГРС];

✧ *поле «Характеристика человека по взаимоотношению с людьми»*: связь между полями отражена в релятивной оценке 'работать лучше других', 'работать, опережая других'; в сосуществовании признаков, обозначающих трудолюбие, усердие и определенный склад характера, ср.: *безответник* 'трудолюбивый, скромный и послушный человек' [СРНГ 2, 196], *кикíмора* 'о тихом, скромном, трудолюбивом человеке' [СРНГ 13, 204], *розвёртний* 'проворный и сметливый в деле, расторопный, бойкий' [СРГСУ 5, 82], *калаёд* 'работящий, но скупой и грубый человек' [КСГРС]; а также в связи соседних семем в структуре одного слова, ср. *отва́жный* 'прилежный', 'приветливый, общительный, уважительный, обходительный, доброжелательный' [СРНГ 24, 127], *ладо-вítый* 'хозяйственный, деятельный', 'такой, который живет с другими дружно, в согласии' [СРГК 3, 90], *кропотли́вый* 'постоянно занятый каким-либо делом', 'ворчливый, сварливый' [СРНГ 15, 281], *варя́га* 'ловкий, проворный, расторопный человек', 'простой, бесхитростный, добродушный человек' [СРНГ 4, 64].

Существование «силовых линий», протягивающихся от секторов поля к смежным полям, подчеркивает значимость последних в отражении понятия, лежащего в ядре поля. В этом случае можно утверждать, что положительный внутренний настрой человека на работу, должен быть подкреплён его физическими качествами: именно физическая сила даёт человеку возможность постоянно и без усталости работать. Помимо физических данных важны интеллектуальные способности, среди которых ценятся умения быстро соображать, принимать решения, изобретать, а также хорошее знание дела, искушенность в нём.

Притяжение идеи трудолюбия к семантическому полю «Отношение к собственности», особенно к типу отношения, которое характеризуется 'действием по приобретению собственности, направленным на себя' (идеограммы 'жадный', 'скупой'), с одной стороны, свидетельствует о том, носитель языка отнюдь не заблуждается на счёт бескорыстности повышенного стремления к труду и работе. С другой стороны, эту связь понятий можно интерпретировать как взгляд крестьянина, думающего о практической пользе и высоко ценящего заботу о хозяйстве.

Тесное взаимодействие с семантикой, характеризующей человека по отношению к людям, демонстрирует внимание к личностному началу человека труда — он и тихий, скромный, и бойкий, веселый, обходительный, и, вместе с тем, грубый.

VII. В качестве **общей характеристики поля** «Положительное отношение к труду» мы выделили следующие конституирующие моменты:

1. Содержание ядра поля составляет комплекс категориальных и дифференцирующих признаков, которые, будучи связанными между собой в рамках своеобразного синтаксиса, задают членение остального семантического пространства. Дифференцирующие признаки противопоставлены друг другу по обозначению внутренней установки на труд ('желание', 'интерес') или внешнему проявлению этой установки ('образ действий').

2. Семантическую организацию поля в наибольшей степени определяет ситуация трудового процесса, заслуживающего особой положительной оценки.

3. В общей структуре поля важнейшую роль играет уровень поля, содержащий критерии оценки качества выполнения работы. Его организация также осуществляется по полевому принципу и во многом зависит от содержания денотативного уровня. Противопоставление качественных (например, 'уровень квалификации в деле') и количественных (например, 'затрата времени на выполнение') критериев осуществляется асимметрично в пользу оценки качества работы.

4. Взаимодействие с соседними семантическими полями определяется вторичностью семантики единиц поля и реализует некоторые причинно-следственные связи, касающиеся представлений о трудолюбивом человеке.

1.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛЯ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ»

I. Имя анализируемого поля — «Отрицательное отношение к труду» — является инвариантным обозначением разных состояний / свойств субъекта, в которых это отношение проявляется. Вариативность заглавного имени реализуется в существовании сразу же нескольких общих для литературного языка и диалекта ядерных понятий: лень, безделье, праздность, — за каждым из которых стоит своеобразный набор смыслов. Для определения ядра поля необходимо выявить у каждого из понятий смысловые доминанты, задающие последующие логические переходы в структуре поля.

Словарь современного русского литературного языка определяет лень как 'отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью' [ССРЛЯ 17, 178]. В этом определении стоит отметить ту его часть, которая строится на негации определенного свойства. Подобный понятийный смысл представляет собой обобщение, дающее носителю языка возможность в конкретном акте номинации уточнить, что именно отрицается, и причины такого поведения, а также наполнить содержанием «конструктивную» часть понятия (склонность к безделью). Это обстоятельство является фактором, увеличивающим степень субъективности (оценочности) представлений, связанных с ленью.

Наполнение данного понятия и лексикографический портрет лексемы *лень* на материале литературного языка описывается И.Б.Левонтиной [Левонтина 1999]. На основании анализа свободных текстовых связей лексемы выделяется идея общего недостатка активности, «который создает некоторый фон, затрудняющий и тормозящий претворение в жизнь принятых решений, реализацию предпочтений». На этом «фоне» лень предстает в трех разных ипостасях: а) некоторое состояние тела, физическая расслабленность, оцепенение, при котором нет желания совершать действия, нарушающие покой; б) определенное душевное состояние, когда человек не может собраться и побудить себя к какому-то действию; в) некое состояние ума, нежелание человека совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую [Левонтина 1999, 106—108].

Мотив общего недостатка активности манифестируется и в диалекте, ср.: *ліхость* ‘дремота, лень’ [СРНГ 17, 83], *проклáдство, прохлáдство* ‘медлительность, неповоротливость, лень’ [СРНГ 32, 157; 33, 27], *о́тя* ‘лень’ (*Быва лень заберет, отя. Отя — это уж совсем лихо, не хочу и все. Отя сама уж последняя лень*) [СРНГ 25, 18], *о́тетъ, о́тятъ* ‘высшая, крайняя степень лени’ [СРНГ 24, 179]. Представления о сниженной активности эмоционально-волевой сферы в состоянии лени отражают фразеологизмы *ру́ки ва́ляются* ‘нет желания, настроения работать, делать что-либо’ (*Уж так не хочется браться за это дело, аж руки валяются*) [ФСРС, 169], *зубы на лóкотъ* ‘о нежелании работать, что-либо делать’ [СРГК 1, 409]. Нерелевантность представлений об умственной установке на отказ от дела, а также образная основа единиц составляют специфику народного восприятия лени.

И.Б.Левонтина обращает также внимание на онтологическую неочевидность, таксонимическую неопределенность лени: “Лень — это, с одной стороны, с о с т о я н и е, которое <...> концептуализируется в языке как стихия, захватывающая человека извне, побеждающая его. Ср. *Лень-матушка одолела* <...>. С другой же стороны, лень — это и свойство человека; ср. *Меня раздражали его лень и глупость*” [Левонтина 1999, 106]. В анализируемом нами материале также отмечается подобная двузначность. Представление о лени как состоянии воплощается в лексеме *отятъ* и развивается в виде фольклорного текста: «*Жили-были две сестры, старшая отятъ и младшая лень. Как-то раз, в жаркий день, они лежали под кустом, на котором росли ягоды. Обе сестры были голодны, но им не хотелось подняться и сорвать ягоды. Лень только сказала: — Кабы хоть одна ягода упала ко мне в рот. Отятъ на это заметила: — Как тебе говорить то хочется*» (онеж.) [СРНГ 24, 179]. Категоризация лени как качества реализуется в следующих лексемах и контекстах: *притужинка* ‘непоротливость, ленца’ (*Всем парень хорош да с притужинкой: не так скоро на работу раскачаешь*) [СРНГ 32, 29], *лежь* ‘лень, лежание’ (*Встань человека кормит, а лежь портит*) [СРНГ 16, 337], *опуцѣнство* ‘лень, неаккуратность, неряшливость’ [СРНГ 23, 322].

Развитие значения ‘отсутствие усердия в деле’ конкретизирует идею лени и характеризует лентяя с точки зрения наличия деловых способностей, ср. *неохоть* ‘леность, отсутствие усердия в деле’

[СРНГ 21, 106], *нераде́йство* ‘отсутствие старательности, нерадивость’ [СРНГ 21, 137], *абы́ канье* ‘нерадивость’ [АОС 10, 196].

Понятия безделья и праздности, во многом близкие между собой, противостоят лени². Их объединяет идея отсутствия/пустоты и представление отказа от работы в виде ситуации отсутствия дела. Эта ситуация, в отличие от лени, может быть не связана с волей человека, а обусловлена внешними причинами, ср. устойчивое выражение *вынужденное безделье* при невозможной подстановке существительного *лень*. Другое общее представление, ассоциируемое с понятиями безделья и праздности, связано со свойствами человеческой природы, не терпящей полной пустоты и заполняющей отсутствие Дела занятиями или делами, оцениваемыми как бесполезные, пустые. В результате подобной когнитивной установки у лексемы *безделье* развивается вторичное значение ‘пустое занятие, забава’, ‘безделушка’; а прилагательное *праздный* становится атрибутивом при существительных со значением действия или процесса, ср. *праздные мысли, праздные разговоры* и т.п. Таким образом, в понятиях *безделье* и *праздность* выделяется логический центр «образ времяпрепровождения в отсутствии серьезной работы, дела».

Характерно, что состояние праздности может быть оправдано, например, освобожденностью от работы (ср. этимологическую связь со словом *праздник*, обозначающий день, посвященный не работе, а Богу, отдыху или развлечению) или другими обстоятельствами (ср. *проклáд* ‘праздность, безделье, лень’, ‘свободное от работы время’ [СРНГ 32, 156], *дарова́ порá* ‘досуг, свободное время; безделье’ [СРНГ 30, 28], *ру́ки к се́рдицу* ‘о праздной, вольготной жизни, когда мало приходится работать’ (*Раньше работали с утра до ночи на пашне, а сейчас-то мы руки*

---

² Ср. цитату из романа В.Пикуля «Фаворит»: «Фонвизин и надоумил Потемкина:

— Коли не нашел занятия, так найди суженую.
— Суженая не выбранная. А жениться — лень.
— Не ленивый ты — праздный.
— Какая ж разница?
— Большая... Похож ты, Гриша, на громадный котел, в котором всегда что-то кипит, но ничего в нем не варится. Возле тебя многие сыты будут, но сам ты помрешь голодным».

к сердцу и посиживам) [ФСРГС, 169], даровой поп крестил 'о состоянии праздности, безделья' (Иди, Аннушка, даровой поп седня крестил и работать не велел) [АОС 10, 268]).

Ситуация отсутствия дела воспринимается носителями языка по-разному: с одной стороны, она связана со скукой, маемой, ощущением нереализованности, ср. устойчивые выражения *маяться* (*мучаться, страдать*) *от безделья, слоняться от безделья туда-сюда*; с другой стороны, человек может получать удовольствие от безделья, ср. *бал* 'безделье, пустые разговоры, веселое времяпрепровождение' [СРНГ 2, 64], *лежепáрство* 'бездельничанье, лентяйничанье' [СРНГ 16, 334], *гульбá* 'праздное, бесцельное времяпрепровождение, гулянка' [СРГК 1, 413], *лэжка* 'лень, безделье', 'лежание, отдых' [СРНГ 16, 335].

Существование понятия безделья, на наш взгляд, обусловлено необходимостью расширения спектра ситуаций, к которым применим термин «отрицательное отношение к труду». Другими словами, носитель языка склонен использовать лексемы *бездельник, бездельничать* в том случае, когда заявляет личное, субъективное мнение о наличии или отсутствии должного дела у объекта номинации и степени полезности, содержательности его занятий.

Таким образом, структура ядра поля состоит из следующих секторов: 1. Состояние сниженной активности или нежелания работать; 2. Отсутствие усердия в деле; 3. Образ времяпрепровождения в отсутствии работы.

II. Сектором, отвечающим за акциональное проявление ядерных признаков, выступает сектор **«процесс, в котором проявляется отрицательное отношение к делу, работе, труду»**. Внутри он подразделяется на несколько семантических областей, в основе которых лежат разные денотативные ситуации.

Наиболее представительно в количественном отношении разработана ситуация, к которой приложимо определение **‘проводить время попусту, праздно, бездельничать’** (60% от числа всех глаголов и фразеологизмов с глагольным опорным компонентом), ср.: *ля’дничать* 'праздно проводить время, бездельничать' [СРНГ 17, 268], *баклáчить* 'проводить время в безделье' [КСГРС], *проклетáть* 'провести время праздно, в безделье' [СРНГ 32, 158] и т.п. Данное определение выражает собой субъективную оценку содержания деятельности / времяпрепровождения

объекта номинации. При этом языковое сознание не удовлетворяется общей оценкой и стремится ее конкретизировать — в виде фиксации более частных значений:

а) 'ходить, бродить, слоняться без дела': *вешаться* 'слоняться, бродить, переходя с места на место без особого занятия, дела' [СРНГ 4, 221], *недриться* 'бродить без дела, околачиваться' [СРНГ 21, 37], *бродяжить* 'ходить, слоняться без дела' [СРНГ 3, 192];

б) 'испытывать состояние физической недееспособности или нежелания работать': *волтругить* 'валяться, спать, лениться' [СРНГ 5, 76], *разлэгивать* 'не выходить на работу, лениться' [СРНГ 33, 352], *лежать повалухой* 'лениться' [СРНГ 3, 107];

в) 'сидеть без дела': *банкетать* 'праздно сидеть' [СРНГ 1, 38], *летовать* 'бездельничать, сидеть без дела' [КСГРС], *сидеть смотреть* 'сидеть сложа руки, бездельничать' [ФСРГС, 178];

г) 'проводить время в бессодержательных разговорах': *растобаривать* 'разговаривать от безделья, болтать' [Даль 4, 78], *пробалабонить* 'провести время в бессодержательных разговорах, проболтать, пробездельничать' [СРНГ 32, 78], *басни расправлять* 'бездельничать, болтать' (*Целый день басни расправляешь, а работа стоит*) [ФСРГС, 164];

д) 'шалить, дурачиться от безделья': *пустовать* 'шалить, баловаться, заниматься бездельем, пустяками' [Даль 3, 345], *подичать* 'подурачиться, побездельничать' [СРНГ 28, 25], *крутить псам хвосты* 'бить баклуши, дурака валять' [СРНГ 3, 37];

е) 'заниматься несерьезными делами, пустяками': *выдуривать* 'бездельничать, заниматься несерьезными, пустяковыми делами' [АОС 6—7, 194], *нитки мотать* 'заниматься бесполезным делом, бездельничать' [ФСРГС, 114], *бить лягушек* 'заниматься пустяками, бездельничать' [СРНГ 1, 29].

Среди перечисленных способов праздного времяпрепровождения наиболее распространенным (около половины всех единиц, конкретизирующих основное значение сектора) является тот, который характеризует двигательную активность субъекта — хождение, шатание, брожение и т.п. В два раза реже словари фиксируют «пассивные» значения — 'испытывать состояние физической недееспособности', 'сидеть без дела'. Примерно столько же единиц акцентируют поведенческую сторону безделья — 'шалить', 'заниматься несерьезными делами, пустяками'. Такое количест-

венное наполнение участков поля расставляет их соответственным образом по отношению к ядру и периферии: наиболее приближенным к ядру поля, и поэтому наиболее типичным, является «активное» безделье, т.е. противопоставление делу, работе, труду не полного бездействия, а определенного занятия.

За актуализацией ситуации «хождение без дела» стоит определенная позиция носителя языка. Ситуация пешего перемещения часто интерпретируется относительно цели движения, интенций субъекта [Шмелев 1999, 270]; при этом важно, что в праздном шатании нет идеи полной бесцельности, ср.: “У *шатающегося* есть цель, но она, с точки зрения говорящего, недостойная” [Там же, с. 274]. Эта установка на определение целей ходящего, бродящего человека предполагает интерпретационность, субъективность взгляда наблюдателя. Иначе говоря, *ходить, болтаться, шататься, бродить без дела* — это определенный поведенческий стиль, и он предполагает этическую оценку.

Другой способ проявления признака лени/праздности формирует раздел «*выполнять работу определенным образом*». К нему относятся глаголы, содержащие в своей семантике оценку качества выполнения работы. Круг оснований для оценки этих качеств ограничен следующими параметрами (порядок следования параметров обусловлен степенью их лексической реализации):

- **ответственность за результат работы:** *мухлить* ‘делать что-либо небрежно, как попало’ [СРНГ 19, 37]; *болестевать* ‘делать что-либо без плана, кое-как, халтурить’ [СРНГ 3, 73]; *зяблиться* ‘работать кое-как, спустя рукава’ [СРГСУ 1, 206]; *каверзить* ‘делать что-либо небрежно, кое-как, без старания’ [СРНГ 12, 292]; *работатъ на клин* ‘работать безответственно, спустя рукава’ [СРНГ 19, 329].

- **желание работать:** *прохирять* ‘лениво работать’ [СРНГ 33, 25]; *ля’мать* ‘делать что-либо неохотно, еле-еле’ [СРНГ 17, 274]; *потютю’каться* ‘поработать немного, не в полную силу, с прохладцей’ [СРГСУ 4, 113].

- **темп работы:** *на опаре кйснуть* ‘делать что-либо крайне медленно, лениво’ [КСГРС]; *размигуливать* ‘мешкать, медлить, вяло, лениво, неохотью работать’ [Даль 4, 36]; *ля’мать* ‘делать что-либо неохотно, еле-еле’ [СРНГ 17, 274]; *варакать* ‘делать что-либо наспех, неумело, кое-как, небрежно’ [СРНГ 4, 42].

• **уровень квалификации:** *гамéть* ‘делать что-либо неумело, не так, как надо, спустя рукава’ [АОС 9, 32]; *каверзítть* ‘делать что-либо небрежно, кое-как, без старания’ [СРНГ 12, 292]; *болестевáть* ‘делать что-либо без плана, кое-как, халтурить’ [СРНГ 3, 73]; *накультя’пáть* ‘делать что-либо плохо, небрежно, неаккуратно’ [СРНГ 19, 356]; *варакóсить* ‘делать что-либо небрежно, недоброкачественно’ [СРГСУ 2, 67].

• **затрата сил:** *шáриться* ‘делать что-либо медленно, с трудом’ [СРГСУ 7, 570]; *гужéй не рвать* ‘работать не в полную силу, не перетруждаясь’ [СРГСУ 1, 121]; *мя’чками работáть* ‘работать с прохладцей’ [СРГК 3, 288]; *огля’дки чáсто брать* ‘работать медленно, с остановками’ [СРГСУ 3, 362].

• **объем работы:** *пáлку переки́нуть* ‘плохо и мало работать’ [ФСРГС, 133]; *потютю’каться* ‘поработать немного, не в полную силу, с прохладцей’ [СРНГ 18, 207].

• **общая оценка:** *пáлку переки́нуть* ‘плохо и мало работать’ [ФСРГС, 133]; *дéлать на шаль* ‘делать не так, как надо, наоборот’ [КСГРС].

В представленном «рейтинге» обращает на себя внимание количественная реализованность такого аспекта оценки, как «темпы работы» (24% от числа всех единиц данного сектора). Особое внимание к скорости выполняемой работы объясняется на фоне представления о сниженной жизненной активности лентяя. Противоположная оценка — ‘наспех’ — не противостоит прямо оценке ‘медленно’, она акцентирует преимущественно такой аспект, как «ответственность за результат», ср.: *Поспеишишь — людей насмешишь*.

Содержание еще одного сектора, варьирующего акциональное проявление признака, определяется образом жизни и формулируется как «*жить определенным образом, проявляя отрицательное отношение к труду*», ср. *пáниться* ‘жить ничего не деля, не работая’ [СРНГ 25, 195], *отзимгóрить* ‘прожить какое-то время, бездельничая’ [КСГРС], *гúльтики справлять* ‘вести праздный образ жизни, лентяйничать’ [СРНГ 7, 220].

В отражении данной ситуации обращает на себя внимание различие оснований для оценки праздной жизни: с одной стороны, негативно оценивается присущий праздной жизни гедонизм, ср. идеограммы ‘разгульно’, ‘в удовольствии’ (ср. *вертёжничать*

‘вести праздный, разгульный образ жизни’ [СРНГ 4, 150], *в гуленьки удáриться* ‘начать вести праздную, разгульную жизнь’ [АОС 10, 140]; *с прóкладью жить* ‘жить без трудов, в довольстве, роскоши’ [СРНГ 32, 157]), — с другой стороны, номинатор учитывает, что подобный образ жизни возможен только за чужой счет, ср. *нетуня титься* ‘жить на чужой счет, чужим трудом, бездельничать’ [СРНГ 21, 181], *на лалáх жить* ‘жить праздно, за чужой счет’.

В семантической структуре поля выделяется также ситуация **уклонение от работы**, ср. *очужáться* ‘уклоняться от работы, отлынивать’ [КСГРС], *рук не окíнуть* ‘уклоняться от работы’ [СРГК 4, 173]. Частные разновидности этой ситуации определяют следующие признаки: ‘ходить, бегать, уклоняясь от работы’: *бродить* ‘ходить из одного места в другое, избегая дела’ [СРНГ 3, 187], *варлы житься* ‘шататься, слоняться без дела; отлынивать от работы’ [СРНГ 4, 55], *нерачать* ‘бегать от дела, лодырничать’ [СРНГ 21, 141]; ‘уклоняться от работы, сославшись на какую-либо причину’: *отбítься* ‘уклониться от дела, сославшись на какую-то причину’ [СРГК 4, 272], *оттиlíкиваться* ‘отстраняться, устраняться под разными предлогами от какого-либо дела’ [СРНГ 24, 336], *отлы гивать* ‘под тем или иным предлогом уклоняться от работы’ [СРНГ 24, 233]; ‘перекладывать дело на других’: *отпéшивать* ‘уклоняться от дела, перекладывая его на других’ [СРГК 4, 317]. Данный номинативный ряд фиксирует мнение о том, что недопустимо не просто избегать работу, но и искать оправдания своей лени.

Единицы разделов процессуального сектора способны к модификациям в нескольких планах: а) фазовые модификации, ср.: *забездэльничаться* ‘начать бездельничать’ [СРНГ 9, 250], *обездéловаться* ‘остаться праздным без дела’ [СРНГ 22, 29], *изварлыжиться* ‘привыкнуть к праздности’ [СРНГ 12, 101], *извыреть* ‘привыкнуть к дурным поступкам, облениться, избаловаться от безделья’ [СРНГ 12, 113], *испрокудиться* ‘избаловаться от безделья’ [СРНГ 12, 247], *изнабазу́литься* ‘избаловаться, стать капризным, облениться’ [СРГСУ 1, 201]; *разбездэльничаться* ‘бездельничать, мошенничать много, долго’ [Даль 4, 13]; б) субъект-каузатор: *облénивать* ‘делать ленивым’ (*Жара обленивает работника*) [СРНГ 22, 93], *обленить* ‘сделать ленивым’ (*Один лен-*

тяй всех в доме обленил) [СРНГ 22, 93], *уленить* ‘сделать ленивым, избаловать’ (*Людей-то уленили теперь — все возят*) [КСГРС], *галавэсить* ‘от своего дела бегать и других отклонять’ [СРНГ 6, 103]. Модификация по-разному реализуется среди разделов сектора. Так, фазовость в большей степени свойственна семантике единиц раздела ‘проводить время попусту, праздно, бездельничать’; при этом если начало процесса связывается, как правило, с ситуацией безделья/праздности (‘начать праздно проводить время’), то конечный этап процесса связывается с состоянием лени (‘облениться’) и оценивается более экспрессивно, преимущественно с морально-нравственной позиции (‘привыкнуть к дурным поступкам’, ‘испортиться нравственно’, ‘стать недисциплинированным’ и т.п.). Видимо, для носителя языка более или менее приемлема ситуация, когда человек временно выпадает из трудового процесса и остается без дела, чередование дела и безделья не выходит за рамки нормы, ср. посл. *Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем*. Если же человек не может или не хочет возвращаться к трудовой жизни, надолго задерживается в состоянии праздности, он, с точки зрения языкового коллектива, «портится».

III. Наиболее разработанным в количественном отношении является сектор **«субъект, характеризуемый отрицательным отношением к труду»**. Его наполняют лексические единицы со значениями ‘лентяй/бездельник/ленивый человек/лодырь’, ср. *лópень* ‘лентяй, бездельник’ [КСГРС], *нюча* ‘ленивый человек’ [СРНГ 21, 330], *у́перь* ‘ленивый человек, лодырь’ [КСГРС] и др.

Общую оценку субъекта по отношению к делу, работе, труду дифференцируют лексемы и фразеологизмы, обозначающие разновидности бездельника. В их семантической структуре отмечаются следующие дополнительные признаки:

- **‘шатун, бродяга’**: *потаскун* ‘человек, слоняющийся без дела’ [СРНГ 30, 268], *волóча* ‘человек шатающийся без дела’ [КСГРС], *шалтáй-болтáй* ‘бродяга, лентяй’ [ФСРГС, 189];

- **‘медлительный, неповоротливый, нерасторопный человек’**: *му́нега* ‘вялый, малоподвижный, неповоротливый или ленивый человек’ [СРНГ 18, 346], *кля’ча* ‘о ленивом, неповоротливом человеке’ [СРНГ 13, 339], *некудáка* ‘ленивый, нерасторопный человек’ [КДЭИС];

• **‘лежебока’**: вал ‘лентяй, лежебока’ [СРНГ 4, 19], *неподвінь* ‘лежебока, лентяй’ [СРНГ 21, 113], *обибо́ка* ‘лежебока, лодырь’ [СРНГ 22, 56];

• **‘пустомеля’**: *колотыра* ‘праздный, отлынивающий от работы человек, любящий пустую болтовню, пустомеля’ [СРНГ 14, 186], *обломон* ‘бездельник, зубоскал, пустослов’ [СРНГ 22, 108], *бря’нка* ‘пустомеля, много болтающий и не любящий работать человек’ [КСГРС];

• **‘тот, кто плохо работает, нерадив; неумеха’**: *варза́ка* ‘тот, кто плохо работает’ [СРНГ 4, 52], *не́роботъ* ‘лентяй, неумеха, тот, кто не хочет или не может работать’ [КСГРС], *ячмённая кладь* ‘о нерадивом, ленивом человеке’ [СРГСУ 2, 74]; ‘белоручка’: *белыш* ‘лентяй, белоручка’ [СРГК 1, 59], *беломойка* ‘белоручка’ [СРДГ 1, 23], *непря’шиха-нетка́шиха* ‘лентяйка, белоручка’ [КДЭИС];

• **‘дармоед, туняедец’**: *дармохлебоёд* ‘тот, кто живет на чужой счет, бездельник’ [АОС 10, 264], *подхалы’м* ‘туняедец’ [СВГ, 116], *ту́нча* ‘туняедец, бездельник’ [КСГРС];

• **‘гуляка’**: *разгу́льщик* ‘тот, кто любит гулять, предаваться увеселениям, бездельник’ [СРНГ 33, 318], *пригу́льши* ‘бездельник, гуляка’ [СРНГ 32, 182].

Подобные характеристики лентяя показывают, во-первых, что квалификация субъекта связана с разного рода ситуациями, в которых проявляется его отрицательное отношение к труду: «тот, кто ходит без дела» ⇒ «лентяй», «тот, кто много говорит» ⇒ «лентяй», «тот, кто лежит» ⇒ «лентяй». Во-вторых, на данном материале вырисовываются определенные типы лентяев: лежебока, белоручка, гуляка, пустомеля, неумеха.

Круг представленных признаков распространяют идеограммы, имеющие еще более специфичные и экспрессивные значения, ср.: *копёшник* ‘ленивый человек, который старается больше проспять за копной, нежели работать’ [СРНГ 14, 290], *пону́га* ‘ленивый человек, котрого все время нужно заставлять что-либо делать’ [КЛЭИС], *обивень* ‘лентяй, привыкший к побоям’ [СРНГ 22, 57].

Что касается **модификационного компонента**, то для значения ‘ленивый человек’ характерна интенсификация признака при помощи количественного показателя ‘очень/крайне’, ср.: *о́тек*,

óтеть, óтех ‘крайне ленивый человек’ [КДЭИС], *ленивеё лóдыря* ‘очень ленивый’ [ФСРГС, 105], *мáтушка óтеть* ‘об очень ленивом человеке’ [ФСРГС, 129], *лень стылая* ‘очень ленивый человек’ [СРГСРКК, 155], *лень на лени сидит и лёнью погоняет* ‘об очень ленивом человеке’ [НОС 5, 17]. Нерелевантность данного аспекта оценки для ситуации праздности (ср. неправильность выражения **очень праздный человек*) свидетельствует, во-первых, о перенесении акцента на внутреннее состояние человека, во-вторых, о существовании некоторых факторов, регулирующих это состояние, одним из них является самоконтроль, ср.: *Как втянешься, так работается, а попустишь себе — и разленишься* [Даль 4, 34].

К модификационным компонентам относятся также семы животное/биологический вид: *качáлко* ‘о ленивой лошади’ [СРНГ 13, 142], *валюжина* ‘ленивая лошадь’ [СРНГ 4, 36]; пол, ср.: *кокóвка* ‘лентяйка’ [СРГК 2, 390], *гуля’ха* ‘любительница, проводить время праздно, бесцельно’ [СРГК 1, 414], *полыгáлка* ‘бездельница’ [СРНГ 29, 174]; возраст, ср.: *байбачóк* ‘о ребенке — неповоротливый, неуклюжий, ленивый’ [СРНГ 2, 53], *отдóвка* ‘непослушная, ленивая девочка’ [СРНГ 24, 166], *пáхолок* ‘ленивый, изнеженный мальчик’ [СРНГ 25, 293], *ожердя’и* ‘о ленивом подростке’ [СРГК 4, 162]; род деятельности, ср.: *недопёка* ‘неряшливая, нерадивая хозяйка’ [КСГРС], *недо́пря* ‘ленивая или неумелая и нерасторопная пряжа’ [СРНГ 21, 28], *ватру́ха* ‘ленивая стряпуха, кухарка’ [СРНГ 4, 73]; единичность — множественность, ср.: *нерадёлъщина* ‘о ленивых, нерадивых, плохих работниках’ [СРНГ 21, 137], *óгуль* ‘о лентяях-бездельниках’ [СРНГ 22, 362], *тюха, пантюха да колунай с братом* ‘о группе ленивых работников’ [ФСРГС, 167].

IV. В поле «Отрицательное отношение к труду» отдельно выделяется семантический участок **«образ действия/деятельности субъекта или характеристику его состояния»**, в котором содержатся единицы, дающие признаковое описание субъекта или процесса. Его наполняют наречия, слова категории состояния и фразеологизмы, ср.: *отдаровья’* ‘в свободное время, от нечего делать’ [СРНГ 24, 161], *напорозни’* ‘бесцельно, праздно’ [СРНГ 20, 91], *напусте* ‘бесцельно, праздно’ [СРНГ 20, 112], *ни в сноп, ни в горсть* ‘плохо, никуда не годно’ [КСГРС], *ли́хо* ‘лень, не хочется’ [СРНГ 17, 77], *дáром* ‘праздно, без дела’ (*Подделаю, лягу,*

лежу даром) [АОС 10, 269], *воблокóтке* ‘бездельничая, ничего не делаая’ (*Грех веть воблокотке сидеть, работа што ли на ум нейдет*) [АОС 4, 141], *порожнякóм* ‘без дела’ (*Ты давай не стой порожняком, робь*) [СВГ, 165].

К данному разделу примыкает семантическая зона «**характеристика субъекта отрицательного отношения к труду**»; ее объем составляют прилагательные: *баловнóй* ‘ленивый’ [СРГК 1, 36], *лёгонький* ‘ленивый’ [КДЭИС], *неудáлый* ‘ленивый’ [СРНГ 21, 187]; *огу́рливый* ‘не занятый делом, праздный’ [СРНГ 22, 366], *шатúщий* ‘праздно проводящий время, бездельник’ [СЮРКК, 430], *бестúтой* ‘нехозяйственный, неумелый, нерадивый’ [КСГРС], *пиогáвый* ‘человек, ведущий праздный образ жизни, бездельник’ [СРНГ 8, 185], *кутнóй* ‘ведущий праздный образ жизни’ [СРГК 3, 77], *служáвой* ‘ленивый, избегающий труда’ [КДЭИС], *непράвдош-ний* ‘поступающий несправедливо, отлынивающий от работы’ [СРНГ 21, 124].

VI. Участок в поле занимают единицы, обозначающие определенные **предметные сущности**, ср. *ленíвый пóезд* ‘товарно-пассажи́рский поезд’ [СРНГ 16, 351], *ленíвая крапи́ва* ‘глухая крапива’ [СРНГ 16, 353], *ленíвая сохá* ‘слишком поздний выезд на полевые работы’ [СРНГ 16, 353], *ленíва* ‘целина, вспаханная на один раз’ [СРГСУ 2, 91], *лентя’йка* ‘швабра’ [СРНГ 16, 357], *лентяйка* ‘коса-стойка’ [КСРГС], *ленíвица* ‘лежанка у печи’ [КСГРС], *ленíвые ша́ньги* ‘кушанье, вид ватрушек’ [КСГРС]. Портрет лентяя, который рисуется через особенности окружающей его предметной сферы, содержит следующие признаки: «медлительный» (*ленивый поезд*), «дикий» (*ленивая крапива*), «отстающий от других» (*ленивая соха*), «недобросовестный» (*ленива*), «любящий полежать» (*ленивица*), «облегчающий себе работу» (*ленивые шаньги, лентяйка*). Образование слов, обозначающих предметы или результат труда (швабра, коса, шаньги, вспаханная целина), на основе слов *лень, лениться, ленивый* объясняется закономерностями отображения в языке отношения к труду: то, что способствует лени, принципиально не может быть связано формально-семантическими отношениями со словами *труд* и *работа*, за которыми стоят представления о том, что тяжелый характер труда никак не предполагает существование предметов, его облегчающих [Березович 2007, 22].

VII. Поле «Отрицательное отношение к труду» неоднородно в плане **взаимодействия с другими семантическими пространствами**. Так, единицам раздела «проводить время впустую, празднично, бездельничать» свойственно строить семантику путем специализации или генерализации значений, принадлежащих другим полям. К полям, вступающим в подобную связь с семантикой безделья, относятся «Движение» (*бродя́жить* ‘ходить без дела’), «Речевая деятельность» (*ба́сни расправля́ть* ‘бездельничать, болтать’), «Поведение» (*подича́ть* ‘подурачиться, побездельничать’). Иным образом реализуются отношения идеи безделья с семантикой «обмана», которая может быть интерпретирована как вторичная по отношению к понятию безделья, ср. устар. *безде́льничать* ‘мошенничать, обманывать, плутовать’, диал. *галáнить* ‘бездельничать, болтаться без дела’, ‘заниматься обманом, плутовать’.

Другая часть поля, представляющая описание субъекта лени/праздности, вступает в более паритетные отношения с соседними полями. Единицы сектора способны не только строиться на базе лексем из других полей, но и мотивировать определенные значения. Поскольку портретирование предполагает, как правило, перечислительную интонацию, логический вектор связи здесь не всегда отчетлив, поскольку характеристика предполагает зачастую сочинительные отношения между признаками. Тем не менее, несмотря на условность, мы можем предполагать следующие причинно-следственные отношения:

- лентяй > обманщик, плут, хитрец (ср.: *безде́льник* ‘бессовестный человек, негодяй, плут’ [ССРЛЯ 2, 345], *кара́сь* ‘хитрый и ленивый человек’ [НОС 4, 22], *вор* ‘плут, обманщик, бездельник; лживый, хитрый, лукавый человек’ [СРНГ 5, 97], *варлы́жник* ‘ленивый человек, лентяй’, ‘непостоянный, легкомысленный человек, обманщик’ [СРНГ 4, 55]);

- лентяй > неряха (ср.: *валя́вка* ‘лентяйка, неряха’ [СРГК 1, 160], *колобе́на* ‘неряха, замарашка, ленивая, неопрятная хозяйка’ [СРНГ 14, 143], *ле́жа опорóлся* ‘о ленивой, неряшливой женщине’ [СРГСУ 2, 89]);

- лентяй > упрямец (ср.: *козо́й* ‘упрямец, лентяй’ [СРНГ 14, 72], *обо́ши* ‘об упрямом и ленивом человек, которого не исправишь и побоями’ [СРНГ 22, 159], *лобози́на* ‘об очень ленивом и упрямом человеке’ [СРНГ 17, 97]);

▪ лентяй > повеса, волокита (ср. *гага́й* ‘лентяй, повеса’ [СРНГ 6, 86], *висля́га* ‘праздный человек, шатун, повеса’ [СРНГ 4, 297], *гулева́н* ‘бездельник, гуляка, волокита’ [СРНГ 7, 213]);

▪ лентяй > пьяница (ср.: *оскорбо́ток* ‘пьяница, лентяй, бездельник’ [СРНГ 24, 16], *мотове́ц* ‘бездельник, пьяница, мот’ [СРНГ 18, 298], *висле́ня* ‘баловень, повеса, забулдыга, лентяй; не работающий член семьи’ [СРНГ 4, 298]);

▪ лентяй > озорник (ср.: *оттря́ха* ‘ленивый, неисправимый в озорстве, в шалостях, сорвиголова’ [СРНГ 24, 340], *илёнки-отлётки* ‘бездельницы-озорницы’ [СРНГ 24, 225]).

Подобные логические отношения определяют не только субъекта, но и процесс проявления признака лени/праздности, ср. *кулика́ть* ‘бездельничать, пьянствовать’ [КСГРС], *галавэ́сничать* ‘бездельничать’, ‘шалить’ [СРНГ 6, 104], *бро́таться* ‘бродить без дела, шататься’, ‘упрямится, не идти в нужном направлении (о лошади, корове)’ [СРНГ 3, 199], *исстра́ниться* ‘стать очень неряшливым и ленивым’ [СРНГ 12, 252]. Помимо этого последствием склонности к безделью является также нищенство, ср.: *сва́ишить* ‘слоняться, бездельничать’, ‘просить, милостыню’ [СРНГСУ 5, 115], *колоти́ться* ‘шататься без дела, без цели, бить баклуши’, ‘побираться, нищенствовать’ [СРНГ 14, 181].

В качестве обратных отношений — когда у состояния лени ищется причина — можно представить следующие логические пары:

▪ толстяк > ленивый человек (ср.: *бу́бень* ‘о толстом, ленивом человеке’ [СРНГ 3, 233], *перепе́ча* ‘толстая, ленивая женщина’ [СВГ, 42], *еле́ц* ‘ленивый, толстый человек’ [СРНГ 8, 341]);

▪ вялый, хилый, унылый человек > ленивец (ср.: *неко́сный* ‘хилый и ленивый’ [СРНГ 21, 62], *лихтома́рый* ‘ленивый, вялый’ [СРНГ17, 84], *кислу́х* ‘вялый, ленивый, унылый человек’ [СРНГ 13, 233]).

Как было уже замечено выше, существуют семантические “сцепки”, которые можно трактовать как тем, так и другим способом логических отношений. Это зачастую отражается в словарной подаче значений. Так, составителями словаря может различаться последовательность значений ‘ленивый’ и ‘глупый’, ср. *лунь* 1. ‘ленивый человек’, 2. ‘глуповатый человек’ [СРНГ 3, 158], *нечука́вый* 1. ‘бестолковый’, 4. ‘ленивый’ [КСГРС]. На самом деле, с одной стороны, если отталкиваться от основного значения лени

как общего недостатка физической активности или нежелания выполнять то или иное дело, то умственный процесс будет лишь одной из разновидностей деятельности, в которой ленивец не способен или не желает участвовать, ср. выражение *мне лень думать*. С другой стороны, глупость и бестолковость зачастую воспринимаются народным сознанием как причина неумелости в работе ср. *беспрокий* ‘неумелый, бестолковый, ни на что не способный’ [СРНГ 2, 134], *негодной* ‘ничего не умеющий делать, неспособный, бестолковый’ [СРНГ 21, 152]; *Шибко уж он неваровый, некуда его послать, ничего не умеет* [КСГРС].

Экспрессивность семантики слов также затрудняет ответ на вопрос, какое качество мыслится исходным в связке ленивый ↔ негодяй, пустой, никчемный человек, ср.: *абыз* ‘лентяй, негодяй’ [КДЭИС], *приплять* ‘бездельник, никчемный человек’ [СРНГ 31, 349], *прохвост* ‘пустой человек, бездельник’ [СРНГ 33, 25]. Особенностью этой пары является отношение между частной и общей негативной оценкой человека. Если учитывать, что построение номинации с опорой не на номинативный признак, а на определенный знак оценки не редкость среди экспрессивных единиц, это обстоятельство предполагает зависимость семантики безделья от поля общей негативной характеристики человека. Но вместе с тем, очевидное смещение в сторону оценки с утилитарной позиции (‘никчемный’, ‘от которого нет корысти, пользы’) свидетельствует о вероятности следующей логики: «он не хочет работать — он не способен к серьезному делу — он ни на что не способен — он плохой», — что ставит исходной точкой понятие лени, ср.: *Труд человека кормит, а лень портит*.

Обращение к полю «Характеристика человека по отношению к еде», ср.: *облоэжа* ‘о ленивом, но любящем много поесть человеке’ [СРНГ 22, 105], *лагу́н* ‘о ленивом, прожорливом человеке’ [СРНГ 16, 225], *рабóтник из ча́шки в ло́жку* ‘любящий хорошо поесть, ленивый работник’ [СРНГ 33, 240] акцентирует внимание на связи склонности к прожорливости и лени.

Особое основание для отрицательной оценки лентяя демонстрируют лексемы *сло́мыш* ‘рослый, сильный, но ленивый человек’ [КДЭИС], *волопе́р* ‘рослый и сильный, но ленивый человек’ [СРНГ 5, 57], *буга́й* ‘о сильном, здоровом, но ленивом человеке’ [СРНГ 3, 236]. Неодобрение номинатора вызывает тот факт, что

человек, имеющий значительный потенциал для исполнения трудовых обязанностей, уклоняется от нее.

VIII. Давая **общую характеристику поля**, отметим черты, организующие структуру поля и релевантные в большей или меньшей степени для всех секторов поля:

1. В основании ядра поля лежит комплекс понятий лени, безделья, праздности. В основе различения ядерных понятий лежит когнитивная схема, представляющая способы проявления признака: состояние — свойство — поведение — образ жизни субъекта-носителя признака.

2. Общую структуру поля можно схематически представить в виде усеченного конуса, где верхушкой будет понятийное ядро поля, средней частью — сектор поля «процесс, в котором проявляется отрицательное отношение к делу, работе, труду», а основанием — многочисленное поле существительных с интегрирующей семьей ‘субъект, характеризуемый отрицательным отношением к труду’.

3. Содержание поля составляют денотативные ситуации, представляющие тип отрицательного отношения к труду и являющиеся общими для различных секторов и разделов поля. В условном обозначении их можно представить следующим образом (S — субъект отношения, O — объект отношения: дело, работа, труд, D — деятельность, которой посвящает время субъект, $S(\infty)$ — субъект, характеризуемый отрицательным отношением к труду в бытийном аспекте, “→”, “←”, “↔” — вектора, отмечающие направленность активности субъекта):

- S: ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА;
- $S \leftrightarrow O$: НЕКАЧЕСТВЕННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТЫ;
- $S \leftarrow O$: УКЛОНЕНИЕ ОТ РАБОТЫ;
- $S(\infty) \leftarrow O$: ОБРАЗ ЖИЗНИ, ХАРАКТЕРИЗУЕМЫЙ ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ТРУДУ;
- $D \leftarrow S \leftarrow O$: ВРЕМЯ ПЕРЕПРОВОЖДЕНИЯ В ОТСУТСТВИИ РАБОТЫ / ПОВЕДЕНИЕ.

Данные ситуации представляют собой обобщения, дифференцируемые частными сигнификативными признаками. Наиболее разработанной в этом плане является ситуация ‘время препровождение в отсутствии работы’.

4. Помимо фиксации типов отрицательного отношения к труду язык отражает аксиологические установки носителя языка. Общим для всех секторов поля является противопоставление утилитарной (квалификация лентяя с точки зрения практической пригодности/непригодности) и этической (взаимоотношения лентяя с другими людьми/работниками; поведение) оценочной позиции.

1.3. ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛЕЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Данная часть исследования представляет собой сопоставительный анализ конституирующих черт семантических полей «Положительное отношение к труду» и «Отрицательное отношение к труду». Результатом анализа должно стать выявление фактов сходства и различий в организации полей, реконструирующие принципы формирования семантики отдельных лексем. Сопоставление проводится в соответствии с универсальными для любой полевой структуры компонентами — ядро, сектора поля, уровень модификационных значений, связи с «ближними» семантическими полями.

1. Ядерный комплекс.

Фактом симметричных отношений между полями является представление трудолюбия и лени как категорий: а) состояний; б) свойств. В первом случае отношение между противоположными понятиями строится по модели «желание работать — нежелание работать»; во втором — понятия трудолюбия и лени противопоставляются по следующим параметрам выполнения работы: желание работать (охотно — неохотно), чувство ответственности за результат (добросовестно — безответственно), затрата времени, уровень квалификации (умело — неумело), затрата сил (изо всех сил — не в полную силу), объем работы (много — мало), общая оценка (хорошо — плохо).

Асимметричные отношения проявляются в неодинаковой разработке какого-либо аспекта отношения к труду, см. таблицу:

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ	ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ
1. Как состояние может определяться в «физическом» и «эмоциональном» аспектах	1. Более тесно связано с эмоциональной сферой.
2. Как свойство может проявляться в работе или в поведении, образе жизни субъекта	2. Связано только с работой и выражается в высоком уровне выполнения работы
3. Носитель языка тесно связывает ситуацию отсутствия дела с негативным отношением к работе	3. С точки зрения социальной нормы, трудолюбие является желательным, но не обязательным компонентом труда

2. Сектора поля.

2.1. Процессуальный сектор.

В процентном отношении к общему числу единиц поля глаголы имеют примерно равный вес (около трети лексического объема) и в том и в другом поле, их количество меньше, чем число существительных.

1. Денотативное пространство, обозначаемое процессуальным сектором, изначально структурируется различными денотативными ситуациями: 'субъект не делает ничего', 'субъект уклоняется от работы', 'субъект посвящает себя занятиям, не оцениваемыми как труд'	1. В основе сектора лежит инвариантная ситуация процесса работы. Варьирование этой ситуации определяется субъективной оценкой по какому-либо параметру
2. Модификации смысла избирательны по отношению к идеограммам сектора	2. Различия в модифицировании смыслов среди идеограмм сектора не обнаруживаются
3. Результат постоянного пребывания в безделье видится как моральная порча	3. Результат усердного труда лежит в плоскости материальных приобретений
4. Конкретизация временной протяженности процесса способна эксплицироваться в речевых контекстах	4. Определение временного отрезка неактуально
5. В качестве каузатора праздной деятельности выступает человек или время	5. Каузировать желание и способность хорошо справиться с работой могут субъект (наставник) или процесс (научение)

2.2. Сектор характеристики субъекта (существительные и прилагательные).

Существительные преобладают над глаголами.

Сектор характеристики на логическом уровне произведен от процессуального сектора.

Существуют параллели на уровне модификации: конкретизация осуществляется по признакам пол, род занятий, единичность — множественность субъекта.

1. Для реализации идеи лени/праздности свойственна большая степень категоричности в характеристике субъекта. Это проявляется, во-первых, в преобладании (примерно в 2 раза) существительных над прилагательными; во-вторых, в существовании определенных типов лентя ('шатун', 'лежебока', 'белоручка', 'пустомеля')	1. Наблюдается большая дескриптивность в характеристике субъекта. Об этом можно судить по примерно равному количеству существительных и прилагательных и распространенности среди существительных описательных определений субъекта ('тот, кто быстро и ловко работает')
2. В круг референтов признака, помимо человека, входит животное (лошадь)	2. Качественно может обладать только человек
3. Актуально различие субъектов по возрасту	3. Дифференциация по возрасту составляет лауну в семантическом поле
4. Характерно противопоставление признака лени и физических данных субъекта ('рослий, крепкий, но ленивий')	4. Признаку трудолюбия сопутствует характеристика по отношению к собственности ('трудолюбивый, но скупой и жадный')

3. Взаимодействие с «соседними» семантическими полями.

Семантика обоих полей формируется в результате филиации значений.

Линии семантической связи устанавливаются со следующими полями: «Движение», «Отношение к собственности», «Деятельность», «Характеристика физических качеств человека», «Интеллектуальные способности».

1. Семантика лени может выступать как база для развития других значений	1. Для семантики трудолюбия свойственна «левая» мотивация, т.е. единицы трудолюбия крайне редко мотивируют новые значения
---	---

2. По типу отношений с «ближайшими соседями» поле характеризуется неоднородностью: на уровне отдельных секторов наблюдаются определенные «предпочтения»	2. Поле «Положительное отношение к труду» строит свои взаимоотношения со смежными семантическими полями по одному типу
3. Из поля «Движение» семантика лени заимствует глаголы собственно движения	3. Семантика трудолюбия взаимодействует с участком семантического поля «Движение», определяемым как «Динамические качества»
4. Во взаимодействии с полем «Отношение к собственности» актуальным является характеристика человека по отношению к порядку в вещах (лентяй — неряха)	4. Для определения трудолюбивого человека важна общая характеристика по отношению к собственности, нацеленность на приобретение собственности (трудолюбивый — работающий ради наживы)
5. Оценка деятельностных качеств производится со знаком «←» (плохо, мало, небрежно, неумело работающий)	5. Взаимодействие с полем «Деятельность» движется по линии положительной оценки деловых качеств

* * *

Характеризуя принципы семантической организации полей, стоит оттолкнуться от количественного параметра, определяющего лексическое наполнение смыслового пространства. В этом плане идея лени/праздности значительно, в 4 раза, «перевешивает» семантику положительного отношения к труду. Как показал семасиологический анализ, количественная диспропорция сохраняется и на уровне идеограмм, раскрывающих идею, лежащую в основе поля. Идея лени демонстрирует большую степень дифференциации во всех зонах семантики полевой структуры. Это свидетельствует о большей разработанности признака лени/праздности, чем признака трудолюбия. Подобные предпочтения при концептуализации в пользу отрицательных качеств и свойств в современной когнитивной лингвистике принято связывать с большей информативностью негативных явлений и фактов

[Арутюнова 1999, 34]. Попытка раскрыть семантические причины этой информативности обратила наше внимание на следующее различие между полями, выявляемое на ядерном уровне и проходящее тем или иным образом через все поле. Семантическая дифференциация ядра поля «Отрицательное отношение к труду» подчиняется оппозиции субъективное — объективное; что касается поля «Положительное отношение к труду» роль играет, скорее, оппозиция внутреннее — внешнее. Если считать, что за данными оппозициями стоят когнитивные установки, то можно предположить, что лень/праздность как феномен трактуется носителем языка в категориях причины и следствия, ищутся ответы на вопросы: «Почему это произошло?», «К чему это привело?»; трудолюбие представляется и оценивается в аспекте бытия: «Вкакой форме это существует?». Первый случай предоставляет более широкую сферу для интерпретаций, чем второй, что, видимо, и обуславливает итоговое (языковое) разнообразие; кроме того, на номинативную активность влияет эмоциональная заряженность номинаций.

В данной главе мы рассмотрели особенности структуры исследуемых полей в пределе объективизированных свойств объекта оязыкования. Данным уровнем не исчерпывается смысловое пространство концептуального поля. Границы этого пространства отодвигаются по направлению к полям, с которыми данное семантическое поле вступает в мотивационные отношения, запечатлевая тем самым уже несколько иные, субъективизированные представления. Получаемая область смыслов определяется как **семантико-мотивационное поле** и будет описана в следующей главе.

ГЛАВА II

МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ПОЛЯ «ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДУ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Определив на семантическом уровне поля «Отношение к труду» набор типовых денотативных ситуаций, предполагающих оценку деловых качеств человека, перейдем к выявлению более частных смыслов, дифференцирующих эти ситуации. Область этих смыслов лежит в плоскости языкотворческой деятельности, отражающей момент перехода ментальных сущностей в языковые формы. Разнообразие признаков, положенных в основу номинации и мотивирующих новую лексему, обусловлено множеством индивидуальных номинативных актов, в которых различные свойства объекта познаются через сопряжение с другим понятием или образом. При этом, как было доказано в многочисленных трудах по лексической семантике, «семантические отношения между словами, в том числе отношения мотивации, носят не индивидуальный, а системный характер, т.е. они отличаются повторяемостью, регулярностью и действуют на значительных рядах или даже массивах лексики» [Толстая 2002, 114]. Таким образом, мотивационное пространство лексико-семантических полей также может быть структурировано, но на иных, по сравнению с семантическим пространством, основаниях.

Мельчайшей структурной единицей в данном случае является **мотивационная модель**, связывающая производное и производящее значение на основе **мотивационного признака**, т.е. признака, релевантного для обозначения вновь познаваемой реалии. Регулярное обращение носителей языка к одной и той же денотативной сфере в поисках номинативного материала свидетельствует, во-первых, об устойчивости способов языковой репрезентации той или иной идеи; во-вторых, о наличии стереотипных представлений, стоящих за лексико-семантическими связями. Например, внутренняя форма единиц поля «Отношение человека к труду» в значительном количестве случаев строится за счет образов, связанных с местоположением в пространстве: *печегнёт* 'любителю полежать на печи, лентяй', *завáлень* 'лентяй', *разлѐгивать*

‘не выходить на работу, лениться’, *подъёмистый* ‘трудолюбивый, легкий на подъем’, *непосéтный* ‘энергичный, трудолюбивый’ и т.п. Этот мотивационный механизм работает при обозначении полярных оценок отношения человека к труду, что свидетельствует о существовании определенной логики восприятия: если человек предпочитает лежачую позу и предназначенные для этого места, он не готов к работе, если человек легок на подъем, он внутренне заряжен на дело. Подобная регулярная семантическая связь в нашем исследовании получила определение **базовой модели** (см. ДВИЖЕНИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ЕДА, ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ, ЖИВОТНЫЕ, ПРЕДМЕТЫ БЫТА и т.п.).

Базовая мотивационная модель не исчерпывается только одним направлением мотивации. Так, для поля «Еда» характерно как выступать источником производящих основ для единиц поля «Отношение человека к труду» (ср. *жóрло* ‘быстрый в работе человек’, *рабóтник из чáшки в лóжку* ‘любящий хорошо поесть, ленивый работник’), так и строить свои единицы на базе идеи лени (ср. обозначения кушаний, приготовленных облегченным способом: *ленивые голубцы*, *ленивые щи*). Базовая модель является разновидностью семантической модели, и поэтому может определяться как **семантико-мотивационная модель**; она задает определенный угол зрения, при котором соотнесение двух областей действительности может означать разные формы смысловой связи: **а)** причинно-следственные отношения: ‘плохо относиться к труду, бездельничать’ ← ‘работать на отхожих промыслах’ (*бурлака*, *зимогор*, или ‘плохо относиться к труду, быть тунеядцем’ ← ‘не иметь одежды’ (*нагая лапоть*); **б)** образное отождествление: ‘лентяй’ ← ‘кастрированное животное’ (*валух*, *мериньё*); **в)** направление ассоциаций и народно-этимологических сближений (ср. изменение формы лексемы *линь* ‘налим’ в лексему *лень* ‘то же что лежень: налим’ под влиянием образной модели ‘лентяй’ ← ‘рыба’ (*пузатый налим*, *карась*, *елец*). Таким образом, способы номинации могут различаться, но выбор мотивационных признаков осуществляется в этнокультурном контексте восприятия и оценивания человека по признаку его деловых качеств. В связи с этим, поиск причин выделения того или иного мотивирующего смысла составляет один из основных предметов интереса данной главы.

Условными звеньями мотивационной логики и, соответственно, единицей анализа на данном уровне является **мотив номинации**, понимаемый как «совокупность факторов, действующих в номинативной ситуации, влияющих на создание определенной номинации, побуждающих субъекта сделать тот или иной выбор» [Горяев 2000, 11]. Процесс определения мотивов носит интерпретационный характер, поскольку зачастую «причина выбора именно данного признака (т.е. собственно мотивация) ... требует обращения к экстраязыковым сущностям — ментальным образам, мифологическим представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту» [Голстая 2002, 115]. Так, лексема *коваль* ‘хороший мастер, знаток своего дела’ [СРНГ 14, 25] в рамках базовой модели ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ реализует мотивационную модель ‘мастер, умелец’ ← ‘кузнец’, которая, на наш взгляд, обусловлена разными мотивами: во-первых, признанием кузнечного дела отвечающим всем требованиям настоящего дела; во-вторых, ценностным отношением традиционного сознания к людям, имеющим специальные знания в производстве вещей, в-третьих, восприятием кузнеца как человека бывалого, опытного (что отражается в семантическом развитии лексемы *коваль* — ‘бывалый, ловкий или тертый, опытный человек’).

Соотношение между мотивационным признаком и определяющим его мотивом может быть неодинаково. Смысловая разница минимальна, если номинатором в большей степени движет интенция выразить оценку, положительную или отрицательную. Примером подобной оценочной установки служит модель ‘хорошо работать’ ← ‘заниматься производительной деятельностью’ (*трудолюбив, деловак, работяга*), в основе которой лежит стремление номинатора дать одобрительную оценку занятия трудом, делом, работой. Что касается действия собственно когнитивного механизма, то оно наглядно проявляется в номинативных фактах, основанных на метафоре, семантическом переносе. В этом случае представление, связанное с внутренней формой, может представлять, во-первых, в виде того или иного **концептуального признака**, раскрывающего какой-либо аспект концепта. Например, признаками, опосредующими образ муравья и значение ‘трудолюбивый человек’, выступают быстрота и выносливость. Эти признаки

составляют ономаσιологический портрет муравья³ в русском языке, эксплицируемый, в основном, с помощью пословичных текстов, и одновременно представляют ценные деловые качества человека. Во-вторых, внутреннюю форму единиц могут мотивировать некоторые ситуации, определяемые нами как **квазиденотативные**⁴, поскольку они отражают не реальную действительность, а то, как интерпретируют ее носители языка. Так, в основе семантической связи между глаголами с общей семантикой проникновения вглубь и семантикой усердного труда (ср. *зарывенький, зарывно*) лежит квазиденотативная ситуация увлечения делом. Таким образом, определение концептуальных признаков и квазиденотативных ситуаций представляет собой уровень обобщения мотивов. Цель данного этапа анализа основывается на предположении, что группировка подобных категорий представит собой структуру концептов лени/праздности и трудолюбия, а их конкретное содержание очертит смысловое наполнение концептов.

Еще одним средством обобщения реконструируемых смыслов является выявление параметров, по которым носитель языка воспринимает и характеризует лентяя и хорошего работника. Совокупность данных параметров играет роль структурной сетки в представлении стереотипного образа ленивого и трудолюбивого человека. Кроме того, внимание к их количественной и качественной разработке может пролить свет на то, что чаще всего попадает в фокус внимания номинатора: внешний вид, поза, поведение, деятельность и т.п.

Учитывая экспрессивность единиц изучаемого поля, мы отдельно отмечаем параметры, по которым осуществляется собственно оценка объекта номинации. Вслед за Н.Д.Арутюновой, нами выделяются следующие категории частнооценочных значений: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (приятный — неприятный, вкусный — невкусный, привлекательный — непривлекательный, ароматный — зловонный); 2) психологические оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки: а) интеллектуальные

---

³ О термине *ономаσιологический портрет* см. [Березович, Рут 2000].

⁴ Термины с приставкой *квази-* активно используются лингвокультурологическим направлением, см. напр. [Телия 1986].

оценки (интересный — неинтересный, умный — глупый, глубокий — поверхностный); б) эмоциональные (радостный — печальный, нежный — грубый); 3) эстетические оценки, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (красивый — некрасивый, прекрасный — безобразный); 4) этические (моральный — аморальный, добрый — злой); 5) утилитарные (полезный — вредный); б) нормативные (правильный — неправильный, нормальный — ненормальный); 7) телеологические (удачный — неудачный, эффективный — неэффективный, целесообразный — бессельный) [Арутюнова 1998].

Анализ семантических отношений единиц, обозначающих отрицательное и положительное отношение к труду, выявил общий «ассортимент» базовых моделей для двух лексических множеств поля «Отношение к труду». Исключение составляют базовые модели ОБРАЗ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ и ПРЕДМЕТЫ НЕОДУШЕВЛЕННОГО МИРА, реализуемые только в семантико-мотивационном поле «Отрицательное отношение к труду». Раздельное рассмотрение моделей основано на гипотезе о самостоятельном формировании двух концептов: несимметричные модели (такие, в которых разная мотивационная логика при обозначении лени и трудолюбия не сводится к отношениям противопоставленности) преобладают над симметричными (примером которых может служить актуализация семы скорости движения при характеристике человека по отношению к труду: ‘лентяй’ ← ‘тот, кто медленно движется’, ‘работящий человек’ ← ‘тот, кто движется быстро’).

Последовательность в подаче моделей исходит из логических критериев: в центре базового фрейма, раскрывающего отношение к труду, стоит ЧЕЛОВЕК КАК БИОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО; основным дифференциальным признаком вышеуказанного фрейма является его (человека) взаимоотношения с ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ; для человека, отрицательно относящегося к труду, важным становится ОБРАЗ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ; обязательными составляющими трудовой деятельности, а также любого другого времяпрепровождения являются ДВИЖЕНИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ; СОБСТВЕННОСТЬ мыслится как один из типичных результатов

труда; в качестве условий деятельности выступают ЗВУК И РЕЧЬ и отношения ЧЕЛОВЕКА и СОЦИУМА; ЕДА дает потенциал для жизнедеятельности в целом; МИФОЛОГИЯ представляет квалификацию через призму культурных установок; ЖИВОТНЫЕ составляют определенный фон; СВОЙСТВА ВЕЩЕСТВ И МАТЕРИАЛОВ И ПРЕДМЕТЫ НЕОДУШЕВЛЕННОГО МИРА конкретизируют некоторые характеристики субъекта труда и его деятельности.

2.1. БАЗОВЫЕ СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПОЛЯ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ»

2.1.1. Человек как биологическое существо

Номинации, составляющие поле «Положительное отношение к труду», регулярно строятся на базе представлений о свойствах человека, воссоздавая реалистичный портрет человека способного и любящего трудиться. Данная базовая модель отражает, во-первых, особенности восприятия внешнего вида работающего человека, во-вторых, мнение носителя языка о его внутреннем психофизиологическом состоянии и личностных качествах.

Использование рук. Соматическая лексика принадлежит к наиболее продуктивным в отношении мотивационной потенции полям [Голстая 2008, 201]. Номинация трудолюбивого человека по анатомическим признакам сосредоточена на разработке образа рук. Значимость данного образа связана «и с реальным преобладанием ручного труда в традиционном хозяйстве, и с тем, что для русского сознания именно человек (а руки как его символ-синекадоха) является непосредственным производителем всех материальных благ (и не только их): *С печи сыт не будешь; Не печь кормит, а руки (а нивка); Глаза страшатся (боятся), а руки делают; Дал бог руки, а верёвки сам вей!* [Борщева 2011, 7].

Общая картина «рукастого» работника рисуется следующими штрихами: **(а)** констатируется сам факт обладания рук, ср.: *ручной челове́к* ‘человек способный, привычный к делу’ [Даль 4, 111], *оберу́чь* ‘прилежно, усердно, охотно, изо всех сил’ (заурал., сев.-двин., курган., перм.) [СРНГ 22, 37]; **(б)** обращается внимание

на их постоянную занятость в деле, отрицается состояние покоя: *рукодѣльный* ‘умелый, хозяйственный, работающий’ [КСГРС], *рук не класть* ‘не иметь перерыва в работе, отдыха’ [СРГК 2, 360], *не положáича рук* ‘не покладая рук’ (урал.) [СРНГ 29, 99], *рук не поклáдывать* ‘не переставая, прилежно, усердно’ (том., кемер., ср.-обск.) [СРНГ 28, 382], *мúха на рúку ему не ся́дет* ‘о подвижном, работающем человеке’ (иркут.) [СРНГ 19, 35]; **(в)** образ занятых рук конкретизируется за счет указания на объект: *не отсека́ть рук (от чего-нибудь)* ‘усердно, не переставая делать что-нибудь’ (*От тёмна до тёмна не отсека́ть рук от серпа*) [СРГК 4, 328], *приклáдывать рúки* ‘проявлять особое старание’ (*К белью руки прикладывай и все по-разному стирай*) (урал., костром.) [СРНГ 31, 246]; **(г)** отмечается, что для рук трудолюбивого человека важна способность захвата и удержания чего-либо: *ши́рить рúки поши́ре* ‘работать хорошо и много’ [НОС 10, 94], *из рук не вы́пасть* ‘все горит в руках’ [АОС 8, 61], *не выхóдит ничегó из рук* ‘о постоянно что-нибудь мастерищем, умеющим все делать человеке’ [АОС 8, 371]; ср. также высказывание диалектоносителя: «Петро мастерёнок был, у него из рук нище не шло, ще задумает, то и сделает» [СРГСУ 2, 234].

Особой приметой мастера на все руки может становиться **владение им левой рукой**. Семантический перенос со значения ‘левша’ на значение ‘мастер на все руки, умелец’ в лексеме *пóкшиа* (забайкал.) [СРНГ 29, 28] требует комментария, поскольку языковому образу левой руки сопутствует зачастую негативная оценка⁵: левше приписывается неумелость, нерасторопность, ср. *накила* ‘левша, у кого левая рука служит замест правой’, ‘неловкий, неуклюжий, несручный человек’ [Даль¹ 3, 14]. Как же неумелость «оборачивается» в искусство, мастерство? Думается, что расхождение оценок отталкивается от признака «иной / делать не так»:

---

⁵ Контекстом, в котором она зарождается, является корреляция оппозиций «правый — левый» и «хороший — плохой» [Якушкина 2003, 55]. «Аномальность» левой руки видится носителями русского языка в частности в том, что ею не принято креститься, ср. *левая рука* ‘некрещеная рука’ [Даль 4, 109]; она связана с действиями наоборот, ср. приведенную лексему *покиша*, а также другие номинации левой руки *пакшиа*, *пакля*, *пакила*, имеющие отношение к корню *пак-* с основным значением ‘наоборот’; и в целом — «иная» по сравнению с правой рукой, ср. *иноручный* ‘левша’ [Даль¹ 2, 105].

быть не таким, как все или делать что-либо иначе, чем принято, может быть воспринято как, с одной стороны, «быть хуже», с другой стороны — «лучше». Таким образом, внутреннюю форму лексемы *покиша* можно трактовать как «умеет хорошо делать то, чего другие не могут».

Претерпевать изменения, связанные с внешностью. В изучаемом поле выделяется группа номинаций, за которыми стоит весьма важная для создания «анатомического» образа человека труда идея: труд бывает настолько тяжел, что может вызвать у человека физические отклонения, ср.: *сломать руки* ‘много работать’ [НОС 9, 91], *пальчики ломать* ‘много и тяжело работать’ [СРГК 4, 385], *ломать кости* ‘усиленно работать’ [СРНГ 15, 87], *вытягивать жилы* ‘работать усиленно, не жалея себя’ [ФСРЛЯ 1, 128], *выходить из кожи вон* ‘очень интенсивно что-нибудь делать, стараться’ [АОС 8, 370], *работать до пятого лица* ‘работать длительно и напряженно’ [НОС 9, 79], *потовик* ‘труженик, трудяга’ (иван.-вознес.) [СРНГ 30, 287], *работать в пот* ‘работать много, до пота лица’ [НОС 9, 79], *горбить* ‘работать, не покладая рук’ [СРГК 1, 367], *горбачок* ‘человек, который много трудиться’ (брян.) [СРНГ 7, 22]⁶, *мозолить* ‘работать много, усиленно’ [СРГК 3, 245], *мозолиться* ‘делать что-либо с большим трудом, стараться’ [СРГСУ 2, 135].

Наличие внутреннего источника жизненной активности. Восприятие труженика не ограничивается наблюдением за внешними признаками: трудолюбие, с точки зрения носителя языка, коренится внутри человека, ср.: *рабочая косточка* ‘о трудолюбивом человеке’ (свердл.) [СРНГ 33, 242], *несидяча косточка* ‘трудолюбивый человек’ [НОС 4, 126], *мосол* ‘об усердном в работе человеке’ < ‘толстая, большая кость’ [СРНГ 12, 286], *усердой* ‘усердный в работе’ [СРГСУ 6, 133] (на живость внутренней формы указывает формулировка В. Даля: «усердный ученик или служитель — рачительный, старательный, берущийся за дело

---

⁶ В лексеме *горбачок* можно видеть эмоциональное выражение вполне реалистичного наблюдения за позой работающего человека. Но помимо этого ее можно рассматривать в мифологическом контексте, в котором на основании горбатости человеку приписывается его принадлежность к «чужому», нечистому, демоническому миру (русские представляли себе горбатыми русалок (с.-в.-р.), водяного (смогл.), колдунов (яросл.) [СД (Д-К), 521].

всем сердцем» [Даль 4, 511]), *жилка* ‘способность, склонность к какой-либо деятельности’ [Ожегов, 194]. Кость, будучи элементом скелета человека, символизирует собой наличие крепкой внутренней структуры в природе трудолюбивого человека. Отождествление склонности к какой-либо деятельности с жилкой основывается, вероятно, на представлении о существовании у работающего человека постоянно пульсирующего источника жизненной активности, ср. в связи с этим: *живи́нка* ‘особый интерес, особая любовь к определенной работе, увлечение каким-либо делом’ [СРГСУ 1, 158].

Среди других частей тела в обозначении склонности человека к труду участвуют **глаза**, **нос** и **ноги**. Настрой на работу может проявляться в намерении сделать все максимально быстро и легко, так же, как окинуть взглядом что-либо, ср. *сде́лать гла́зами* ‘желание сделать какую-либо работу’ [НОС 10, 32]. Для понимания выражения *не огрева́ть но́са* ‘работать усердно, не покладая рук’ [СРГК 4, 42] стоит привести в сравнение пословицу *Так работаем, что недосуг носа утереть*, в которой, как и в идиоме, запечатлевается тяжелая, беспрерывная работа, когда нет возможности удовлетворить элементарные потребности в комфорте и тепле. Появление образа ног во фразеологизме *нога́ за́ ногу не задева́ет* ‘выполнять работу быстро и ловко’ [СРГК 4, 37] обусловлено вниманием номинатора к подвижности и координированности работающего человека и противопоставлением нерадивому отношению к делу (ср. *рука́, нога́ по ну́ду — рабо́тать не бу́ду* ‘о ленивом человеке’ [НОС 9, 155]).

В целом, портрет трудолюбивого человека на основе соматических признаков рисуется в функциональном плане: акцент делается, во-первых, на использовании определенных частей тела, преимущественно, рук; во-вторых, на изменениях, происходящих во внешности человека, много и усердно работающего.

Зрелость, полноценность. Положительная оценка развитости работающего человека эксплицирована мотивационной семантикой лексем *пора́тный* ‘спорый, ловкий, быстрый в работе’ (арх.) [СРНГ 30, 51] (во внутренней форме прилагательного лежит представление о вхождении в пору, достижении необходимого уровня качества, ср. *поре́ть* ‘входить в пору, спеть, зреть, добреть, тучнеть’ [СРГСУ 4, 18], *поре́лой* ‘достигший взрослого

возраста, в расцвете сил, работоспособный, здоровый, крепкий' [Там же]); *дорóдно* 'прилежно, усердно' [СРГК 1, 489] (для производящей основы *дородн-* актуально представление о должном уровне жизненных сил, ср. *дородный* (о человеке или животном) 'рослый, полный, плотный, красивый, статный' [Даль¹ 1, 1179]).

Эмоциональность. Представление о том, что в работе ценится страстность, заряженность на дело, отражается в прилагательном *задóрный* 'ревностный, старательный, усердный в работе; берущийся за всякое дело энергично' (арх., волог., твер., костром., казан., перм.) [СРНГ 10, 64]. Своего рода болезненное увлечение работой рисует прилагательное *заразно́й* 'трудолюбивый, энергичный' (волог.) [СРНГ 10, 388]. Эмоциональное беспокойство, сочетающееся с повышенной двигательной активностью, может стать приметой усердного работника, ср. *мару́титься* 'много, усиленно работать' (костром.) [СРНГ 17, 377] (< 'суетиться, беспокоиться' (костром.) [СРНГ 17, 377]), *запо́лошный* 'усердный, старательный' (*Заполошная она на работе, за ней не успеешь*) (краснояр.) [СРНГ 10, 341] (< 'суетливый, беспокойный' (краснояр.) [Там же]). Отсутствие робости перед порученным делом, готовность претерпевать тяготы труда также важно для вынесения номинатором одобрительной оценки, ср. *отва́жный* 'прилежный' (*Я удачлива была робить, бойка, отважна была*) (арх.) [СРНГ 24, 128].

Отсутствие сдерживающих моментов в поведении. В сознании носителей языка чрезмерная увлеченность человека работой может заставлять забывать о принятых нормах поведения, отдалять его от общества, что определяет сниженную оценку, ср.: *ди́кий* 'работящий, проворный, расторопный' (новг.) [СРНГ 8, 56], *жестоку́щий* 'упорный, усердный в работе человек' (пск.) [СРНГ 9, 147], *злó* 'усердно (о работе)' [Даль¹ 1, 1704], *обозли́ться* 'начать работать уверенно и смело' (волог.) [СРНГ 22, 158], *лю́то* 'много, прилежно, усердно, со рвением' (*Парень люто работает, зато люто и ест*) (перм., вят., урал., волог., новг., яросл.) [СРНГ 17, 248], *бессту́жой* 'работящий, усердный, старательный' [КСГРС], *бессту́же* 'прилежно, усердно, старательно' (*Уж больно он бесстуж, бесстужой, хорошо этот работает*) [КСГРС], *бессту́житься* 'силиться, жилиться, напрягаться, работать усердно, бесстуже' (арх.) [Даль¹ 1, 184] (ср. *бесстужий* 'не стыд-

ный, не знающий стыда, бессрамный, бессовестный, наглый' [Даль¹ 1, 184]), *оха́льный* 'усердный, старательный, ретивый' (*Наши казаки дюже охальные работать, жадные на работу*) (тверск.) [СРНГ 25, 24] (ср. *охал* 'нахал', *охальничать* 'нахальничать, бесчинствовать, озорничать' [Даль¹ 2, 2002]), *отóрва* 'о том, кто на все руки мастер' (смол., пск.) [СРНГ 24, 261] (ср. *оторва* 'проходимец', 'отчаянный человек, сорви голова' [Там же]), *нахра́п* 'азарт к работе' [СРГК 3, 398] (ср. *нахрап* 'дерзость с насилием, бесстыжая наглость и внезапность действия' [Даль]), *архолу́п* 'мастер на все руки' (вят.) [СРНГ 1, 280] (ср. *архолуп* 'отчаянный, отпетый человек' [Там же]; внутренняя форма этой единицы проясняется при сравнении с лексемами *лупач*, *лупила* 'буян, забияка, драчун' [Даль¹ 2, 709—710], *архиплут*, *архибестия* в словаре В. Даля с пометой «бран.» [Даль¹ 1, 65]).

Умственные способности. В этом плане работающий человек характеризуется, в целом, в положительном ключе, ср.: *тюми́ристый* 'такой, который любит работать' [НОС 11, 78] (< 'сообразительный, умеющий найти выход из любого положения' [Там же]), *до́нник* 'способный, искусный в своем деле человек; мастер' (калуж.) [СРНГ 8, 125] (< *до́нный* 'знающий, способный' [Там же]). Ценится также стремление узнать все детали дела, ср. *любопытный* 'трудолюбивый' (Киргиз ССР) [СРНГ 17, 239]; кроме того, результат работы должен вызывать интерес, ср. *любопытный* 'хороший (о работе)' [Там же]. Но особая умелость человека, по мнению носителя языка, не может обойтись без хитрости, плутовства ср. *дошля́га*, *дошле́ц* 'тот, кто все умеет делать; дока, мастер' (перм., сиб.) [СРНГ 8, 166] (< 'хитрец, проныра' [Там же], ср. также *дошлый* 'бывалый, опытный, ловкий, хитрый; сообразительный, умный' [Там же]), *намы́тарь* 'человек до тонкости знающий свое дело, мастер' (енис., сиб.) [СРНГ 20, 45] (< 'плут, мошенник' [Там же]).

Физическое состояние. Основную смысловую нагрузку здесь несет мотив мучения, физических страданий. В манифестации мотива значительную роль играют производные от лексемы *петать* (кого) 'мучить, маять, не давать покоя' [Даль¹ 3, 264], ср.: *пéтать* 'усиленно и напряженно работать' [СРГК 4, 490], *пéтаться* 'стараться, трудиться, усиленно заниматься чем-либо' (новг., арх., волог., пск., смол., брян., и др.) [СРНГ 26, 325]

(ср. *петаться* ‘сильно уставать’ [Там же]), *пétаник* ‘человек, который всю жизнь много и тяжело трудиться, но тем не менее тяжело живет’ [СВГ, 52], *пétаница* ‘женщина, которая много и напряженно работает, труженица’ (*Так я сегодня запеталась, что на кровать пала, вряд ли я теперь кошеница, я-то петаница*) [СРГК 4, 490], *пétарица* ‘старательная, работающая женщина’ (волог.) [СРНГ 26, 325], *пétорь* ‘о старательном человеке’ (волог.) [СРНГ 26, 329]. Самым тесным образом физическое страдание и негативные эмоции связаны в производных с основой *скорб-*: *скорбётъ* ‘трудиться в поте лица, усердно работать’ (*Ох и скорбели, женищина, до того, скорбели, с утра до ночи, да и ночью надо*) [КСГРС], *скóрбкий* ‘старательный, рачительный, заботливый, принимающий дело и работу к сердцу’ (ниж.) [Даль¹ 4, 206]. Эту же модель поддерживает глагол *тéптись* ‘много работать, трудиться из всех сил’ (*Вот до чего теплись, все силы вышли*) [КСГРС], полученный в результате семантического переноса со значения ‘маяться, мучиться’ [Там же]. Наряду с перечисленными единицами стоит также упомянуть номинации, в которых мотив мучений проявляется на уровне ассоциаций, порождаемых внутренней формой: *мозолиться, вытягивать жилы, горбачок*.

Различные вариации темы «труд : мучение» на славянском материале рассматриваются С.М.Толстой в статье с характерным названием «Труд и мука» [Толстая 2008, 114]. В частности, она приводит факт церковно-славянского языка, в котором основным значением слова *труд* является значение ‘болезнь, страдание, мучение; беспокойство, горе; трудность, тяжесть, тяжкое положение’. В качестве одного из выводов исследования автор делает указание на способность лексемы **trud-* синкретичным образом сочетать в себе значения, связывающиеся со сферами труда, работы; физических усилий, утомления, слабости, боли; беременности, родов; смерти, загробной жизни [Толстая 1998, 24—27]. Образы, объединяющие труд, работу и тяжесть, физическое напряжение, переутомление, а значит и страдание, находят место и в пословичном варианте языковой картины мира, ср.: *Не отрубить дубка,*

не насадя пупка; Просо полость — руки колость; Не от росы урожай, а от поту и др. [Иванова 2002, 96—97]⁷.

* * *

Вполне ожидаемой особенностью реализации представленной базовой модели является сосредоточенность носителя языка на маркировке качеств субъекта положительного отношения к труду. Интерпретация мотивационных признаков с аксиологической точки зрения вводит в оценочный план языкового образа хорошего работника следующие частные значения: психологическая оценка (*отважный, тюмиристый, петаница*), этическая (*дикий, жестокущий*), эстетическая (*горбачок, мозолиться*), нормативная (*покиша, поратный*).

Важным условием квалификации труженика стало внимание к поведению человека в процессе труда, эксплицируемое мотивационной моделью ‘хорошо работать’ ← ‘выходить за рамки приличного поведения’ (*зло, обозлиться*). В данном случае языковое сознание констатирует несоответствие общепринятой поведенческой норме и сопровождает номинацию неодобрительной этической оценкой.

2.1.2. Деятельность

Поля «Деятельность» и «Положительное отношение к труду» расположены на максимально близком семантическом расстоянии. Рассмотрим, каким образом отдельные аспекты деятельности мотивируют наименования трудолюбивого человека и его деятельности.

Занятый производительной деятельностью. Синонимичность основ *дел-*, *труд-/труж-*, *раб-/роб-*, участвующих в образовании единиц данной модели, не исключает ряд особенностей в выражении признака трудолюбия. Так, основа *дел-* дает большее

---

⁷ Е.В.Иванова отмечает, что связь работы и тяжести, бремени свойственна также английскому и, шире, общечеловеческому менталитету, но при этом в английской пословичной картине мира она ослаблена по сравнению с русскими пословицами [Иванова 2002, 97].

количество дериватов, но такое расширение объема происходит за счет того, что продолжениям этой основы, помимо выражения ядерного признака производной семантики — ‘желание, привычка работать’ – свойственна оценка по параметру уровень квалификации, ср.: *дело́нец* ‘деловой, работающий человек, мастер своего дела’ (яросл.) [СРНГ 7, 344], *делова́к* ‘работающий человек, умеющий все делать’ [СРГК 1, 446], *де́льник* ‘деловой, работающий, мастер своего дела’ (смол.) [СРНГ 7, 346], *делови́цик* ‘деловой, работающий человек, мастер своего дела’ (арх.) [СРНГ 7, 344], *делу́ха* ‘деловая, работающая женщина’ (урал.) [СРНГ 7, 344], *делю́га* ‘деловой, работающий человек; мастер своего дела’ (нижегор.) [СРНГ 7, 348]; *делу́щий* ‘работающий’ [КСГРС], *де́лливый* ‘искусный, умелый, трудолюбивый’ (олон.) [СРНГ 7, 343], *уде́льный* ‘умелый, искусный, деловитый’ [КСГРС]. Подобный сигнификативный объем единиц связан с представлением о деле не только как производительном процессе, но и как сфере приложения способностей человека [Токарев 2003, 20].

Наряду с ситуацией занятости делом, существования человека «при деле», носитель языка склонен отмечать во внутренней форме ряд дифференцирующих признаков. Так, при помощи основы *крут-* положительно оценивается быстрота выполнения дела (дел), ср.: *крутоде́л* ‘о человеке работающем, быстро и скоро работающем’ [СРГК 3, 38], *крутоде́лка* ‘работающая, быстро и скоро работающая женщина’ [СРГК 3, 38].

Основу *труд-* можно считать специализирующейся на выражении признака трудолюбия. Об этом свидетельствует расширение денотативной сферы приложения признака, в которую входит характеристика (**а**) субъекта труда: *трудо́бильница* ‘трудолюбивая женщина’ [КСГРС], *трудо́дник* ‘работающий, трудолюбивый человек’ [КСГРС], ‘тот, кто любит работу’ [НОС 11, 65], *трудо́га* ‘тот (та), кто много трудится, труженик(-ица)’ [ССРЛЯ 15, 1048], *трудо́вица* ‘труженица, трудолюбивая’ [СРГСУ 6, 109], *трудо́жник* ‘тот, кто много и усердно трудится’ [ССРЛЯ 15, 1051], *трудо́женка* ‘обреченный или сам себя обрешавший на труды, сподвижник, трудящийся неутомимо’ [Даль 4, 436], *трудо́щий* ‘работающий, трудолюбивый’ [КСГРС], *трудо́щийся* ‘усердно занимающийся трудом, трудолюбивый’ [ССРЛЯ 15, 1051], *трудо́ющий* ‘очень трудолюбивый’ [СРГСУ 6, 109], *трудо́жливый* ‘очень тру-

долюбивый' [СРГСУ 6, 136]; **(б)** процесса работы: *затрудительно* 'прилежно' (*Затрудительно не работай!*) (моск.) [СРНГ 11, 107]; **(в)** образа жизни труженика: *труженичество* 'труженическая жизнь; пребывание в неустанном, усердном труде' [ССРЛЯ 15, 1051], *труженичать* 'посвящать себя труженичеству труду или работе; идти по обету в труженики' [Даль 4, 436].

Основанием для подобной «экспансии» явилась семантика слов *труд*, *трудиться*, более абстрактная, по сравнению со словами *работа*, *работать* и *дело*, *делать*, и сосредоточенная на субъекте труда, его усилиях и состоянии [Толстая 1998, 22; Вендина 2007, 106]. В связи с этим, закономерно, что маркированной оказывается характеристика, идущая как раз от субъекта труда, затрагивающая его духовную сферу — «склонность, интерес, тягу к работе», ср.: *трудолю́б*, *трудолю́бка*, *трудолю́бец*, *трудолю́бица* 'прилежный, работающий, не терпящий праздности' [Даль 4, 436], *трудолюби́вый* 'отличающийся трудолюбием' [ССРЛЯ 15, 1048], *тружолоуби́вый* 'трудолюбивый' [КСГРС], *трудолю́бие* 'любовь, привычка к труду; усердие в труде' [ССРЛЯ 15, 1049].

К особенностям мотивации единиц с основой *раб-/роб-* относится тенденция к обобщению, которая проявляется на разных уровнях содержания: **(а)** в неразличении дифференциальных признаков, **(б)** в опоре на эмоциональную оценку (ср. суффиксы *-яга*, *-яц*, *-юц*, *-яшенька*, *-яжунька*), **(в)** в отсутствии словообразовательного разделения по признаку пола (свойственного основам *труд-* и *дел-*) ср.: *работя́га* 'усердный работник, много и усердно работающий человек' [ССРЛЯ 12, 24], *работя́чка* 'трудолюбивая, работающая женщина' (арх.) [СРНГ 33, 241], *работёнь* 'работающий человек' (ряз., тул.) [СРНГ 33, 240], *работило́* 'работающий человек' (орл.) [СРНГ 33, 240], *работя́жунька* 'работающий, трудолюбивый человек' (волж.) [СРНГ 33, 241], *работя́шенька* 'работающий, трудолюбивый человек' (арх.) [СРНГ 33, 241], *ро́блики* 'люди, усердно трудящиеся' [СРГНО, 470]; *работя́щий* 'прилежный, усердный в работе' [ССРЛЯ 12, 24], *рабо́тный* 'работающий' [КСГРС], *робо́тный* 'работающий' [КСГРС], *работу́н* 'желание работать' [КСГРС].

Практически идентичный мотивационный смысл — «имеющий какое-либо занятие» — несут лексемы *зая́тливый* 'любящий заниматься делом, прилежный' (калуж., амур.) [СРНГ 10, 287];

промышленный ‘трудолюбивый, прилежный’ (пск.) [СРНГ 32, 195] (появившиеся в результате генерализации на базе положительной оценки значения ‘занимающийся каким-либо промыслом’); *выполни’вый* ‘исполнительный, трудолюбивый’ [СРГК 1, 280], *выполни’тельный* ‘то же’ (*Мужик трудолюбивый, выполни-тельный, сам приехалчи, дак дело идет хорошо*) [Там же]. Подобная семантическая связь отмечается также в заимствованных словах. От польского *praca* ‘труд, работа’, *pracować* ‘трудиться, работать’ образованы русские диалектизмы *працевітый* ‘трудолюбивый’ (дон., курск., калуж., смол.) [СРНГ 31, 71], *працевной* ‘трудолюбивый, работающий’ (смол.) [СРНГ 31, 71].

Работающий «на другого». Социальная специализация труда отражается в мотивационной семантике лексем *задѣльчивый* ‘усердно работающий на заделье’ [СРНГ 10, 51] (при *заделье* ‘панщина, барщина, работа на помещика (костр.)’ [Даль¹ 1, 1439]), *батра́к* ‘работник, отличающийся силой и усердием’ (казан.) [СРНГ 2, 147]. В последнем случае смысловым акцентом и основанием для положительной оценки является мотив силы, который косвенно реализуется и в поговорке *Черт бессилен да батрак его силен (о человеке)* [Даль¹ 1, 136]).

Осуществляющий определенный производственный процесс. Представление о рытье, зарывании во что-либо актуально для номинаций *наро́йный* ‘старательный, прилежный, работающий’ (волог., свердл.) [СРНГ 20, 129], *зары’вный* ‘трудолюбивый’ (волог., краснояр., вят., Киров., сиб.) [СРНГ 11, 13], *зары’вненький* ‘трудолюбивый’ (волог.) [СРНГ 11, 12], *зары’вно* ‘усердно, старательно’ (перм., Киров.) [СРНГ 11, 12]; *ковы’рный* ‘умелый в каком-либо деле’ [НОС 4, 66]. Мотивом для подобных номинаций служит появление предметных коннотаций в образе работы (ср. *забросать работой* ‘хорошо работать’ (омск.) [СРНГ 33, 239], *кла́сть на кого рабо́ту* ‘заставлять делать что-либо’ [Даль 2, 114], разг. *груда/куча дел/работы*) и представление о человеке, погрузившемся в работу или зарывшемся в груду разных дел.

Положительная оценка глубокого проникновения в дело, требующего много внимания, усилия, терпения представлена также в лексемах, являющихся продолжением праслав. **kopati* и **koposati* [ЭССЯ 11, 20; 23]: *ко́па* ‘тот, кто делает тщательно, усердно, вникая в мелочи’ (вят., костром., твер.) [СРНГ 14, 280], *копоту́ха* ‘стара-

тельный, трудолюбивый человек' (твер., пск.) [СРНГ 14, 296], *ко́плиться* 'усердно заниматься чем-то, копаться, корпеть' (пск.) [СРНГ 14, 291]; *копоско́й* 'трудолюбивый, старательный, усидчивый' [НОС 4, 107], *ко́посный* 'трудолюбивый' (пск., твер.) [СРНГ 14, 294], *копо́стный* 'то же' [Там же], *копошко́й* 'проворный, быстрый, трудолюбивый' (новг., забайк.) [СРНГ 14, 294]. Речевые контексты типа «*Она такая копосная, все что-то делает*»; «*Везде работу ищет, так и копошиться, копоской какой*»; «*Сосед у нас уж шибко копошкой, нисколь без дела не сидит*», а также оттенки в семантике некоторых слов эксплицируют мотив постоянной занятости делом, ср.: *копостник* 'трудолюбивый человек, который постоянно чем-то занят, копотун' (якут., перм.) [СРНГ 14, 296].

Номинативной базой для номинаций *конопа́титься* 'кропотливо и усердно делать что-либо' (пск., твер.) [СРНГ 14, 263], *пристру́женный* 'расторопный, старательный' (*Отец там такой приструженный, все у него горит*) (дон.) [СРНГ 31, 423] стали следующие действия: конопатить, стругать. Конопачение как процесс затыкания дыр и щелей специальным материалом, предполагает длительность, кропотливость и требование к качеству. Связь образа стругания и лексемы *приструженный* проясняется с привлечением других номинаций поля: *прилома́ть* 'приохотить, приучить к делу' (олон.) [СРНГ 31, 278], *приспосо́бчивый* 'тот, кто умеет быстро приспособиться к каким-либо условиям, к какому-либо делу' [СРГСУ 4, 135], которые несут мотивационный смысл 'приспособление к делу'; в свете этих представлений *приструженный* — это «тот, кто пристругался к делу».

Занимающийся определенным родом труда. Лексический материал исследуемого поля содержит языковые выражения, в которых занятость делом ассоциируется с прядением, ср.: *забо́тные лю́ди найдут куда́ли* 'трудолюбивые люди найдут чем заняться' [НОС 3, 8], *кики́мора* 'о тихом, скромном, трудолюбивом человеке' (волог.) [СРНГ 13, 204]. В народной мифологии к традиционным занятиям кикиморы относятся прядение и шитье [СД, 494], ср. также *кики́мора* 'о человеке, который все время сидит дома за работой, особенно за прядением; нелюдим, домосед' (вят.) [СРНГ 13, 205]). Значимость прядения обусловлена не только утилитарной ценностью этого производственного процесса, но и его культурно-знаковой нагрузкой, использованием в ритуальных

целях, например, в обрядах посвящения девочки в пряжи, изготовления «обыденной новины», при эпидемиях и падежах скота, в некоторые отмеченные моменты календарного цикла (выпрядание «четверговой нити»). Символическим содержанием наполнялась семантика льна, кудели, воплощая идею судьбы, жизни [Байбурин 1993]. Стоит учесть также, что в определенные календарные периоды прядение становилось основным содержанием женской деятельности, являя собой демонстрацию такого делового качества, как усидчивость.

В исследуемом лексическом материале представлены и другие примеры «профессиональной» мотивации. Так, прообразом мастера своего дела становится кузнец, ср. *коваль* ‘хороший мастер, знаток своего дела’ (влад., твер., орл.) [СРНГ 14, 25]. О значимости кузнечного дела в практической жизни деревни говорит хотя бы выражение, в котором афористически перечисляются самые насущные нужды крестьянина: *На свечу Богу, на соль, на ков, на привар, на рукавицы, на штоф вина* [Даль 2, 34]. Вместе с тем, кузнец — это не просто необходимый на деревне работник. По свидетельству А.К.Байбурина, «технология изготовления вещей долгое время (в традиционных обществах вплоть до наших дней) относилась к области сакрального знания. Практически во всех культурах специалистам (кузнецам, гончарам, плотникам и др.) приписывались особые качества, причем в глазах других членов социума сила и могущество специалистов выходили далеко за рамки ремесла. Специалисты не только владели особым языком, но и контролировали каналы связи между миром человека и миром природы, являясь своеобразными посредниками» [Байбурин 1993]. Таким образом, еще одним мотивом семантического переноса послужила высокая оценка специальных знаний о производстве вещей. Пересекаясь в языковом образе кузнеца с вторичными смыслами, эксплицируемыми лексемой *кова́ль* ‘бывалый, ловкий или тертый, опытный человек’ [Даль 1, 234], мастерство может интерпретироваться как искушенность, опытность в деле.

Врачевание, также предполагающее обладание специальными знаниями, образованность вкупе с безусловной ценностью этой профессии для жизни человека, заслужило уважение со стороны носителя традиционного сознания и «вдохновило» диалектоноси-

теля на номинацию *дóхтур* ‘мастер, знаток своего дела’ (перм.) [СРНГ 8, 162].

Появление в этом ряду номинации *комéдчик* ‘искусный, изобретательный человек, умелец’ (вят.) (*Ну и комедчик, гли-ко што сработал!*) [СРНГ 14, 229], семантически мотивированной лексемой *комедчик* ‘актер кукольного театра’ (орл., вят.) [СРНГ 14, 229], обусловлено схожестью эмоциональной реакции — удивления и восхищения — на театральное действие и результат работы, выполненной мастером своего дела.

Образцом быстроты и выносливости послужило занятие извозом на собачьих упряжках, ср. *каюр* ‘погонщик собак’, *каюрить* ‘управлять собаками, запряженными в сани’ (сиб., камч.) [СРНГ 13, 155], заимствованных из одного из тюркских языков Сибири [Аникин 1997, 123]. Это отразилось в генерализации этих свойств в номинации трудолюбивого человека: *каю’р* ‘усердный, трудолюбивый, неутомимый человек’ (перм., вят.) [СРНГ 13, 155], *каю’ра* ‘быстрый в работе человек, юла’ (пск.) [Там же], *каю’рицик* ‘усердный, трудолюбивый, неутомимый человек’ (пск.) [Там же].

Наименование не профессии, но военной специальности явилось базой для семантического переноса и появления лексемы *гусáр* ‘смекалистый, работающий человек’ (*Смековатый, работающий, одним словом гусар на все руки, дошлый*) (иркут.) [СРНГ 7, 241]. Приписываемые гусарам предприимчивость, отвага, удалство (ср. *гусаристый* ‘кто гусарит, молодцует хватскими приемами’ [Даль 1, 134]), удачливость (ср. *гусар* ‘в биллиарде случайно сделанный шар, упавший в лузу зря’ [Даль 1, 134]), в отношении человека труда связано с готовностью к любой работе, отсутствие робости перед тяготами работы.

Наводящий порядок. Ряд номинаций возник благодаря рассмотрению деятельности трудящегося человека в аспекте цели. Положительная оценка в данном случае сопровождает работу по наведению должного вида, порядка, ср.: *обряжать* ‘убирать, изобихаживать, оправлять, приводить в должный вид’ [Даль] → *обряжуха* ‘тот, кто умело, ловко, проворно выполняет работу’ [СРГК 4, 116]; *строить* ‘устраивать, уряжать, учреждать, приводить в порядок, в чинный, последовательный и должный вид’ [Даль¹ 4, 580] → *строевой* ‘деловой, знающий, опытный в делах’

[СРГСУ 6, 69]; *облад* ‘порядок, лад’ → *обладистый* ‘умеющий хорошо сделать любую работу’ [СРНГ 22, 81] (ср. также *обладить* ‘умело довести дело до конца’ (тул.) [СРНГ 22, 81], *ладить* ‘прилаживать, приноравливать, пригонять, поправлять, чинить, приводить в порядок’ [Даль¹ 2, 599]).

Имеющий много работы. Помимо аспекта цели мотивационную семантику единиц поля формирует признак, определяющий, в частности, объем работ: *многодѣльный* ‘такой, который имеет много дел, много работы’ [КСГРС], *двойник* ‘об очень много, за двоих работающем человеке’ [АОС 10, 325] (в существительном отражается субъективная единица измерения — норма на одного человека).

Занимающийся мелкой работой. Иное представление лежит в основе мотивации лексем *кропач* ‘заботливый человек, хороший работник’ [Элиасов, 171], *кропотливый* ‘постоянно занятый делом’ (перм.) [СРНГ 15, 281], объединяемых на основе принадлежности к этимолого-словообразовательному гнезду **kropati* [ЭССЯ 13, 6]. По мнению составителей ЭССЯ, за счет актуализации исходного образа капли (ср. ст.-слав. *кропа* ‘капля’, в.-луж. *kriepka* ‘капля’ [Там же]) как символа чего-то мелкого лексемам обоих гнезд свойственно развивать экспрессивные значения ‘мелкой работы’ зачастую с выражением несколько сниженной оценки, ср. *крепать* ‘заниматься мелкой домашней работой, отнимающей много времени’, ‘шить, вязать или чинить одежду’ (новг., твер.) [СРНГ 15, 215], ‘делать бабью работу по хозяйству, копаться, возиться’ [Даль¹ 2, 487], *кропать* ‘делать мелкую и трудоемкую работу медленно и неумело’, ‘копаться, возиться’, *кропач* ‘неискусный портной или сапожник’. Таким образом, мы имеем дело с семантико-мотивационной моделью ‘заниматься мелкой работой’ → ‘быть хорошим, старательным работником’, которая может сопровождаться сниженной оценкой деловых качеств человека, ср. *крепальница* ‘о старательной, усидчивой в работе, но медлительной женщине’ (новг.) [СРНГ 15, 215] (существительное является продолжением слав. **krepati*, родственного **kropati* [ЭССЯ 12, 123]). Лексема *щепетливо* ‘старательно, кропотливо’ [КСГРС] вправе быть объединена с предыдущими еди-

ницами, учитывая участие в номинации определенного эталона мелкого количества — щепоти.

Обладающий деловыми умениями и навыками. К лексемам, связанным с семантической областью умений и способностей, относятся: *навычливый* ‘легко перенимающий приемы работы’ [СРНГ 19, 190]; *изуметь* ‘научиться хорошо делать свое дело’ (сев.-двин.) [СРНГ 12, 172], *гораздый* ‘искусный, способный, опытный на какое-либо дело, смысленный, ловкий, расторопный’ [Даль¹ 1, 930] (происходит из слав. **gorazdy(jь)* с общим значением ‘умный, способный’ [ЭССЯ 7, 32]), *нагоразживаться* ‘приобретать ловкость, умение, навык в чем-либо, навастриваться’ (костром.) [СРНГ 19, 209]. Модель примечательна тем, что умелость, в основном, представляется не некой данностью, а результатом определенных упражнений и обучения. Та же мысль отражается во внутренней форме существительного *досуг* (ср. с *досугом* ‘с умением или особенно добрыми качествами’ [Даль¹ 1, 1196]) — «то, что достигнуто» [Фасмер 1, 532], которое служит производящей основой для прилагательных *досу́жий* ‘трудолюбивый, способный к разного рода деятельности’ [КСГРС], ‘умелый, работающий’ [НОС 2, 98], *раздосу́жливый* ‘искусный в работе, умеющий, ловкий’ [Даль 4, 27].

Заботливый, старательный. Наряду с описанием того, что умеет работающий человек, уделяется внимание характеру его отношения к делу. Такие качества, как забота, старательность, получают однозначно положительную оценку, ср.: *заботный* ‘трудолюбивый’ [НОС 3, 8], ‘трудолюбивый, старательный’ (перм., пск.) [СРНГ 9, 272], *заботно* ‘усердно, старательно, ответственно’ [КСГРС], *заботиться* ‘стараться, делать что-либо прилежно’ (яросл.) [СРНГ 9, 271], *радивость* ‘усердие, старание, прилежание’ (том.) [СРНГ 33, 247], *родливый* ‘прилежный, работающий’ [СРГСУ 5, 80] (< *радеть*), *печись* ‘работать с усердием’ (*Я тут все пеклась на картошке*) [СВГ, 55], *печальный* ‘трудолюбивый, работающий’ [СВГ, 54], *печальливый* ‘трудолюбивый, работающий’ [КСГРС], *печеливый* ‘трудолюбивый, работающий’ [КСГРС], *печалливый* ‘старательный, усердный’ (арх., север., вост.-казах.) [СРНГ 26, 344], *запекáник* ‘трудолюбивый человек’ (смол.) [СРНГ 10, 308], *запекáнить*; *пристарáться* ‘приложить старание, потрудиться’ (смол., арх.) [СРНГ 31, 410], *растáры-*

ваться ‘очень стараться, много и усиленно работать’ [СРГСУ 5, 65], *дбать* ‘стараться’ [СРДГ 1, 123], *кэхтать* ‘работать, трудиться; хотеть, не лениться’ (*Не кехтать, значит не хочу работать*) [КСГРС].

* * *

Обращение носителя языка к семантической сфере «Деятельность» наиболее продуктивно реализует мотивационную модель ‘хороший работник’ ← ‘тот, кто занимается производительным трудом’.

Наряду с общими наименованиями трудового процесса, в качестве исходных выступают единицы, маркирующие определенный аспект деятельности: объем работ (работы обычно много), цель труда (ценится стремление привести что-либо в порядок, придать должный вид), результат труда (он должен вызывать эмоциональную реакцию), способ выполнения (выполнение должно быть тщательным), предмет деятельности (предмет работы видится мелким), место работы (на помещика, на хозяина).

Стремление номинатора выделить некоторые «портретные» черты хорошего работника приводит к актуализации признаков, характеризующих его физические способности: силу, выносливость, подвижность, усидчивость, — личностные качества: удачливость, смелость, эмоциональность, — деловые качества: опытность, обладание специальными знаниями, увлеченность делом.

2.1.3. Движение

Семантико-мотивационное взаимодействие полей «Положительное отношение к труду» и «Движение» поддерживает изначальная связь концептов труда и движения, ср. устойчивые выражения *работа сдвинулась с места, пошла работа, ход работы, работа остановилась, дело (не) двигается (с мертвой точки), дело (не) стоит на месте*).

Подвижный. Хорошее, добросовестное выполнение работы зачастую ассоциируется с движением, ходьбой, ср.: *двигаться* ‘быстро и интенсивно работать’ [АОС 10, 304], *ходóвой* ‘бойкий, энергичный, проворный и сметливый в деле’ [СРГСУ-Д, 554], *ходóвый ходкий* ‘бойкий, проворный, работающий’ [КСГРС], *на ходкую руку* ‘умело, ловко, мастерски’ [КСГРС]. Основанием для положительной оценки становится подвижность, беспрепятственность движений, действий.

Особым способом воплощения представления о подвижности работающего человека является мотивационная модель, построенная на отрицании неподвижности, покоя: *непоко́йный* ‘трудолюбивый, не любящий сидеть без дела человек’ (моск.) [СРНГ 21, 116].

Способный двигаться быстро. В оценке двигательной активности работника важной оказывается такая характеристика, как темп. Определяющим признаком производящей семантики становится признак быстроты⁸, ср.: *при́тно* ‘быстро, скоро’ [СРНГ 32, 18] → *при́тно* ‘прилежно, старательно’ (брян.) [СРНГ 32, 18], *быстро́га* ‘неутомимый работник’ (арх.) [СРНГ 3, 350], *быстрова́ть* ‘выполнять тяжелую работу, быть выносливым’ (арх.) [СРНГ 3, 350], *загна́ться* ‘усиленно, усердно заниматься чем-то’ (нижегор.) [СРНГ 10, 9], *недого́ниха* ‘тот, кто ловок в работе’ [НОС 6, 37], *побегу́шка* ‘трудолюбивая, энергичная женщина’ [СВГ 5, 73], *на лету́ хле́ба доста́ть* ‘быстро что-либо делать, выполнять любую работу’ (ряз.) [СРНГ 17, 15]. К гнезду праслав. глагола *lyskati с семантикой быстрого движения [ЭССЯ 17, 41] относится *запо́лы'скивать* ‘делать что-либо с азартом, увлечением’

---

⁸ На связь признаков ‘быстрый’ и ‘умелый, ловкий’ указывает также Ж.Ж.Варбот в статье о первичной мотивации прилагательных со значением ‘быстрый’ [Варбот 1997].

(*Она работать здоровая, она работает, запольскивает*) (ряз.) [СРНГ 10, 341]. К этой же мотивационной модели мы бы отнесли прилагательное *ло'торный* 'работающий' [КСГРС], формально и семантически близко слав. глаголу **lotiti(se)*, которое имеет в качестве основного значение быстрого движения и при этом развивает значения, связанные с работой, ср. словен. *lotiti(se)* 'приняться, взяться за дело' [ЭССЯ 16, 96], ср. также производные этого глагола, выделяемые на праславянском уровне: *лото'ха* 'не в меру суетливый, слишком поспешный в делах и поступках', 'торопыга, непоседа' (влад., казан., калуж., орл., донск., терск.), *лото'шиться* 'без толку суетиться, спешить, проявлять ненужную торопливость в словах и поступках' (курск., костр., вят., влад.), 'заботиться' (влад.), 'стараться, хлопотать' (блр.) [ЭССЯ 16, 98].

Образное выражение данная модель находит в номинации *она'ра* 'об искусном, сноровистом человеке' [КСГРС]. Основанием для метафорического переноса явилась имплицитная сема 'быстро', заключенная в мотивирующей семеме 'закуска для теста' (прибайкал., амур.) [СРНГ 23, 235] (с помощью опары тесто быстрее поднимается) [Кругликова 1992, 98].

Признак быстрого движения входит составной частью в другую мотивационную модель, основанную на соотношении положительно оцениваемой работы с концептом беспорядка, суеты: *марутиться* 'суетиться, беспокоиться' (костром.) [СРНГ 17, 377] → *мару'титься* 'много, усиленно работать' (костром.) [СРНГ 17, 377], *заполошный* 'суетливый, беспокойный' (краснояр.) [СРНГ 10, 341] → *заполо'шный* 'усердный, старательный' (*Заполошная она на работе, за ней не успеешь*) (краснояр.) [СРНГ 10, 341], *мотуситься* 'кидаться во все стороны, суетиться, торопиться сделать что-либо' (твер.) [СРНГ 18, 306] → *мотуси'ла* 'тот, кто быстро все делает' (твер.) [СРНГ 18, 305], *как май маева'л* 'о хорошо выполненной работе' [НОС 5, 66] (субстантивированная форма *май* является квазисловом, призванным выражать словообразовательное значение деятеля; глагол *маевать* входит в гнездо слав. **majati*, с первоначальным значением, по версии ЭССЯ, 'двигаться, двигаться туда-сюда' с дальнейшим развитием в значение 'мелькать, мельтешить' [ЭССЯ 17, 134], явившимся мотивационной базой для построения фразеологизма).

Двигающийся медленно. Образ замедленного движения также нашел отражение в мотивационной семантике единиц поля: *шишкун*, *шишгун* ‘старательный хозяин, который всегда копается около дома’ [Кругликова, 100], *шишлиун*, *шишлийка* ‘копун, мешкотный, но трудовой работник’ [Там же] (ср. *шишить*, *шишкать*, *шишлиять* ‘копаться над чем, мешкотно, что-либо делать’ [Даль 4, 637]). О небольшой значимости данной модели для реализации идеи трудолюбия свидетельствует не только скудность лексических манифестаций, но и их референциальная ограниченность: старательность «шишкуна» определяется связью с домом.

Подобная маркировка традиционным сознанием темпа выполняемой работы интерпретируется в общеславянском этнокультурном контексте. Так, в словаре «Славянские древности» отмечается факт приписывания славянами магического и сакрального значения действию, выполняемому в короткий отрезок времени. Последнее связано с верой в то, что совершение действий в ускоренном темпе сулит долголетие и успех во всех предприятиях. Для достижения сноровки и скорости в производственных действиях совершалось ритуальное быстрое действие, например, изъятие колки из стены для успешного тканья [СД (А-Г), 281].

Двигаться по кругу. Многоплановый образ этого вида движения в сознании и языке обусловил актуализацию различных признаков при мотивации. Так, для идеи кручения, манифестируемой дериватами основы **krQt-*, важным оказывается цикличность движения, что при переносе в сферу деятельности означает постоянство забот о деле, работу без конца, «по кругу», ср. *крутиться* ‘быть в постоянных хлопотах, работе’ [НОС 4, 157], *быть в круте* ‘быть в постоянных хлопотах, работе’ [НОС 1, 157]. Лексический материал поля обнаруживает еще ряд единиц, в основе которых лежит идея кругового или вращательного движения: *кружить(ся)* → *кружило* ‘работящий, расторопный человек’ (*Кто быстро работает, того и кружилой зовут*) [КСГРС], *вокругной* ‘постоянно занятый, работающий без отдыха’ [СРГСУ 1, 76], *кружить(ся)* ‘работать без перерыва, без отдыха’ [НОС 4, 154]; *вить(ся)* → *вьюга* ‘прозвище старательного, трудолюбивого человека’ (твер.) [СРНГ 6, 65], *вьюрыш* ‘проворный, расторопный’ (олон.) [СРНГ 6, 69], *вьюном вить* ‘скоро, проворно делать что-либо’ (влад.) [СРНГ 6, 66]; *кутить* ‘кружить, крутить,

вихрить' [Даль 2, 100] → *ку́том кутíть* 'быстро и много делать что-либо' [СРГК 3, 75]; *катáть* 'оборачивать колесом, подвигать обращая' [Даль 2, 96] → *катáть* 'делать что-либо старательно' [НОС 4, 31], *катáлик* 'трудолюбивый, постоянно работающий человек' [НОС 4, 30].

Активная номинативная разработка данной модели исходит из того, что в образе кругового движения соединяются сразу две категории — движение и пространство, что дает больше возможностей для реализации тех или иных смыслов.

Кроме того, учитывается темп движения, который в плане трудовой деятельности трансформируется в готовность человека к работе и скорость совершения действий, проворность, ср. *круто́й (на рабо́ту)* 'старательный, исполнительный, трудолюбивый' (волог., тобол., краснаяр. и др.) [СРНГ 15, 331], 'скорый, проворный, ловкий на работу' [НОС 4, 157] (ср. также разг. *крутить-вертеть делами*).

Иная интерпретация движения по кругу отражена в лексеме *не́крутень* 'человек, не любящий болтаться без дела' [СРНГ 21, 66], в которой круговой вид движения воспринимается в плане незакрепленности человека на одном месте и идентифицирует человека, отрицательно относящегося к труду. Идея положительного отношения к труду реализуется в таком случае через отрицание противоположного признака.

Идея верчения в поле трудолюбия представлена продолжениями праслав. корней **vьr-*, **ver-*, **var-*, **vor-*, **vert-*, **vort-* [см. Галинова 1999]. Особенностью словообразования производных единиц данной модели является, преимущественно, приставочный характер дериватов, ср. *увёртный* 'деловой, бойкий, работающий' [КСГРС], *заворóтный* 'деловой, деятельный' (*Мужик он заворотный, фсё у него на местах*) [СРГСУ 1, 167], *изворóтливый* 'ловкий в работе' (краснаяр.) [СРНГ 12, 112], *розвертнóй* 'проворный и сметливый в деле' [СРГСУ 5, 182], *увóрный* 'проворный, быстрый, работающий' [КСГРС], *провóрица* 'старательная, работающая женщина' (волог.) [СРНГ 32, 102], *провóра* 'ловкий в работе человек' [НОС 9, 39], *провáривать* 'быстро, проворно выполнять работу' [СРГСУ 5, 23], *провóрить* 'работать быстро, ловко', 'справляться с работой хорошо' (вят., перм., Киров., краснаяр.) [СРНГ 32, 102], *опровóрить* 'сделать что-либо быстро, скоро;

опередить кого-либо в выполнении какой-либо работы, сделать работу раньше других', 'справиться с чем-либо, требующем большой затраты труда, осилить' (перм., краснояр., новосиб.) [СРНГ 23, 299], *перевёрчивый* 'ловкий в ведении дел' [СРГСУ 4, 12], *иверень* 'о том, кто быстро работает' (твер., пск.) [СРНГ 12, 58] (о существовании слав. префиксальной модели «*јь*+корень») см. [Трубачев 1972, 18]), *вы'вернуться из кулёк в рогóжку* 'быть ловким, умелым, очень постараться делать что-нибудь' [АОС 6—7, 130]. Опираясь на основное, пространственное, значение приставок *у-*, *из-*, *за-*, *вы-*, *про-*, мы склонны выделять у глагола *вертеться* мотивирующее значение перемещения, смены положения. В этом случае трудолюбивый и работоспособный человек предстает как субъект, способный менять предмет деятельности, т.е. занятия, дело (→ 'деловой/деятельный'), чередовать отдельные действия (→ 'ловкий/быстрый') и переключать центр внимания (→ 'сметливый в деле').

Образное отождествление с вращающимся предметом отражено в номинациях *веретёшко* 'о быстром в деле, подвижном человеке' (ср.-урал., свердл.) [СРНГ 4, 138], *веретенó* 'то же' (ср.-урал.) [СРНГ 4, 140]. Выбор веретена, думается, не случаен и обусловлен помимо вышеобозначенных мотивов символической нагрузкой процесса прядения в традиционной культуре.

* * *

Самой продуктивным способом реализации базовой модели является связь оценки по труду с признаком быстрого, скорого движения. Что касается противоположного признака — медлительности — можно говорить о том, что темп работы зачастую зависит не только от отношения к делу человека, но и от особенностей его темперамента.

С помощью различных образов движения маркируются следующие компоненты фрейма труда: объем работы (дела «окружают» человека); цель деятельности (навести должный вид и порядок), предмет деятельности (разнообразный), способ выполнения действий (чередуются отдельные действия).

В ряде номинаций носитель языка выражает сниженную психологическую оценку чрезмерной подвижности человека и позволяет реконструировать такую портретную характеристику усердного работника, как *эмоциональность*.

Оценочное мышление выходит на первый план также в случае построения номинаций путем отрицания неприемлемых качеств; ими становятся ненаправленное движение, движение вследствие незакрепленности на месте, состояние покоя.

2.1.4. Физическое воздействие

Впечатление от хорошей работы и образ трудолюбивого человека зачастую выражается посредством глаголов с семантикой физического воздействия. Данная базовая модель связана с двумя лексико-семантическими группами глаголов: «Деструктивное воздействие» и «Действия с предметами».

Наносить удар. Среди глаголов деструктивного воздействия наиболее активными в мотивационном отношении оказываются глаголы, обозначающие нанесение удара. Смысловым центром этой группы является глагол *бить*, от которого образовались, в частности, лексемы *бой* ‘человек, быстро работающий и везде поспевающий’ (волог.) [СРНГ 3, 66], *обитуй* ‘прозвище трудолюбивого человека’ (чкал.) [СРНГ 22, 66], *забива́ться* ‘работать изо всех сил’ (смол., том., волог.) [СРНГ 9, 254] *рабо́тать забóйно* ‘делать что-либо без передышки’ [НОС 9, 79]. Мотивом номинации в данном случае становится интенсивность действия, сочетающаяся с положительной эмоциональной оценкой. При опоре на дериваты глагола *бить* происходит также актуализация ряда других мотивационных сем. Так, во фразеологизме *в плю́шку разби́ться* ‘о чрезмерном усердии’ [АОС 5, 46] акцент делается на результате воздействия, что создает представление о негативных физических последствиях труда для человека. Прилагательное *б́итвенный* ‘трудолюбивый, работающий’ [СРГК 1, 72] образовано от отглагольного существительного *битва*, в основе которого лежит представление о битье как о беспорядочном проявлении активности, ср. *б́итва* ‘заботы, хлопоты’ [КСГРС].

Наносить удар с помощью предмета. Ряд лексем, обозначающих хорошую работу, образован от глаголов с семантической

валентностью орудия действия, что сближает их с производственными глаголами: *тарбать* ‘бить по воде специальным шестом, загоняя рыбу в сети’ → *та’рбать* ‘много, усердно работать, «пахать»’ [КСГРС]; *бóтать* ‘усиленно работать; резать, рвать, бить’ (курск.) [СРНГ 3, 132]; *молотить* → *молотя’га* ‘хороший работник’ [СРГСУ 2, 138]; ‘старательный работник’ (свердл., тюмен.) [СРНГ 18, 242], *хоботить* ‘ударять о что-либо, выколачивая зерно из колоса, метелки; наносить удары, бить’ → *хоботи́ть* ‘делать что-либо усердно, быстро’ [НОС 12, 18], *охоба́чивать* ‘делать что-либо с усердием, быстро, ловко, хорошо’ (новг., моск., арх., перм.) [СРНГ 25, 42; НОС 7, 71]. Появление орудия в образе удара не изменяет общую мотивационную логику: хорошая, усердная работа предполагает интенсивные действия.

Ударами разделять что-либо на части. Иной вид деструктивного воздействия, заключающийся в нарушении целостности предмета, обозначается глаголами *пластать* и *ломать*. В процессе семантического развития понятийное значение производящего глагола отходит на второй план, уступая место субъективному впечатлению об интенсивности действия или чувства. Об этом свидетельствуют оформление экспрессивными словообразовательными аффиксами и вариации признака интенсивности в семантике производных единиц: *пластаться* ‘интенсивно работать, трудиться, не переставая’ [СРГСУ 4, 32], *отпла’стывать* ‘быстро, споро делать что-либо’ [СРГСУ 3, 87], *пласту’нья* ‘работающая женщина’ [КСГРС]; *ломить* ‘быстро и энергично работать’ (иван., костром., вят., волог., яросл.) [СРНГ 17, 120], *ломáщий* ‘работающий’ [НОС 5, 38], *ломови́к* ‘трудолюбивый человек’ [НОС 5, 39], *ломоти́ло* ‘работающий человек’ [КСГРС], *ломыса́ть* ‘много, усиленно трудиться’ (киров.) [СРНГ 17, 125], *ло́мом ломить* ‘быстро и энергично работать’ [СРНГ 17, 115], *ломать подря’д* ‘интенсивно работать, выполняя норму’ [СРГК 3, 142].

Гнуть. Семантическая модель ‘гнуть’ → ‘усиленно, прилежно работать’ представлена следующими единицами: *гйбеть* ‘корпеть, усиленно заниматься’ [СРДГ 1, 99], *корёжить* ‘прилежно заниматься крестьянским трудом’ (яросл.) [СРНГ 14, 314], *корёга* ‘трудолюбивый крестьянин (-ка)’ (яросл.) [СРНГ 14, 315], *корóбить* ‘усиленно работать’ (перм.) [СРНГ 14, 345], *пру́жничать*

‘усиленно, с напряжением работать’ (кур.) [Даль¹ 3, 1388] (ср. *пружить* ‘нагибать, наклонять’ (сев.) [Даль 3, 529]). Перенос значения мог осуществиться двумя способами: во-первых, на базе экспрессивной семы физического усилия; во-вторых, с учетом представления о сгорбленной позе работника, ср. *гнуть хрип* ‘много, непосильно работать; гнуть спину’ [СРДГ 1, 102].

Рвать, драть, цапать. Действия по соответствующим глаголам объединяет резкость, отрывистость движений, что и послужило представлением, лежащим в основе следующих лексических единиц *с огня* ‘рвать’ ‘работать быстро, с охотой, с огоньком’ (иркут.) [СРНГ 22, 341], *порасшինьгать* ‘начать быстро, проворно делать, работать’ [КСГРС] (< *шиньгать* ‘теребить, дергать, трепать (лен, шерсть, волосы)’ [КСГРС]), *сáпаться* ‘стараться, проявлять усердие’ [КСГРС] (лексема представляет собой глагольное производное от основы *цап-*, фиксирующая фонетический процесс разложения аффрикаты, ср. другие производные основы: *санка* ‘род легкой мотыги, тляпка’ [КСГРС], *сáпать* ‘трепать лен’ [Там же]), *тóргать* ‘много, усердно работать’ (*Как начал торгать, так работа и полетела*) [КСГРС] (< *торгать* ‘рвать, дергать, теребить’ [Даль¹ 4, 801]), *тягу́н* ‘хозяйственный человек’ [СРГСУ 5, 118] (ср. *тягать* ‘брать, дергать’ (пск.) [Даль 4, 56]), *пазга́ть* ‘быстро и много работать’ [КСГРС], *вы’пазгать* ‘быстро и энергично выполнять какую-нибудь работу, совершать какое-нибудь действие’ [АОС 8, 51] (семемная структура глагола *пазгать*, которой свойственен весьма широкий разброс значений, ср. ‘бить, колотить’, ‘быстро идти или ехать’, ‘сильно дуть (о ветре)’, ‘гореть’, ‘кидать, бросать что-либо’, ‘колоть, драть, раздирать’, ‘делать что-либо небрежно’, ‘бранить, кричать’ (волог., вят., арх., новг., влад., перм., костром.) [СРНГ 25, 142—143], заставляет видеть в основе внутренней формы признак интенсивности действия; принадлежность же к данной семантической модели обусловлена связью с этимологическим значением глагола — ‘рвать, урвать’ [Варбот 2001, 107]). Для лексемы *деру́н* ‘человек, не жалеющий сил для работы на себя’ (*Дерун, кто много работает, дерет все к себе*) [КСГРС] значимым аспектом при мотивации оказалась направленность действия — «к себе», что в семантике вылилось в признак ‘работа на себя’.

Давить, мять. Мотив физического контакта человека с работой реализуется в производных от глаголов с семантикой давления, уминания, нажимания: *мять рабо́ту* ‘много работать, не покладая рук’ (арх.) [СРНГ 19, 93], *напорливый* ‘упорный, старательный’ [КСГРС], *нажомистый* ‘трудолюбивый, работающий’ [СРГК 3, 321], *мякать* ‘усиленно трудиться’ (КССР) [СРНГ 19, 76] (ср. *мя́кать* ‘мять, уминать’ [Там же]), *муля́каться* ‘много работать’ [НОС 5, 107] (< *му́лить* ‘тереть, жать’ [Даль 2, 358]). Впечатление о высокой степени интенсивности действия и большом объеме работ, актуальное для единиц описываемой модели, может быть распространено на сферу притязаний работающего человека, актуализируя мотив собственности, ср. *задавно́й* ‘жадный на работу, работающий’ [КСГРС].

Тянуть. Отдельную группу образуют номинации на базе семантики перемещения объектов, манифестируемой глаголами *тянуть* и *кряпать* ‘трогать, двигать’ [ЭССЯ 12, 145]. Объектом действия мыслится здесь человек, что позволяет увидеть в мотивационной основе следующих единиц ситуацию увлечения человека делом: *затяга́ться* ‘втягиваться в работу, начать увлекаться’ [СРГСУ 1, 188], *затяжно́й* ‘много и охотно работающий’ (ряз.) [СРНГ 11, 123], *по́тег* ‘охота, интерес к делу’ (*Нет потегу, чтобы справить*) [КСГРС].

Хватать. Отдельную группу представляют собой номинации, в основе которых лежат обозначения субъектно-объектных отношений. Достаточно продуктивна модель, по которой действия или качества трудолюбивого человека ассоциируются с действием хватания и присваивания: *хва́тко* ‘мастерски’ [НОС 12, 9], *захáпистый* ‘усердный, усидчивый’ (влад.) [СРНГ 11, 143], *неупу́стительный* ‘деловой, работающий’ (дон.) [СРНГ 21, 196], *ёмкий* ‘быстрый, выносливый в работе; ловкий, проворный, удалой в работе’ (волог., свердл., тобол., курган., иркут. и др.) [СРНГ 8, 357] (буквальное значение ‘вбирающий, собирающий’). В рамках подобного семантического сближения реализуется представление о том, что любящий работать человек «не упустит своего», а также символический смысл захвата как быстрого, резкого движения.

Бросать, метать. В конверсивную оппозицию с предыдущим мотивационным признаком вступают лексические единицы, производные от глаголов *бросать*, *метать*: *забросать работой*

‘хорошо работать’ (*Я бы всех забросала работой, если бы не года*) (омск.) [СРНГ 33, 239], *пометчик* ‘проворный, быстро работающий человек; тот, кто легко берется за дело’ (твер., пск.) [СРНГ 29, 210]. Трансформация общего значения направленного броска различается в представленных номинациях. Во фразеологизме объектом действия мыслится работа, что определяет предметные коннотации у слова *работа* и актуализирует представление о множестве дел. Существительное *пометчик* отражает представление о мечущемся человеке и связывается с идеей быстроты (ср. *пометный человек*, *пометчик* ‘опрометчивый человек, торопыга’ (пск.) [Даль¹ 3, 702].

* * *

Наиболее реализованными и практически равными по количеству являются мотивационные модели ‘положительная оценка трудовой деятельности’ ← ‘нанесение удара’ и ‘положительная оценка трудовой деятельности’ ← ‘деструктивное воздействие’. Равный объем объясняется близостью семантики производящих единиц. Причины продуктивности той и другой модели лежат в плоскости экспрессивных интенций носителя языка: глаголы с семантикой энергичного действия как нельзя лучше выражают субъективное впечатление номинатора об интенсивности происходящего процесса. При этом в рамках первой модели наряду с оценкой процесса труда актуализируется оценка последствий труда для субъекта, в соответствии с которой эти последствия имеют негативный характер и лежат в области физических изменений; вторая модель вводит как основание для оценки момент приспособления человека к работе (*приломать*) и позу человека, которая видится сгорбленной.

Представления об интенсивности процесса труда как основе для положительной оценки обуславливают и ряд других мотивационных признаков (‘давить, нажимать’, ‘тянуть’, ‘хватать, присваивать’, ‘метать, бросать’), хотя и не исчерпывают мотивировки данных моделей. Так, для модели ‘давить, нажимать’ мотивом выступает также квазиденотативная ситуация контакта человека с работой, который имеет род физического контакта. В привлечении глагола *драть* сказалось представление

о наличии собственных интенций у субъекта труда. Этот же аспект затрагивается (причем достаточно часто) в реализации мотивационного признака ‘присваивать, хватать’. Количественный аспект труда, по которому номинатор фиксирует большое количество дел, просматривается во фразеологизме *забросать работой*.

2.1.5. Положение в пространстве

Представление о деятельности как процессе складывания, укладки, иначе говоря, нахождения вещью своего места в пространстве отражается в семантическом становлении праслав. *dělo ‘дело, труд, работа’ [Аникин 1998, 193]. Что касается номинации субъекта труда, то она, задействуя широкий спектр пространственных образов, движется, в целом, по двум направлениям: отрицание определенного пространственного признака и построение номинации в утвердительном ключе.

Отказывающийся от сидения и лежания. Первое направление представлено меньшим количеством единиц, среди них: *неулёжка* ‘заботливый, работающий человек’ (нижегор.) [СРНГ 21, 193], *незалежливый* ‘усердный, прилежный (о работнике)’ (пск.) [СРНГ 21, 46], *непосётный* ‘энергичный, трудолюбивый’ (Казань-Некрасовцы) [СРНГ 21, 120], *несидальный человек* ‘о том, кому некогда посидеть, кто занят делом’ (пск.) [СРНГ 21, 151], *несидяча ко’сточка* ‘трудолюбивый человек’ [НОС 6, 126], *неотстойчивый* ‘трудолюбивый’ (волог.) [СРНГ 21, 105]. Наиболее разработанными в данной модели оказываются образы лежащего и сидящего человека, что можно рассматривать как противопоставление трудолюбия и лени. Но образование слов от приставочных глаголов с временным значением (*посидеть, улечься, залежаться*) указывает скорее на связь с понятием отдыха. Таким образом, трудолюбивый человек — это тот, кто не дает себе отдыха.

Изменение местоположения. Данная модель интересна тем, что она реализуется при помощи смыслов, противопоставленных между собой по направлению перемещения — вверх или вниз: падать и подниматься: *на́дкий* ‘способный, умелый, старательный’ [СРНГ 25, 131], *ва́лкий* ‘прилежный, старательный, трудолюбивый’ (арх.) [СРНГ 4, 28], *подъёмистый* ‘трудолюбивый, легкий на

подъем' [СВГ, 118]. При этом, если движение вверх можно трактовать как легкость на подъем, готовность к работе, то движение вниз предполагает момент соприкосновения с поверхностью, что ассоциируется с увлечением делом, углублением в работу. Характерно, что нисходящее перемещение, заканчивающееся контактом с объектом, будучи соотнесено с ценностной ориентационной шкалой «верх — хорошо, низ — плохо», может иметь еще одно семантическое продолжение — в виде семантики жадности, ср. *припадчивый* 'жадный' (пск., твер.) [СРНГ 31, 332], *валкий* 'алчный, завистливый' (арх.) [СРНГ 4, 28], *падкий* 'завистливый' (арх.) [СРНГ 25, 131], демонстрируя (особенно ярко при общности лексических форм) смысловые параллели между идеями трудолюбия и собственничества.

Тот же образ увлечения делом формируется на базе глаголов *припадать*, *налегать*, *прилегать*: *припадчивый* 'усердный, старательный' (новг., волог.) [СРНГ 31, 332] (ср. *припадать* в значении 'приникать, склоняться, прижиматься' [Ожегов, 596]), а также в словообразовательном ряду с основой *налог-/налег-*. Логика развития образа в последнем случае, на наш взгляд, такова: первоначально именно труд представлялся налегающим на человека и притесняющим его своей тяжестью, ср. *налога* 'гнет, притеснение', 'тяжесть труда' (новг.) [СРНГ 20, 21], *клясть на кого работу* 'заставлять делать что-либо' [Даль 2, 114]⁹; в данном значении существительное *налога* связано с глаголом *наложать* 'делать' [КСГРС]. Далее обозначение деятельности переносится на качество ее выполнения: *налога* 'старательность, усердие' (волог.) [СРНГ 20, 21] (ср. *работун* 'желание работать' [КСГРС]); в паре с данной лексемой появляется глагол *наложит* 'усердно, прилежно заниматься чем-либо' (*Эдак ведь он наложит на работу*) (волог., арх.) [СРНГ 20, 22], а также ряд производных: *наложный* 'трудолюбивый, работающий' [КСГРС], *наложно* 'усердно, старательно, изо всех сил' (*Наложно косили, цай дома не рассиживали*) [КСГРС], *налога* 'хороший работник, трудолюбивый человек' (*Придешь на работу, и зовут: вот какая налога, сколько выдала*) [КСГРС]; в этом же лексическом ряду стоят

---

⁹ Представление о труде как имеющем тяжесть воплощается также в семантической связи основ **trud-* и **tæg-* [Толстая 1998, 26].

лексемы *налёжный* ‘старательный’ [СРГК 3, 345], *налёжно* ‘старательно’ [СРГК 3, 345], ‘прилежно, усердно’ [КСГРС]. Так формируется языковой образ человека, налегающего на работу и тяжестью своего тела оказывающего воздействие на нее; эмпирической основой для подобного образа, возможно, послужило наблюдение за процессом деятельности, требующей соответствующей позы и напряжения сил, например — пахота плугом, работа бурлака, валка леса и т.п. При неактуальности семы воздействия увлеченность делом представляется через близкое нахождение двух предметов, производящим глаголом служит глагол *прилегать*: *прилегать* ‘стараться делать что-либо’ (том., алт.) [СРНГ 31, 271], *прилёга* ‘прилежание, умение, навык’ (арх.) [СРНГ 31, 277].

Находиться в вертикальном положении. Исследуемое поле содержит лексический материал, реализующий представления о взаимодействии человека и дела через образ стояния, ср.: *на́стоять* ‘упорно, настойчиво трудиться’ (арх.) [СРНГ 20, 196], *настоя́тель* ‘прилежный, усердный, старательный человек’ (перм.) [СРНГ 20, 196], *насто́йный* ‘прилежный, усердный’ (вят., киров.) [СРНГ 20, 194], *насто́йно* ‘прилежно, усердно’ (перм., арх.) [СРНГ 20, 194]. Проследивая пути, ведущие от обозначения позы человека до оценки труженика, кроме очевидного суждения, что вертикальное положение наиболее естественно для работающего, надо отметить существование модели, в которой статичность вертикальной позы является символом положительно оцениваемых качеств человека, таких как *стойкость*, *самостоятельность*, «*стоящность*»). Этот семантический фон не мог не повлиять на актуализацию признаков ‘упорно’, ‘настойчиво’, ‘усердно’.

Сидеть. В целом, поза сидения, как отмечалось выше, не свойственна человеку, который постоянно занят делом. Но вместе с тем человек, засевавший за работу, оценивается положительно. Подобная двузначность свидетельствует о различении видов трудовой деятельности и выделении занятий, связанных с долгим сидением (например, прядение): *сид́мя сидеть* ‘пристально, не сходя с места или прилежно и усидчиво работать’ [Даль 4, 182], *присе́дно* ‘усердно’ (Волхов и Ильмень) [СРНГ 31, 380], *ко́лом засе́ть* ‘работать без устали, не отрываясь, не отвлекаясь’ (твер., пск.) [СРНГ 14, 110].

Взаимоотношения человека с трудом, работой по большей части описываются генеральным пространственным образом близкого расположения человека и дела, в основе которого лежит квазиденотативная ситуация вхождения человека в контакт с делом, увлечение работой. Трансформация данной модели осуществляется, во-первых, за счет семантики перемещения, придающей динамичность пространственному образу (*надать, валиться*); во-вторых, в результате дифференциации пространственной семантики семей физического действия, а именно — давления (*налегать*), в переносном смысле характеризующей физическое усилие человека, направленное на объект (*налегать на работу*).

Акцент может ставиться на закреплённости тела в пространстве, наличие точки опоры, что при образном переносе на производительный процесс связывается с наличием цели деятельности.

Отдельное место в базовой модели ПРОСТРАНСТВО занимает мотивационная модель ‘усердно трудиться’ ← ‘сидеть’, появление которой обусловлено обычным наблюдением за некоторыми занятиями, предполагающими именно эту позу.

2.1.6. *Собственность*

Значимость поля «Собственность» для реализации идеи трудолюбия не ограничивается предоставлением им производящих основ и образов. Тесная связь двух концептов воплощается в схожести мотивационных моделей (ср. связь основы *гонош*- ‘копить, собирать’, ‘делать что-либо увлеченно, с усердием, старательно’ с семантикой быстрого движения [ЭССЯ 7, 24]), а также в диффузности признаков ‘отношение к труду’ и ‘отношение к собственности’ в пределах одной семемы, ср. ‘хозяйственный’ как «имеющий хозяйство, хорошо распоряжающийся им» и «хорошо исполняющий хозяйственные обязанности».

Развертывание базовой модели отражает определенную последовательность в процессе приобретения собственности.

Желание обладать чем-либо. В качестве мотивирующих основ используются слова с инвариантным значением ‘желание

иметь что-либо': *závistь* 'трудолюбие, желание работать' (*У него зависть есть, а у нас лени много*) (ряз.) [СРНГ 9, 318], *zavístnyj* 'работящий' [НОС 3, 14], *zavídnyj* 'такой, который проявляет усердие в чем-либо' [НОС 3, 13]. Модель малочисленна в лексической реализации, но сосредоточена на обозначении ядерной семантики идеи трудолюбия.

Приобретение и увеличение собственности. Модель, в которой семантика накопления, собирания служит производящей базой для положительной характеристики человека по его деловым качествам, активно функционирует в рамках этимолого-словообразовательного гнезда праслав. **gonošiti* 'копить, собирать' [ЭССЯ 7, 24], ср.: *gonošítь* 'делать что-либо увлеченно, с усердием, старательно; излишне старательно делать что-либо' (новг.) [СРНГ 7, 11; СРГСУ 2, 120], *гонтошítь* 'кропотливо, усердно трудиться, делать что-либо для себя' (влад., новг., курган.) [СРНГ 7, 13], *gonošlívyyj* 'занимающийся прилежно хозяйством, трудолюбивый; старательный, заботливый; хлопотливый' (перм., краснояр., том.) [СРНГ 7, 12], *gonošilo* 'тот, кто беспрестанно, хлопотливо занимается каким-либо хозяйственным делом' [КСГРС], *gonošítься* 'стараться, стремиться что-либо делать' [СРГК 1, 364]. Мотив хлопот и представление об излишней старательности, по всей видимости, связаны с вхождением **gonošiti* в гнездо праслав. **gonь* с экспрессивной семантикой быстрого движения. Эту же мотивационную модель поддерживает существительное *кукóбник* 'старательный, заботливый работник, труженик' (орл.) [СРНГ 16, 38], связанное отношениями производности с глаголом *кукóбить* 'заботиться, радеть о хозяйстве; копить, запасать, наживать' [Там же].

Одним из предметов накопления являются деньги. О том, что усердным трудом можно заработать неплохой капитал, свидетельствует внутренняя форма лексем *казноде'й* 'человек, оборотливый, трудолюбивый, наживающий и оберегающий' (твер.) [СРНГ 12, 321], *капита'лик* 'деловой человек' [НОС 4, 19]. Единицы данной модели особо выразительны в сопоставлении с симметричной мотивационной моделью в поле праздности: ср. номинацию *алты'нник* 'лентяй' (тамб.) [СРНГ 1, 241].

Быть жадным, скудным. Подобная оценка человека нашла свое выражение при характеристике хорошего работника, во-

первых, в результате филиации значения лексемы *аред* ‘чрезвычайно скупой человек, скряга; жадный, алчный человек’ [СРНГ 1, 272], ср. *áред* ‘злой, жадный до какого-либо дела человек’ (волог.) [СРНГ 1, 272], ‘очень трудолюбивый, жадный на работу человек’ (*Аред лупит, ни дня ни ночи не знает, ни воскресений, ни праздников*) [КСГРС], ‘жадный до работы’ [СРГК 1, 21]¹⁰; во-вторых, при метафорическом переносе с образа емкости: *о́мех* ‘человек, чрезмерно много работающий ради накопительства, из жадности’ (*Омех — все больше человеку надоть захватывать, зависной человек*) (ряз.) [СРНГ 23, 202] (ср. *омёха* ‘кошелка, котомка’ (кур.) [Там же], *омех напхатъ (наполнить)* ‘о чрезмерной жадности’ (ряз.) [Там же], *омех* ‘имущество, богатство, нажитое ценой чрезмерной бережливости, скаредности’ (ряз.) [Там же], ‘о прожорливом человеке’ (ряз.) [Там же]). Для понимания причин появления негативных коннотаций в семантике трудолюбия интересно суждение Е.Л.Березович о том, что «бытующее в традиционном сознании представление о скупости трудолюбивого человека является следствием коллективного характера труда, вырабатывающего общественно утвержденную норму труда. Превышение этой нормы очень заметно... и раздражает окружающих» [Березович 2007, 30].

Иметь дом, домашнее хозяйство. Мотивация лексики трудолюбия единицами поля «Собственность» может основываться на соотношении с понятием дома, домашнего хозяйства. Для традиционного сознания дом имел весомую символическую нагрузку, куда входили представления об обжитом мире, «своем» пространстве, укладе жизни, средоточии семейных традиций и т.п. [Вендина 2003, 11]. Символизация дома как собственности, богатства, изобилия (ср. *дом* ‘урожай хлеба’ [СРНГ 8, 116]) тесно связана с мыслью о том, что богатство достигается трудом человека, рачительным отношением к хозяйству, ср.: *домовик* ‘хозяйственный, деловой человек; хозяин дома’ [СРГК 1, 483], *домóвний* ‘хозяйственный’ [СРДГ 1, 136], *домáшник* ‘хозяйственный человек’ (урал.)

---

¹⁰ Существительное *аред* является следствием деонимизации имени Иареда, ветхозаветного старца, который по преданию прожил 962 года. Так, «жадность до жизни» библейского персонажа послужила основой для семантического развития в рамках деривационного гнезда с основой *аред*-. Семантическими параллелями идее трудолюбия в рамках этого гнезда выступают мотивы нечистого духа; беспорядка, шума [Родионова 2000, 148—152].

[СРНГ 8, 117], *доможи́рный* ‘трудолюбивый, любящий свое хозяйство’ (олон.) [СРНГ 8 122].

Аспект хозяйствования отражают также существительное *обиход* ‘хозяйство, домашнее или ремесленное, промысловое’ [Даль 3, 585] и глагол *обихаживать, обиходить* ‘ухаживать около чего, ходить старательно за чем, присматривать самому’ [Там же] (см. буквальное значение ‘ходить кругом’). Идея бережного отношения к домашнему хозяйству и старательного ухода за ним сохранилась и в производных основы *обиход-*: *обихо́дница* ‘рачительная и расторопная хозяйка’ (том., перм., свердл., башк., краснояр. и др.) [СРНГ 22, 69], *обихо́дец* ‘старательный работник; рачительный хозяин’ [СРНГ 22, 68]. Появление дифференциального признака ‘чистоплотный’ в лексеме *обихо́дка* ‘трудолюбивая, чистоплотная женщина, рачительная хозяйка’ [СРНГ 22, 68] свидетельствует о посредничестве в семантическом развитии существительного представления о направленности усилий трудолюбивой хозяйки на поддержание чистоты в хозяйстве.

* * *

Что же роднит поля «Отношение к труду» и «Собственность» в целом? Здесь может быть, как минимум, два варианта. Во-первых, обобщенное понятие производительной деятельности может приобретать «предметные» коннотации (ср. *браться за дело/работу, зарываться, забрасывать работой*) и интерпретироваться как своего рода собственность, на которую возможны притязания (ср. также *ширить руки пошире*). Во-вторых, связь между трудом и собственностью может представляться как отношения между собственно деятельностью и целью/результатом этой деятельности. В этом контексте закономерным видится преобладание единиц, мотивированных значением ‘копить, собирать’: в сигнификат этих значений входит имплицитная сема ‘результат’. Таким образом, в рамках этой модели результат трудовой деятельности имеет материальный характер. Носитель языка вносит дальнейшее уточнение: целью и результатом труда должен являться денежный запас (см. *казнодей, капиталик*). Стоит отметить, что данные лексические факты и их интерпретация входят в противоречие с частными выводами, которые делаются отдельными ис-

следователями на основе изучения пословичного материала: «в идиоматике прослеживается убежденность русского человека в том, что никакие усилия, никакое усердие и трудолюбие не могут привести к настоящему богатству. Более того, труд и богатство оказываются несовместимыми (*От трудов праведных не наживешь палат каменных; Мужик не живет богат, а живет горбат*)» [Борщева 2011, 7]. На наш взгляд, это различие свидетельствует о амбивалентности оценок взаимоотношений «человек : труд», что в пословицах проявляется в большей степени, чем в рамках лексико-семантического поля и тем более отдельных номинативных единицах.

В равной степени по количеству номинаций представлена оценка деловых качеств через соотношение с понятием дома и смежного с ним понятия обихода, домашнего хозяйства. Продуктивность этой модели основывается на высокой положительной значимости дома в русском языковом сознании.

Мотивационная модель ‘много работающий’ ← ‘жадный, скупой’ описывает статичные, постоянные признаки субъекта труда, поэтому она реализуется при помощи образной модели, являющейся наиболее выразительным номинативным средством.

Появление в качестве производящих единиц с основой, обозначающей желание иметь что-либо (*зависть, завистный*), вводит внутренний, эмоциональный план в осмысление идеи хорошей работы, что делает базовую модель более объемной и значимой.

2.1.7. Звук и речь

Базовая модель, по которой мотивы звучания соотносятся с идеей трудолюбия, реализуется посредством мотивировок разного типа, действующих комплексом, но в разной степени актуальных в отдельных номинативных актах.

Издавать звук. Семантический переход ‘издать звук’ → ‘интенсивно выполнить что-либо’ имеет регулярный характер и реализуется в разных денотативных сферах. При переносе коннотативного признака интенсивности в семантику глаголов, отражающих идею хорошей работы, может происходить дифференциация представлений об интенсивности действий: быст-

ро/много/прилагая усилия, ср.: *визжать* ‘о быстром исполнении какого-либо дела’ (*В ее руках работа визжит*) (смол.) [СРНГ 4, 278], *свистать* ‘работать много, усердно’ [НОС 10, 23], *хлопать* ‘интенсивно работать, «пластаться», хлопотать’ [КСГРС], *хлёпаться* ‘работать много, интенсивно’ [СРГСУ-Д, 532].

Прилагательное *брюзжево́й* ‘работающий много (часто за других)’ (смол.) [СРНГ 3, 222] входит в словообразовательное гнездо глагола *брюзжать*. В современном русском языке действие, обозначаемое этим глаголом, связывается только с речью человека, но еще в XIX в. словарем В.И.Даля фиксировались предметные значения, ср. *Колокольчик брюзжит*, *Муха брюзжит* и т.п. Вхождение *брюзжать* в синонимический ряд с *брезжать*, *бренцать*, *бряцать*, *брязкать*, *дребезжать*, *бренчать*, характеризующих резкий, неровный, назойливый звук (см. лексикографическую статью на лексему *дребезжать* в [НОСС 2, 127]), свидетельствует о восприятии данного рода звука как малоприятного для слуха. Негативные ассоциации, связанные со звучанием, и возможность развития значения на базе семы ‘повторяемость звука’, ср. *брюзжать* ‘почасту напоминать, докучать, приставать’, ‘браниться, ворчать, бесперечь журить’, *брюзгать* ‘твердить урок, протверживать, ворча’ [Даль¹ 1, 326], формируют мотив повторяемости действий и сниженную эмоциональную оценку в обозначении большого объема работ.

Фразеологизм *рука́ гуди́т* ‘о желании что-нибудь сделать’ [СРГК 1, 411] отражает «наивно-языковое» восприятие существующих внутри человека процессов и состояний, согласно которому организм представляется звучащим инструментом (ср. *струны души*, *играть на нервах*, *сердце поет*). В данном случае рука символизирует орудие деятельности, а гудение является показателем дееспособности человека, готовности к работе. Образ «звучащих» рук также воссоздает фразеологизм *рука́м у́молку не́ было* ‘беспрерывно, без отдыха (о трудовой деятельности)’ [ФСРГС, 124].

Параллели между работой и звучанием прослеживаются в номинации *ба́бья му́зыка* ‘дела по хозяйству, которые выполняет женщина’ [СРГНО, 14]. В немногочисленных русских пословицах о песне, она также связывается с работой: *Беседа доро́гу коротает, а песня — работу; Весело поется, весело и прядется*.

Таким образом, в виде «предметного» звука, связываемого с интенсивной работой (качество выполнения работы), песни, скрашивающей рабочее время, или ритмичного выкрика, способствующей дружному выполнению трудового действия (условия труда) — звучание сопутствует хорошей работе.

2.1.8. Человек и социум

Тема отношений между людьми в рамках мотивации единиц поля «Положительно отношение к труду» разворачивается в двух направлениях.

Участвовать в совместной работе. Первое направление отталкивается от утверждения ценности коллективной работы, ср. *верёвочка* ‘о дружной, хорошо удающейся работе’ (*Раньше-то, как по верёвочке, работа шла, не было спору, ничего, дружно было*) [СРГК 1, 173] (ср. др.-рус. лексему *вьрвь* ‘крестьянская (территориальная) община’ [СРЯ², 83], в основе которой лежит образ веревки¹¹).

Видимо, с этой же ценностной позиции заслуживают положительной оценки такие качества хорошего работника, как **дружелюбие, умение ладить, безотказность, готовность прийти на помощь**, ср.: *друзя́ка* ‘усердный в работе, трудолюбивый человек’ (курск., южн., калуж.) [СРНГ 8, 220], *ладови́тый* ‘хозяйственный, деятельный’ [СРГК 3, 90] (ср. *ладови́тый* ‘такой, который живет с другими дружно, в согласии’ [Там же]), *безотве́тник* ‘трудолюбивый, скромный, послушный человек’ (калуж.) [СРНГ 2, 196], *как топо́р за по́ясом* ‘тот, кто постоянно помогает, всегда вместе на работе’ (*У него мальчонка, как топор за поясом, всегда помогает*) [НОС 11, 49]¹. О том, что совместная работа, помощь в выполнении какой-либо деятельности являлись социальной нормой в русской деревне, свидетельствует также существование следующих идеограмм: ‘участники коллективной помощи’ (*помочане*), ‘коллективная помощь при жатве’ (*отжи́нка*,

---

¹¹ Показательно, что веревка использовалась в некоторых ритуалах, призванных обеспечить связь, прочность, цельность, прикреплённость к месту [СД (А-Д), 339].

пожату'ха), 'коллективная помощь при молотье' (*молотя'ги, отмоло't*) [ЭИС].

Видимо, от подобных «коллективистских» установок отталкивается сниженная, с оттенком иронии, оценка, заключенная в номинации *кики'мора* 'о тихом, скромном, трудолюбивом человеке' (волог.) [СРНГ 13, 204]; она появляется на основе мифологического представления о кикиморе, домашнем злом духе, образ которого мотивирует обозначение нелюдимого человека, домоседа, ср. *кикимора* 'о человеке, который все время сидит дома за работой, особенно за прядением, домосед, нелюдим' (вят.) [СРНГ 13, 204].

Быть впереди, первым. Второй подход к теме отношений между людьми разрабатывает представления о труде как о соревновании между людьми. В этом случае ценятся индивидуальные усилия, умение быть впереди всех, ср.: *передово'й* 'наиболее инициативный, успешный в работе, превосходящий других' [СРГК 1, 441], *передови'ца* 'та, которая опережает других в работе' (*Мама была очень труженица, передовица*) [Там же], *передо'вка, передови'йка, передову'ха, передо'вищица* 'работница, достигшая наибольших успехов в труде, ударница' (*Хорошая работница, старается, ее называют передовишкой*) (моск.) [СРНГ 26, 89], *выдвижо'нец* 'передовой работник' [АОС 6—7, 180].

«Натуральный ряд чисел лежит в основе шкалы приоритетов, объединяющей материальные и духовные блага, социальный престиж и другие ценности» [Арутюнова 1998, 65]. Именно по такого рода шкале оценивается человек в номинациях *перву'шной* 'самый усердный в работе' [СРГСУ 3, 126], *впервы'х* 'лучше других, опережая других в каком-нибудь деле' (*Я работала всегда впервых, а не впоследствии*) [АОС 5, 140]. Признак 'первый, находящийся впереди' входит в оппозицию *первый — последний*, которая реализуется с учетом идеограммы 'приехавший последним', выражаемой лексемой *килу'н* (*А хто задний, тот все говорят: «О, этот килун!»*) [ЭИС, 174].

Если основы *перв-/перед-* реализуют в большей степени рациональную оценку, то следующая номинация обнаруживает отталкивание от обозначения определенного социального статуса, что заряжено определенной положительной эмоцией: *воево'да* 'бойкий, проворный в работе человек' (смол.) [СРНГ 4, 354] (ср.

воевода 'в свадебных обрядах — самое почетное лицо из свиты жениха' [Там же]).

Принадлежать к чужой нации и религии. Специфическая мотивация обусловила появление фразеологического выражения *би'ться как печене'г* (*о'б зeмь* 'трудиться без усталости, беспрестанно' (*А сам, как печенех аб зeмь бь'ца*) [СРДГ 3, 11], содержащего слово *печенег* — наименование тюркских племен, живших в VII—IX вв. к югу от Руси и устраивавших постоянные набеги на русские города. Вариант фразеологизма *биться как печенег об зeмь* намекает на мусульманскую традицию совершения молитвы. Выбор данной номинации для характеристики усердного труда, на наш взгляд, пал, во-первых, за счет экспрессивно-образной актуализации признака «повторять действие множество раз», во-вторых, в результате аттракции лексемы *печенег* к дериватам корня *печ-*, эксплицирующих мотив заботы о деле и усердия и, в-третьих, в силу мотива чуждости, присутствующего как в образе печенега, так и в образе слишком усердного работника (ср. *дикий* 'работящий, проворный, расторопный' (новг.) [СРНГ 8, 56]).

* * *

Комментируя базовую модель ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ, отметим, что в факте ее существования отражается значимость такого аспекта как условия труда. Человек, любящий труд, работу, принимает основные пункты этих условий: работа в коллективе, а также отношения одновременно согласия и соревнования между его членами.

2.1.9. Еда

Семантическая модель, связывающая единицы «пищевой» и «трудовой» семантики, функционирует в контексте широких и глубоко укорененных в сознании параллелей труда и еды. Одним из источников представлений является Библия, ср. *Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его* (Притч. 16.26); *В поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3.19). Свое отражение связь двух концептов находит в русских пословицах, в частности, в актуальности «когнитивных» «работа дает еду», ср. *Покуда цеп в руках, дотуда и хлеб в зубах; На полях лежат — ломтя не видать, Что потрудимся, то и поедим* и др. [Иванова 2002, 97].

При концептуализации идеи трудолюбия в языке задействуется **фрейм принятия пищи**, чаще всего, слот ‘аппетит едока’, ср.: *солощій* ‘жадный до еды’ → *солóщій* ‘жадный до работы’ [НОС 10, 116], *жорло* ‘обжора’ → *жóрло* ‘быстрый в работе человек’ (свердл.) [СРНГ 9, 217]. Перенос признака стал возможен на основе представлений о зависимости хорошей работы и способности много и качественно поглощать пищу, что предполагает, хороший жизненный тонус.

Лексема *едóха* ‘знаток, хорошо знающий какое-либо дело’ (волог.) [СРНГ 8, 324] имеет схожую семантическую параллель, ср. *едоха* ‘человек с хорошим аппетитом, любитель поесть’ [Там же], но обусловлена, скорее, метафорой проглатывания пищи как процесса приобретения знаний (в том числе и в плане трудовой деятельности). Ср.: «В традиционной культуре знание представлялось, во-первых, чем-то внешним и, во-вторых, вещественным, конкретным. [...] Обретение знания — физиологический процесс, ближайшим аналогом которого является потребление пищи и напитков» [Байбурин 1998, 494].

С «пищевой» моделью соотносятся также фиксируемые в калужских говорах существительное *мосól* ‘об усердном в работе человеке’ (калуж.) [СРНГ 18, 286] и производный от него глагол *мосáлить* ‘работать, трудиться, не покладая рук’ (калуж.) [СРНГ 18, 284], которые мотивированы обозначением большого куска мяса или крупной бедренной кости (ср. *мосол* ‘большой кусок

мяса, с костью или без' [СРНГ 12, 286], 'толстая, большая кость, костища, особенно одна из округлых' [Даль¹]). Как известно, в случае любой образной номинации мотивационная реконструкция рискует оказаться неполной, что, например, имеет место при опосредовании исходного и искомого значения промежуточным звеном 'о настойчивом человеке с твердым характером' [Кругликова 1992, 102]. На наш взгляд, образование глагола поддерживается также существованием глагола *мосолить* (*кость*) 'глодать, грызть, сосать' и представлением об усердном работнике, который «вгрызается в работу» (Ср. схожую семантическую модель 'рыть, зарываться' → 'усердно работать'). Возможно также, что семантическое развитие происходило через призму оценки: мосол считается одной из самых крупных костей, а кусок мяса видится большим, ср. также значение лексемы *мосол* 'самый лучший кусок чего-либо'. Наконец, еще одним объединяющим моментом являются семы 'в течение длительного времени' и 'жадно', ср. *мосолить* 'мулить, докучать, как бы тереть по кости' [Даль¹ 2, 913], *мосолыжить* 'жидоморничать, скряжничать' [Даль¹ 2, 913].

Понятие заботы как одного из основных составляющих положительного отношения к труду также уходит корнями в «пищевую» модель, будучи связанным с др.-рус. глаголом *зобати* 'кормить' [Шанский 1975, 151]: *заботный* 'трудолюбивый' [НОС 3, 8], 'трудолюбивый, старательный' (перм., Латв ССР, Лит. ССР) [СРНГ 9, 272], *заботно* 'усердно, старательно, ответственно' [КСГРС], *заботиться* 'стараться, делать что-либо прилежно' (яросл.) [СРНГ 9, 271].

* * *

Как можно заметить, обращение к семантической сфере «Еда» носит достаточно ограниченный характер. На наш взгляд, это связано с тем, что сфера трудовой деятельности не является приоритетной областью, с которой лексически и семантически взаимодействует «пищевая» семантика, развивая вторичные оценочные значения. Маркированность хорошего аппетита связана с выходом на передний план утилитарной оценки в квалификации хорошего работника: кто обладает аппетитом, тот способен много и усердно трудиться и приносить тем самым пользу.

Социально-этическая оценка присутствует, во-первых, в распространении общей положительной оценки правильного приема пищи (ср. оттенок значения ‘добропорядочный’) на оценку человека по труду; во-вторых, в основе семантической цепочки ‘кормить’ → ‘отношение, направленное на благополучие кого-чего-либо’ → ‘положительное отношение к труду’ (*забота*). В целом можно сказать, что носитель языка в выражении положительной оценки по труду посредством единиц поля ЕДА сосредоточен, в основном, на субъекте положительного отношения к труду, давая оценку с точки зрения социальной нормы, а также его работоспособности, интеллектуальных возможностей и интенций.

2.1.10. Мифология

«Мифологическая» модель представлена в нашем материале образами мифологических персонажей, каждый из которых связывается с разными представлениями о трудолюбии.

Кикимора. Мифологическим субстратом лексемы *кикимора* ‘о тихом, скромном, трудолюбивом человеке’ (волог.) [СРНГ 13, 204] послужило народное представление о кикиморе, нечистом духе, поселяющемся, как правило, в доме или хозяйственных постройках и, помимо всего прочего (нанесение разных видов ущерба хозяйству), занимающегося прядением и шитьем. Отчужденность от мира людей, сосредоточенность на работе явились теми приметам, которые были положены в основу значения ‘о человеке, который все время сидит за работой, особенно за прядением, домосед, нелюдим’. Перенос на наименование работающего человека, сопровождающийся положительной оценкой, возник на базе таких требований, как постоянство, усидчивость. Думается, что определенное влияние оказал также внешний образ кикиморы — сгорбленная старушка¹², — соотносимый с особенностями облика и позой трудолюбивого человека, ср. *горбачок*, *гнуть хрип*, *гибеть*.

---

¹² По одной из этимологий первая часть слова восходит к балто-слав. **kik-* с общим значением сгорбленности, скрюченности [СД (Д-К), 494].

Мокошь. Покровительство прядению приписывается народным сознанием еще одному персонажу языческой мифологии — богини Мокоши [СД (А-Г), 209]. Данное обстоятельство проясняет этимологию слова *мокуш* ‘труженик’ [НОС 5, 91]. Препятствий со стороны формы не видится, поскольку имя славянской богини плодородия еще в статусе онама имело множество орфографических вариантов, ср. *Макошь, Мокуц, Мокуш, Макешь, Мокуша* и др. Что касается семантической (собственно языковой) трансформации образа в направлении семантики трудолюбия, то она отталкивается от низшей ипостаси персонажа (ср. *мокоша* ‘нечистый дух, живущий в доме’ [СРНГ], ‘домовой в образе женщины с большой головой и длинными руками’ [СРНГ]) и опосредуется значением ‘хлопотливый человек’, см. лексему *мокоша* [СРНГ].

Черт. Лексические единицы *чертомéлить* ‘работать много, с большим усердием и напряжением’ (СРГСУ 7, 27); *чертолóмить* ‘выполнять тяжелую физическую работу’ (СРГСУ 7, 27; КСГРС), *чёрта лóмить* ‘много работать, изнуря себя’ [СРГК 3, 143]¹³ отражают связь работы с чертом (она реализуется также в сюжетных линиях некоторых сказок, в пословицах). За данным мотивом стоят представления о физическом труде «как явлению «небожественном» по своей сути и происхождению — представлении, восходящем к библейскому сюжету о грехопадении и изгнании из рая и поддерживаемом на уровне обрядового кода и в нормах бытового поведения (запрет на работу в праздничные и выходные дни вследствие восприятия их как дней, посвященных Богу)» [Березович, Родионова 2003]. На синхронном уровне образ чёрта оказывается стертым, трансформируясь в эталон количественной оценки. Сочетаясь с глаголом *ломить*, он формирует экспрессив, в котором впечатление об интенсивности действия соединяется с отрицательной эмоцией.

Человек, народ, имеющий отношение к области иррационального, ирреального. Иная, положительная оценка представлена в номинациях *кудэ́сник, кудэ́с* ‘искусный мастер’ (*Кудесник* — *умельый на все руки, делает все хорошо и красиво*) [НОС 4, 170].

---

¹³ Ср. также арготизм *черт* ‘добросовестно работающий заключенный’ [Балдаев II, 143].

Мотивировочный признак, положенный в основу этих номинаций, можно реконструировать как ‘делающий настолько искусно, что это кажется чудом’.

С областью представлений об ирреальном связывается также лексема *армизон* ‘знающий, способный на всякое дело человек’ (новг.) [СРНГ 1, 277] за счет исходного образа сказочного народа, обладающего особым богатством, см. [СРНГ 1, 277]¹⁴.

* * *

Подводя черту, скажем, что существование в семантико-мотивационном поле «Положительное отношение к труду» базовой модели МИФОЛОГИЯ выделяет идею определенной отчужденности от коллектива или мира людей человека, поглощенного работой. В частных своих моментах данная модель актуализирует такие аспекты труда, как вид деятельности (маркированным занятием является прядение), условия труда (в данном случае, это работа дома), степень занятости работой (она высокая, о чем говорят признаки ‘постоянно’, ‘долго’), результат работы (он приравнивается чуду), качество выполнения работы (представления здесь сосредотачиваются в признаке ‘интенсивно’).

2.1.11. Животные

Использование образов животных для создания впечатления о тяжелом, нечеловеческом, в буквальном смысле, труде свойственно и для литературного языка, и для диалекта. Так, в разговорной речи активно употребляются устойчивые сравнения, характеризующие деятельность, связанную с какими-либо хлопотами, ср. *как пчёлка (пчела), как бёлка в колесе, как бо́бик (крутиться)* [Лебедева, 222—223], или чрезмерными физическими усилиями — *как вол, как зверь, как иша́к, как <ломовая> ло́шадь* [Там же]. При этом можно усмотреть связь между различием характера труда и размером животного: хлопочет и крутится в делах не крупный

---

¹⁴ Более точные сведения о данном народе оказались нам недоступны; единственный факт, который можно привести — это существование в настоящее время села Армизон на юге Тюменской области и фамилии Армизонов.

зверь, тащит на себе тяжесть труда животное, бóльшее по размерам, т.е. более сильное.

Насекомые. Релевантность признака «размер» отражается и в пословичном образе муравья, считающегося традиционным символом трудолюбия: *Муравей невелик, а горы копает* [Даль², 314]. В представлениях носителей языка муравей сочетает в себе подвижность и выносливость в работе, что, видимо, и послужило поводом для положительной оценки при семантической деривации лексемы *суя'котка* 'трудолюбивый человек' [НОС 11, 11].

Другой эталон трудолюбия — пчела — в народных представлениях противопоставляется муравью на основании практической полезности и общественной ценности деятельности, ср.: *Муравей не по себе ношу тащит, да никто ему спасибо не скажет, а пчела по искорке носит да Богу и людям угождает*.

Дикие животные. Для интерпретации еще одного диалектного обозначения трудолюбивого человека — *крот* 'прозвище трудолюбивого человека' (смол.) [СРНГ 15, 284] стоит провести параллели с отглагольными прилагательными *нарóйный* 'старательный, прилежный, работающий' (волог., смол.) [СРНГ 20, 129], *зары'вный* 'трудолюбивый' (*Работница хорошая, на работу зарывная*) (киров., волог., краснаяр., сиб., вост.-сиб.) [СРНГ 11, 13]. Тогда мотивом для номинации можно считать сопоставление способности крота зарываться в землю и склонности трудолюбивого человека углубляться в работу. Возможно также, на семантический перенос оказало влияние сходство передних лап крота с рукой человека¹⁵.

Представление о женских деловых качествах реконструируется на основе «птичьего» образа, запечатленного в лексеме *кúрохта* 'о женщине, медленно, но тщательно делающей что-либо' (сарат.) [СРНГ 16, 141] (ср. *курохта* 'куропатка' (курск., орл.) [СРНГ 16, 141]). Малоподвижность птицы получает неоднозначную оценку при переносе на человека: медлительность здесь сочетается с усидчивостью и способностью заниматься делом, требующим внимания и терпения.

---

¹⁵ Это, кстати, послужило основой для реализации мотива обращения человека в крота в народных поверьях [СД (Д-К), 683].

Среди «зоологических» номинаций работающего, старательного человека в говорах Русского Севера фиксируются фонетические дублиеты *ха'птарка*, *ха'птарга*, *ха'пторга* в значении 'работающая женщина' [КСГРС]. Этимология А.К.Матвеева производит их от нен. 'бесплодная важенка, которую дрессируют для езды' [Матвеев 1996, 74]. Признаком, объединяющим данные значения, является способность быстрого передвижения.

* * *

Немногочисленность реализаций базовой модели ЖИВОТНЫЕ свидетельствует о том, что за сопоставлением человека, положительно относящегося к труду и животного нет концептуального тезиса об их сходстве. Образы животных в данном случае используются не во всей их полноте, а как эталоны определенных качеств, поскольку «ценностная идеализация одного семантического признака, транспонированная из исходного значения в метафорическое, делает нерелевантными другие семантические признаки» [Каюмова, 2011, 239]. Чаще всего, задействуются животные, для которых релевантна оценка их двигательной активности, что актуализирует при переносе в сферу труда аспект тем п р а б о т ы (быстро). Концептуальный признак выносливости характеризует, с одной стороны, физические качества субъекта труда, а с другой стороны, процесс работы, его тяжесть. Степень занятости делом раскрывает мотивационный признак 'усидчивый', эксплицирующий представление о длительности трудовых занятий. Ситуация контакта с работой представлена смыслом 'способность зарываться' в образе крота.

2.1.12. Свойства материалов и веществ

Характеристика трудолюбивого человека и хорошей работы возможна также через образное сопоставление с определенным свойством, состоянием физического вещества или с происходящим с ним процессом.

Непроницаемая, плотная структура вещества отождествляется с непрерывностью, постоянством трудовых усилий, ср. *плотный*

‘постоянно занимающийся каким-либо делом’ [НОС 7, 156], *плотно* ‘старательно, усердно’ [СРНГ 27, 153].

Гладкость. Данное свойство как образное обозначение отсутствия препятствий в работе, незатрудненности действий оказалось подходящим признаком для номинации *гладко* ‘хорошо, усердно’ (*Работала я гладко и ловко, а нульку совсем стара стала*) [СРГК 1, 334].

Крепость, тугость. Логика номинации может отталкиваться от способности материала выдерживать деструктивное воздействие. При переносе на человека данные признаки обозначают способность нести значительные физические нагрузки, ср. *крепкий на работу* ‘о трудолюбивом, выносливом и спором работнике’ (тул., вят.) [СРНГ 15, 217], *нату́га* ‘о старательном, прилежном в работе человеке’ (яросл.) [СРНГ 20, 234]. Ср. также акциональное проявление признака в глагольной лексеме *понату́жить* ‘постараться, потрудиться с усердием’ (*Понатужит, так и учиться будет*) (свердл.) [СРНГ 29, 250].

Легкость. Посредством данного признака номинатор обозначает легкость на подъем, повышенную мобильность трудолюбивого человека, что отражено в номинации *подле́гчиться* ‘потрудиться, не полениться сделать что-либо’ (арх., беломор.) [СРНГ 28, 60].

В концептуализации идеи трудолюбия значительную роль играет **фрейм горения** (ср. лит. *горит все в руках* ‘легко и быстро, ловко что-либо делается, спорится’ [ФСРЛЯ 1, 157]), в котором при метафоризации активизируется сразу несколько структурных элементов (слотов) фрейма. Так, линии концептуальной связи могут протягиваться между слотом ‘источник горения’, выраженным лексемой *огонь*, и образом быстрого, ловкого и охотно работающего человека, ср. *огонь* ‘о бойком, расторопном, быстрым в работе человеке’ (*Девка на работу огонь*) (смол., новг.) [СРНГ 22, 341], *огня́ный* ‘ловкий, быстрый в работе’ (*Вот Шурка огня́ный работать*) (ряз.) [СРНГ 22, 332], *огне́нница* ‘о бойкой, шустрой, проворной женщине’ (*Девка прясть огне́нница*) (смол.) [СРНГ 22, 326], *как огонь* ‘о быстром, ловком, работающем человеке’ [НОС 6, 129], *с огня́ рвать* ‘работать быстро, с охотой, с огоньком’ (иркут.) [СРНГ 22, 341]. В комплексе «наивных» знаний, обусловивших перенос с состояния вещества на качества человека, содержатся представления, во-первых, о взаимосвязи

активности эмоциональных и физических процессов и высокой температуры среды (ср. лит. *горячий* ‘полный силы, чувств, возбуждения, страстный’ [Ожегов, 140]); во-вторых, о не только разрушительной, но и созидательной силе огня [см. лексикографический портрет лексемы *огонь* в НОСС 2000, 233]; в-третьих, значимым для мотивации является факт того, в общеславянских традиционных представлениях огонь является наиболее устойчивым символом быстроты [СД (А-Г), 281].

Со слотом, обозначающим процесс воздействия огнем на что-либо, связаны производные от глагола *палить*: *опáливать* ‘ловко и быстро работать’ (смол.) [СРНГ 23, 232], *палéя* ‘ловкая в работе женщина, хорошая рукодельница’ [СРГК 4, 378], *палáч* ‘о сильной, бойкой, работающей женщине’ [СРГК 4, 376], *пáлом палítь* ‘быстро работать’ [Там же]. Выбор данного процесса для номинации связан с мотивом быстроты, что проливает свет на представления о должном темпе и цели работы. Производный от *жарить* глагол *нажáривать* ‘делать что-либо с усердием, энергично, наяривать’ (тул., смол.) [СРНГ 19, 266] задействует тот же слот, но в его мотивационной семантике на первый план выходит признак интенсивности действия.

К одному из следствий воздействия высокой температуры отсылает нас буквальное прочтение фразеологизма *кипéть кúпом* ‘о проявлении большой энергии в работе’ [СРГК 2, 347]. В образе кипения носитель языка фиксирует впечатление об интенсивности внутренних процессов работающего человека.

* * *

На фоне слабой лексической реализованности мотивационных моделей, относящихся к базовой модели СВОЙСТВА ВЕЩЕСТВ И МАТЕРИАЛОВ, пять номинаций, семантически связанных с лексемой *огонь*, свидетельствуют о значимости номинативной модели ‘хорошо работающий человек’ ← ‘газообразное вещество высокой температуры’. Причиной продуктивности является, по всей видимости, экспрессивный потенциал сопоставления человека и его деятельности с огнем, в который входит яркий и емкий образ; символизация признака быстроты, индуцирующего оценку в плане успешности деятельности (см. ДВИЖЕНИЕ); по-

ложительная эмоциональная оценка, связанная с восприятием огня как источника тепла и света. Синтетический характер образной номинации задает актуальность сразу нескольких аспектов труда: цель труда (созидание, очищение, обработка), темп работы (быстро).

Другие мотивационные модели распространяют данные аспекты или вводят новые. Так, субъекту труда приписываются сила, физическая крепость, способность нести значительные физические нагрузки. В мотивации единиц данной базовой модели играют роль квазиденотативные ситуации готовность к работе (см. МП 'легкий'), качество выполнения работы (легко, незатрудненно).

* * *

Представленные базовые модели в разной степени открыты для взаимодействия с семантико-мотивационной структурой поля «Положительное отношение к труду». Лидером по количеству семантических связей с идеей трудолюбия является денотативная сфера ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Это доказывает ограниченный характер положительного отношения к труду: трудолюбие реализуется только в ситуации деятельности. На втором месте по частотности номинаций стоит базовая модель ДВИЖЕНИЕ, которая связана с полем ДЕЯТЕЛЬНОСТИ тесными логическими и семантическими отношениями. Далее следует модель ЧЕЛОВЕК КАК БИОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО, что также закономерно, поскольку человек — неотъемлемый компонент базового фрейма «труд». Что касается остальных моделей, то примерно одинаково значимы базовые модели СОБСТВЕННОСТЬ и МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ; в ряду относительно неактивных моделей стоят ЕДА, ЖИВОТНЫЕ, ЗВУК И РЕЧЬ.

2.2. БАЗОВЫЕ СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПОЛЯ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ»

2.2.1. Человек как биологическое существо

Номинации, появившиеся в результате наблюдений над физическими данными человека лентяя, позволяют реконструировать два основных образа:

- **«высокий, рослый»**: *лосман* ‘высокорослый, долгоязыый, неповоротливый’¹⁶ (влад., перм., свердл.) [СРНГ 17, 153] → *лосман* ‘лентяй, лодырь («не хлебопашец»)’ (перм.) [СРНГ 17, 153], *лосманьё* ‘бездельники’ (арх.) [КСГРС]; *стибак* ‘рослый парень, долгий’¹⁷ (арх.) [Даль 4, 324] → *стебак* ‘лентяй, лодырь’ (*Эки стебаки ходят по деревне, большие ребята, не хотят робить*) [КСГРС]; *бардадым* ‘высокий, неуклюжий человек’ [КДЭИС] → *бардадым* ‘лентяй, недотепа’ [КДЭИС]; *охлябина* ‘большого роста, здоровый, но ленивый человек’ (перм.) [СРНГ 25, 37] (ср. *охлябина* ‘большая, костлявая лошадь’ [Там же]).

- **«толстый, тучный»**: *гладкий* ‘толстый, тучный, жирный’ (ряз., дон., рост., ворон. и др.) [СРНГ 6, 179] → *гладкий* ‘о здоровом на вид, откормленном лежебоке, лентяе’ (вят., тул.) [СРНГ 6, 179], *гладырь* ‘лентяй’ [СРДГ 1, 99] (оформление лексемы с помощью суффикса *-ырь* сближает его с лексемой *лодырь*, ср. контекст: *Как лодырь, так йиво и гладырем звали*), *пухлый* → *пухляк* ‘лентяй, лежебока’ (Забайкалье, Бурят. АССР) [СРНГ 33, 162], *оухляк* ‘о лентяе’ (иркут.) [СРНГ 23, 317], *лелёха* ‘толстая, неповоротливая женщина’ (влад.) [СРНГ 16, 344] → *лелёшничать* ‘бездельничать’ (тамб.) [СРНГ 16, 344], *отыть* ‘растолстеть, пополнеть’ (волог.) [СРНГ 25, 17] → *отыть* ‘облениваться’ (иркут., волог.) [СРНГ 25, 17]. Образное воплощение мотив крупного размера находит в семантической деривации от обозначений каравая

---

¹⁶ Ср. *лоцман* ‘сильный, здоровый парень’ [КСГРС] < голл. *Loodsan*, ср.-в.-нем. *Loitsman* от англ. *Loadsmen* [Фасмер 2, 525].

¹⁷ По утверждению М. Фасмера, *стибак* связан чередованием гласных со *стебель* [Фасмер 3, 759], ср. *стебель* ‘высокий человек’ [СПГ 2, 399].

и кочана капусты: *перепёча* ‘толстая, ленивая женщина’ [СВГ, 42], *бубень* ‘о толстом, ленивом человеке’ (яросл.) [СРНГ 3, 233].

Внимание к телосложению ленивого человека обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, рост человека мог ассоциироваться со степенью зрелости человека, предполагающей обладание определенными знаниями, умениями и навыками, включая сознательное отношение к труду; поэтому, если физические данные находились в несоответствии с деловыми качествами, это становилось предметом укора, неодобрения, пренебрежительного отношения [Бахвалова 1995, 75]. Во-вторых, негативной оценке подвергались особенности телосложения, которые мешают человеку выполнять трудовые действия на должном уровне (это касается, в первую очередь, излишней полноты).

Общим мотивом для номинаций с компонентом *рука* является **неиспользование рук**, ср. *опричь рук* ‘кое-как, небрежно’ (пенз., ульян.) [СРНГ 23, 298]. Бесплезность основного орудия труда объясняется при помощи ярких образов патологии рук: *руки не тем концом вставлены* ‘о ленивом и нерадивом человеке’ [НОС 9, 155], *не с того места руки растут* ‘о неумелом и ленивом человеке’ [НОС 9, 156], *обрублены руки по пояс* ‘о ленивом и неумелом’ [НОС 9, 155], *руки валяются* ‘нет желания, настроения работать, делать что-либо’ [ФСРГС, 169], *руки отлетают* ‘ленится’ [ФСРГС, 169], *рука, нога по пуду — работать не буду* ‘о ленивом человеке’ [НОС 9, 155].

Лентяй может придавать рукам положение, демонстрирующее его неготовность к труду: *ручки скласть* ‘ничего не делать’, *руки к сердцу* ‘о праздной, вольготной жизни, когда мало приходится работать’ [ФСРГС, 169], *руки в брюки, нос в карман* ‘о бездельнике’ [ФСРГС, 169], *руки на затылке* ‘лентяйничать, не любить работать’ [СРГК 2, 222], *руки на спине* ‘ничего не делать’ [НОС 9, 156], *сидеть сложа руки* ‘бездельничать’ [ФСРЛЯ, 433], *склавши руки сидеть* ‘бездельничать’ [Там же], *руки спяхня сидеть* ‘бездельничать, ничего не делать’ [Там же], *руки распахнувши ходить* ‘ходить без дела, бездельничать’ [Ивашко, 12], *воблокотке* ‘бездельничая, ничего не делая’ [АОС 4, 141], *локотник* ‘о ленивом человеке, бездельнике’ (КССР) [СРНГ 17, 113] (ср. *локотничать* ‘зевать в окно, попершись локотком’ [Даль 2, 264]),

сидеть облокотившись ‘бездельничать’ [Ивашко, 11], *гу’бы на ло’коть* ‘о нежелании работать, что-нибудь делать’ [СРГК 1, 409].

Экспрессивным усилением образа «пассивных» рук становится указание на неспособность или нежелание лентяя использовать хотя бы минимальную часть руки — палец/пальцы: *пáлец не за-дѣть* ‘ничего не сделать’ [Ивашко, 9], *не отряхай пáльцев* ‘перестань бездельничать’ [СРНГ 24, 309], *пáлец о пáлец не кóкнуть* ‘бездельничать’ [Ивашко, 9], *пáлец о пáлец не щѣлнуть* ‘ничего не сделать’ [КСГРС], *пáльцем не колонуть* ‘то же’ [Там же], *пѣрст о пѣрст не колонуть* ‘ничего не сделать’ [СРГК 2, 403], что соотносится с мотивационным значением «быть не способным выполнить элементарное действие» (ср. *не ударить камень о камень*, *палку не перекинуть*, и др., ср. также *рук не окíнуть* ‘уклониться от работы’ [Даль 4, 173]).

Изображением рук лентяя как «белых», т.е. ухоженных, изнеженных, фиксируется традиционное представление о черной, грязной работе, к лентяй которой оказывается неготовым (ср. *грязнушка* ‘грязная, черная работа’ [СРГСУ-Д, 121]), ср. *белору́кой* ‘ленивый, нетрудолюбивый’ [ФСРГС, 169], *белору́чковый* ‘ленивый’ [СРГК 1, 57], *белору́чник* ‘белоручка’ [Там же], *ру́ки белѣшеньки* ‘о белоручке’ [ФСРГС, 169].

Функционирование ног является показателями двигательной полноценности. В этом плане лентяй характеризуется неоднозначно — он или постоянно бродит, или еле движется (см. ДВИЖЕНИЕ). Выражения *ногу́ с ногú перевáливать* ‘о ленивом человеке’ [ФСРГС, 133], *рукá, ногá по пýду — рабóтать не бýду* (см. выше) делают акцент на затрудненности движений лентяя. Обозначение недостаточно интенсивно и старательно выполняемой работы через образ ноги/ног содержится во фразеологизме *ноги́ (но́гу) не сбить* ‘работать не в полную силу, не напрягаясь’ (*Она работает, но тоже ноги не собьет*) [Ивашко, 10].

Пассивное положение ног является еще одним приметой неспособности и неготовности человека к труду, ср. *но́ги крестóм сидѣть* ‘бездельничать’ [Ивашко, 11], *ногá на ногу сидѣть* ‘то же’ [Там же], *но́ги в потоло́к* ‘то же’ [Там же].

Наличие большого живота в образе лентяя связано с его склонностью к еде и малоподвижному образу жизни: *пуза́н* ‘о лентяе’ (арх.) [СРНГ 33, 113], *пузáтый налím* ‘о ленивом, толстом

человеке' (пск.) [СРНГ 20, 17], *брю'хо разгла'живать* 'бездельничать' [ФСРГС, 162].

Рот. Типично представление лентяя с открытым ртом или просто зевающим: *рот пали'ть* 'бездействовать, зевать' [СРГК 4, 379], *пя'лить ля'лю* 'бездельничать' [КСГРС] (ср. *ляля* 'рот, клюв' [СРГК 3, 177], *рот распя'тить* 'бездельничать' (*Он работает, а они рот распятят и сидят*) (омск.) [СРНГ 35, 203].

Глаза. Важной деталью образа лентяя являются его глаза. Особенностью переносного употребления лексем со значением 'орган зрения' является выход в этическую сферу, где они регулярно коннотируют наличие или отсутствие стыда, совести, чести (ср. *смотреть правде в глаза, врать в глаза, опустить от стыда глаза*, диал. смол. *глаза лупятся* 'становится стыдно' [СРНГ]). Номинативные модели, которые при этом реализуются, можно упростить: 'претерпевать какие-либо изменения, связанные с глазами' → 'испытывать стыд', 'прятать глаза' → 'испытывать стыд', 'без глаз' → 'бесстыжий, наглый', 'смотреть, не укрывая глаз' → 'быть бесстыдным, бессовестным' [Якушкина 2003, 110]. Предосудительная оценка лентяя связана с тем, что он не желает замечать работу, ср. *шары' задира'ть* 'лентяйничать' [СРГСУ 7, 571], *шары' загиба'ть* 'то же' [Там же]. Кроме того, образ глаз задействуется в случае, когда номинатор хочет подчеркнуть пассивность ленивого человека, способного только к пустому рассматриванию чего-либо, ср. разг. *глазе'ть* 'смотреть из праздного любопытства' [Ожегов, 132], *лупогла'зый* 'ленивый, праздный человек' (калуж., перм., уральск.) [СРНГ 17, 202], *гляде'лы продава'ть* 'лениться' (тобол.) [СРНГ 6, 227], *пустозы'рить* 'зевать, зеворотить, ротозеить праздно' [Даль 3, 540], *на сол'нце все поглядывать* 'работать лениво, спуская рукава' [ФСРГС, 139], *огля'дки ча'сто брать* 'работать медленно, с остановками' [СРГСУ 3, 362].

Лоб. В ономаσιологическом портрете лентяя, помимо прочего, номинативно выделенным является лоб. Смысловая трансформация осуществляется путем метафорического переноса таких свойств лба, как крепость, твердость, ширина на качества человека. Это привело к комплексной семантике, в которой свойство лени совмещается с глупостью, упрямством, ср.: *лоз'бень* 'о глупом, ленивом человеке' (смол.) [СРНГ 17, 111] (ср. < 'лоб' [Там же]),

лобозі́на ‘об очень ленивом, упрямом человеке’ (арх.) [СРНГ 17, 97], или противопоставляется крупному телосложению и зачастую связанной с ним физической силе, ср.: *лоба́н* ‘большой ленивый человек или мужчина’ (влад.) [СРНГ 17, 95], ‘лентяй, лодырь’ [СЮРКК, 117], *лоба́нить* ‘быть без дела’ (пенз.) [СРНГ 17, 94], *ло́жбень* ‘большой, крепкий, но ленивый человек’ (ворон.) [СРНГ 17, 107], *ло́б* ‘лодырь’ (перм., краснояр.) [СРНГ 17, 93]. Ср. также *лободы́р*, *лободы́рь* ‘лентяй, бездельник’ [СРГК 3, 136], *лободы́рничать* ‘гулять, бродить без дела’ (смол.) [СРНГ 17, 97], *лоботёс* ‘лентяй, бездельник, любящий смеяться, надсмехаться’ (астрах., перм.) [СРНГ 17, 98], *лоб засека́ть* ‘бездельничать’ [СРГК 3, 134], *лоб суши́ть* ‘лентяйничать’ [ССРКК, 158].

Нос. Экспрессивный «штрих» в портрет лентяя добавляют фразеологические сочетания *со́пли на клубо́к мота́ть* ‘бездельничать’, *вить во́згри* ‘бездельничать’ [Ивашко, 14] (при *возгри* ‘сопли’ (ворон., новг., сев.-двин., сиб., ряз., перм.) [СРНГ 5, 19]), *распусти́ть во́згри* ‘не быть занятым делом’ [СРДГ 1, 56]. В процессе номинации такое малопривлекательное занятие становится показателем неготовности к серьезной деятельности.

Специфичным для реализации идеи лени является мотив **использования чужих частей тела**: *наше́йник* ‘нахлебник, лодырь’ [КДЭИС], ‘человек, живущий за счет других, нахлебник’ [СРГК 3, 400], *чужесті́нник* ‘лентяй, лодырь’ [КСГРС], *захребе́тник* ‘лентяй, дармоед’ [СРГК 2, 234], *охребе́тник* ‘дармоед, лодырь’ (пск., твер.) [СРНГ 25, 50], в котором отразилось представление о том, что лентяй стремится снять с себя основную трудовую нагрузку.

Ум. «Проверка» лентяя на предмет внутренних качеств, необходимых для успешной работы, затрагивает область умственных способностей и приводит к номинациям, построенным на констатации интеллектуальной неполноценности: *нечукавы́й* ‘бестолковый’ [КСГРС] → *нечука́вый* ‘ленивый’ [КСГРС] (ср. также *чука́вый* ‘смышленный, сообразительный’ [НОС 12, 67]), *недокумок* ‘глупый человек, недоумок, недоучка’ [КСГРС] → *недоку́мок* ‘неумеха, нерадивый человек’ [КСГРС], *недоку́менный* ‘ленивый, неказистый на вид; глупый, неумный’ [Беяева, 357], *нева́ровый* ‘ленивый’ [НОС 6, 32], ‘нерасторопный, несообразительный, ленивый’ [КСГРС] (ср. *ва́ровый* ‘сообразительный’ [СГРС 2, 28]), *балда* →

оба́лдус ‘глупый или ленивый человек’ (волог., перм., вят., новг.) [СРНГ 21, 345], *о́лух* ‘лентяй, ленивец’ (волог.) [СРНГ 23, 192] (ср. лит. *олух*), *лунь* ‘глупый человек’ [СРГК 3, 158] → *лунь* ‘ленивый человек’ [СРГК 3, 158].

Если же лентяй проявляет интеллект, то это получает негативную оценку, поскольку воспринимается как подмена дела: *замудрывать* ‘начать мудрствовать’ (пск., твер.) [СРНГ 10, 261] → *замудро́вый* ‘о том, кто больше мудрит, чем делает; уклоняется от дела’ (пск.) [СРНГ 10, 261] (ср. *замудроваться* ‘переусердствовать, показывая свой ум, способности’ (пск., твер.) [СРНГ 10, 261]).

Эмоции. Характеристика лентяя в плане эмоционально-волевой сферы однозначна: лентяй ничего не хочет и ни к чему не стремится: *хотеть* → *неохо́та* ‘лентяй’ (арх.) [СРНГ 21, 106], *не́хоть* ‘лень’ (ленингр., урал.) [СРНГ 21, 204], *нехоти́ха* ‘бездельница, лентяйка’ (новосиб.) [СРНГ 21, 204], *не́охоть* ‘леность, отсутствие усердия в деле’, ‘ленивый, вялый, равнодушный человек’ (пск., твер.) [СРНГ 21, 106], *не́хоть* ‘ленивый человек’ [КСГРС]; *кехтать* ‘иметь расположение, склонность к чему-нибудь; желать, хотеть’ [СРГК 2, 341] → *не кех́тать* ‘лениться, не работать’ (*Если не кехтает, дак лентяй, может работать, но не хочет*) [КСГРС], *неке́хтовый* ‘неумелый, неработающий’ (*Некехтовый не кехтат на работе*) [КСГРС], *ке́хтать* ‘лениться’ [СРГК 2, 341] (в данном случае значение появилось в результате энантиосемии, основанной на экспрессивности заимствованного слова).

Физическое состояние. Единицы, характеризующие ленивого человека, регулярно строятся на базе лексем со значением усталости, плохого настроения, капризного поведения, болезненного состояния, хилости, снижения жизненного тонуса, ср.: *устать* → *ву́сталь* ‘лентяй(-ка)’ (брян.) [СРНГ 5, 239], *хиреть* ‘становиться слабым, болезненным’ [Даль 4, 344] → *прохира́ть* ‘лениво работать’ (арх.) [СРНГ 33, 25], *хмурый* → *охмура́ться* ‘слоняться без дела’ (краснодар.) [СРНГ 25, 40], *обрынуться* ‘похудеть, осунуться, обессилеть’ (влад., костром., ульян., тул.) [СРНГ 22, 219] → *обры́нчивый* ‘ленивый’ (*Кого не залюбят, скажут: на работу обрынчивый*) (арх.) [СРНГ 22, 220], *остаметь* ‘утратить чувствительность, гибкость; онеметь, оконечеть’ [КСГРС] → *ос-*

та'мой 'бездеятельный, ленивый' (*Ах ты, нюха остамая, бобылка, ниче не делаешь*) [КСГРС], *гмыра* 'неповоротливый, медлительный человек' (пск.) [СРНГ 6, 233] → *гмы'ра* 'человек, плохо работающий' (пск.) [СРНГ 6, 233], *квелить* 'плакаться, жаловаться на все' [Даль 2, 103] → *квёлый* 'ленивый' (краснояр.) [НОС 4, 36; СРНГ 13, 166] (ср. *квёлый* 'слабый, хилый'), *кувя'ка* 'о ленивом человеке; мямля, рохля' (влад.) [СРНГ 15, 393] (ср. *кувяка* 'младенец, новорожденный', 'о плаксивой женщине', 'о неуклюжей женщине' [Там же]), *мухрявый* 'хилый' (влад., горьк.) [СРНГ 19, 40] → *мухря'вый* 'нерасторопный, ленивый' (новг.) [СРНГ 19, 140], *неко'сный* 'хилый и ленивый' (твер.) [СРНГ 21, 62], *отста'лой* 'нежизнеспособный, болезненный, слабый, ленивый' (*То хворь навалится, а которы ленивы, он уж отсталой*) (кокчетав.) [СРНГ 24, 322], *сам себе'пить не пода'ст* 'о ленивом человеке' [ФСРГС, 170], *ли'хость* 'дремота, лень' (арх.) [СРНГ 17, 83], *ли'хо* 'не хочется, неохота, лень' (арх., олон., волог., новг., новосиб., курган. и др.) [СРНГ 17, 77], 'лень, не хочется' [СРГСУ 2, 98], *лихтома'рый* 'ленивый, вялый' (брян.) [СРНГ 17, 84]; ср. также ряд однокоренных слов с основой *ляд-*, мотивированные «обозначениями болезни, немощи, всего плохого, сорного, ненужного» [ЭССЯ 15, 47]¹⁸: *ляд* 'лентяй' (тул., калуж., орл., курск.) [СРНГ 17, 259], *лядóвка* 'лентяйка' (яросл.) [СРНГ 17, 269], *ледáчий* 'ленивый, никчемный' (краснодар., кубан., черниг., брян., зап. брян.) [СРНГ 16, 318], *ля'дничать* 'праздно проводить время, бездельничать; лениво работать' (калуж.) [СРНГ 17, 268] и т.п. Лексема *ню'ча* 'ленивый человек' (олон.) [СРНГ 21, 330] формально и семантически близка существительному *нюхча* в значениях, потенциально содержащих сему 'упадок жизненных сил' — 'разиня', 'нытик', 'медлительный человек' (онеж., арх.) [СРНГ 21, 330].

Малый возраст. Поведение лентяя часто квалифицируется как «невзрослое», что проявляется в номинациях на базе обозначений мальчика, подростка, ср. *на́холок* 'ленивый, изнеженный мальчик' (вят.) [СРНГ 25, 293] (< 'мальчик, парень' [Там же]), *угла́н* 'без-

¹⁸ По мнению В.Н.Топорова, лексемы с основой *лед-* испытали семантическое влияние со стороны этимологического гнезда балто-славянского **led-* 'лёд', в котором реализуется образ слабости, косности, усталости [ЭССЯ 14, 178].

дельник' [КДЭИС] (ср. *углан* 'ребенок, чаще мальчик', 'шалун, озорник, хулиган' [Там же]) или в семантическом переносе 'баловаться шалить' → 'бездельничать'¹⁹, ср.: *пелёговаться* 'баловаться, шалить' (курган., свердл.) [СРНГ 25, 323] → *пелёгаться* 'бездельничать' (*Пелёгалась всю жисть, ни дню не робила*) [СРГСУ 3, 123], *отпелёговаться* 'праздно провести время, ничего не сделав' [КДЭИС]; *галавэсить* 'от своего дела бегать и других отклонять' (казан.) [СРНГ 6, 103], *галавэсничать* 'бездельничать, болтаться без дела' (яросл.) [СРНГ 6, 104] (ср. *галавесса* 'шалун, озорник' (яросл.) [СРНГ 6, 104]).

* * *

Мотивационные признаки в рамках данной базовой модели, затрагивают разнообразные аспекты в жизнедеятельности лентяя. Среди них в наибольшей степени реализовало себя представление о слабом, болезненном физическом состоянии ленивого человека. Думается, что причины подобной актуальности кроются в установке носителя языка фиксировать предпосылки появления лени: «он пребывает в «заторможенном» состоянии, поэтому он не настроен работать». Другой частотный мотив основывается на зрительном восприятии позы лентяя, пассивного положения его рук и ног и нежелании (или неспособности) согнуть спину. Ономасиологическая характеристика внешних физических данных лентяя также достаточно актуальна: оценка осуществляется или с утилитарной позиции (неиспользования рук, ног, хороших физических данных), или путем указания на чрезмерную полноту, несовместимую с трудом, неспособность выполнить элементарное движение (нормативная оценка). К «портретным» признакам лентяя, вызывающим негативную психологическую оценку, относятся интеллектуальная неполноценность, упрямство, эмоциональная подавленность.

В основе целого ряда номинаций лежит обозначение того или иного аспекта трудовой деятельности: качества выполне-

---

¹⁹ Ср.: «Слова ряда *баловаться* описывают детское поведение и предполагают в качестве мотивировки желание развлечься; действия субъекта в этом случае носят достаточно безбидный характер и оцениваются говорящим слабо отрицательно» [НОСС 2000, 342].

ния работы (действия лентяя затруднены, он не сосредоточен на процессе, работает с остановками); характера деятельности (ленивый человек предпочитает легкую работу). Особой установкой номинатора является противопоставление труду бесцельного смотрения и праздных разговоров.

Кроме того, отдельно выделяется ситуация уклонения от работы, перекалывания работы на других людей, которая в сознании носителя языка связана с обманом и вызывает предосудительную этическую оценку.

2.2.2. Деятельность

Номинативная логика в рамках данной базовой модели развивается по двум основным направлениям: первое основывается на неспособности к работе или сознательном отказе, уклонении лентяя от работы; во втором — рисуется картина бесполезной деятельности, будь то нерадивое исполнение работы или посвящение себя особым видам деятельности.

I. Отказ от целенаправленной полезной деятельности. «Негативный» подход может реализовываться в виде общего указания на неучастие лентяя в труде, работе: *трудиться* → *нётрудь* ‘лентяй’ (урал.) [СРНГ 21, 179], *нетрудник*, *нетрудница* ‘о ленивом человеке, живущем на чужой счет, трутень’ (арх.) [СРНГ 21, 179], *нетрудница* ‘нерадивая работница, лентяйка’ [СРГК 4, 16]; *работать* → *нёроботь* ‘лентяй, лодырь’ [СРГК 4, 8; КСГРС], *нёроботь* ‘лентяй, неумеха, тот, кто не хочет или не может работать’ [КСГРС; КДЭИС] и т.п.; *без работы* → *безработица* ‘уклоняющийся от работы бездельник’ [КДЭИС]; *делать* → *неделáха* ‘нерадивая, ленивая женщина’ (Приуралье) [СРНГ 21, 10], *неделать* ‘праздновать, не работать, бездельничать’ [СРНГ 21, 10], *нетодильный*²⁰ ‘ленивый, ни к чему не способный’ [КСГРС], *недэя* ‘ленивый, нерадивый человек’ [СРНГ 21, 13]; *из дела (выйти)* → *изделушный* ‘лентяй’ (твер., пск.) [СРНГ 12, 127]; *ни дела, ни работы* ‘о безделье’ [АОС 10, 455], *дел не делать и от дел не бегать* ‘проводить время в пустых хлопотах, активно не работая’

---

²⁰ В образовании прилагательного *нетодильный* участвует префиксоидный элемент *то-*, который нередко вставляется между приставкой и корнем.

[АОС 10, 464], *без дела* → *безделовать* ‘бездельничать’ [СРГК 1, 52], *бездела’га* ‘безделье’ [СРГК 1, 52], *безделу’жник* ‘бездельник’ [СРГК 1, 52], *бездел’яка* ‘бездельник’ [СРГК 1, 52], *разбездельничаться* ‘бездельничать, мошенничать долго, много’ [Даль 4, 13], *обезделовать(ся)* ‘остаться праздным, без дела’ (пск., твер.) [СРНГ 22, 29] и т.п.

Показательно меньшее количество номинаций с основой *труд-* относительно дериватов корней *работ-* и *дел-*. Причины подобной неравнозначности кроются в различии стоящих за основами понятий. Семантика слов *труд*, *трудиться*, по замечанию С.М.Толстой [Толстая 1998], более абстрактна и сосредоточена в сфере субъекта. В понятии «работа» смысловой акцент делается на содержании и результате деятельности [НОСС, 909]; дело мыслится, скорее, как сфера приложения способностей человека. Таким образом, диалектоноситель в своих оценках лентяя отталкивается, скорее, от стереотипных представлений о настоящем деле, чем от оценки его внутренней готовности к трудовой самоотдаче.

Подобная позиция номинатора привела к появлению группы номинаций (преимущественно фразеологизмов), образная основа которых построена как символическое очерчивание сферы полезной деятельности, в которую не вписывается ленивый человек:

- «не работать ни дома, ни на поле»: *ни до́ма ни на́ поле* ‘не способен к работе, ленив’ [КДЭИС].;
- «не прясть, не ткать»: *непря’ха* ‘ленивая, бесхозяйственная женщина’, ‘ленивая, не умеющая прясть женщина’ (яросл., костром., вят., волог., арх., пск. и др.) [СРНГ 21, 135], *непря’шиха-нетка’шиха* ‘лентяйка, белоручка’ [КДЭИС], *недо́пря* ‘ленивая, неумелая, нерасторопная женщина’ [СРНГ 21, 28], *ни ткаль’я’, ни пряль’я’* ‘о женщина, не умеющей ничего делать’ [ФСРГС 134]. Опора при номинации на прядение и ткачество сужает круг референтов данных лексем — ‘о женщинах’. Традиционно данное занятие являлось одним из основных видов женской деятельности, начиная с обряда посвящения 5—8-летней девочки в пряжи (клубок из первой спряденной нити бросали в печь, и пока он горел, будущая пряжа должна была сидеть на снегу), после которого девушка могла готовить себе приданое [Байбурин 1993]). Неумение

или нежелание прясть однозначно характеризовало женщину по ее деловым качествам;

- «быть не способным осуществлять производственные операции»: *ни в сно́п, ни в го́рсть* ‘о ленивом, несобранном человеке’ [ФСРГС, 183; КСГРС], *хоть бы крѣстик сделать* ‘ничего не сделать’ [СРГК 3, 19]. Выделение при номинации отдельных составляющих трудового процесса (в данном случае жатвы и вышивания) в экспрессивных формах абсолютизирует неспособность лентяя к полезной деятельности;

- «не осуществлять свои обязанности»: *молока́ не разольѣт* ‘ленивый’ [НОС 9, 91], *мышей (не) ловить* ‘облениваться’ [ФСРГС, 107]. Для усиления впечатления о недееспособности лентяя, выбираются действия, которые являются даже не столь обязанностями, сколь насущными потребностями;

- «не исполнять деловое поручение»: *безнаря́дица* ‘бездельница, лентяйка’ (*Я, видишь, внучка, а меня бабка за водой послала: сходила, принесла — вот и наряд, а не принесла — вот и безнарядица*) [СРГК 1, 53]. По структуре лексема схожа с существительными *бездельяка, безделужник* и т.п., но в данном случае помимо указания на несовершенство конкретного дела затрагивается аспект человеческих взаимоотношений: лентяй противопоставляет себя человеку, давшему указание.

- «не выполнять элементарные действия»: *па́лки не перека́сть* ‘ничего не сделать’ [СРГК 4, 381];

II. Выполнение работы не должным образом. Когнитивно-оценочной базой для другого направления номинации избирается наблюдение над ситуацией, когда лентяй вынужденно втянут в производственный процесс. Под некачественным исполнением традиционное сознание склонно понимать следующие способы:

- «делать что-либо медленно, мешкать»: *посѣмывать* ‘поджидать, выжидать, медлить’ [Даль 3, 262] → *посѣмывать* ‘делать что-либо медленно, неохотно, стараясь уклониться от дела’ [КДЭИС] (ср. *сѣмать* ‘мешкать, медлить’ (волог., олон., костр.) [Даль 4, 173]), *валья́жничать* ‘медленно, неторопливо делать что-либо, мешкать’ → *вальяжничать* ‘вести праздный образ жизни, бездельничать’ (новг., олон., яросл.) [СРНГ 4, 33];

• «нуждаться в понукании»: *пону́га* ‘ленивый человек, которого все время нужно заставлять что-либо сделать’ [КДЭИС], *коня понузда́ть* ‘подгонять ленивого человека’ [ФСРГС, 145];

• «работать без точного плана, «на авось»»: *абы как* → *абы́кать* ‘авоськать, делать лишь бы с рук’ [Даль 1, 2]), *абы́канье* ‘нерадение’ [АОС 10, 196], *шаль* ‘дурачество, шалость, повесничество, баловство; шутка, потеха, проказы’, ‘дурь, взбаломочность или блажь’ [Даль 4, 619] → *ша́ль-ва́ль* ‘спустя рукава’ [ФСРГС 145], *де́лать на ма́х*²¹ ‘делать на авось’ (ср.-урал.) [СРГСУ 2, 121] → *на машио́к* ‘кое-как, небрежно’ [КДЭИС] (ср. разг. (*делать*) *на глазок* ‘неточно, приблизительно’ [Ожегов 132]), *сгородить* ‘нагородить в кучу, составить, настроить, сгромоздить’ [Даль 4, 164] → *озгоро́да* ‘о том, кто выполняет какое-либо дело без старания, небрежно, поспешно’ (пск.) [СРНГ 23, 86], *через кувь́рку* ‘как попало, не стараясь’ [СРГК 3, 48];

• «быть поверхностным, не углубляться в дело»: *по верхам* → *пове́ршье* ‘бесхозяйственный, ленивый человек’ [СВГ, 78] (ср. *скользить по верхам, хватать верхи* ‘изучать, узнать что-либо поверхностно, неосновательно’ [ССРЛЯ 2, 202], *верхогля́дничать* ‘не углубляться в дело’ [СРНГ 1, 183]);

• «работать время от времени/торопливо»: *забе́галкой* ‘плохо, кое-как, спустя рукава’ [КСГРС];

• «не помочь, не поддержать в деле»: *подспори́ть* ‘подсобить, помочь напрок, упрочить что, придать спорины, проку, достатка или запаса впрок’ [Даль 3, 205] → *неподспоро́вный* ‘неумелый, неработающий’ [КСГРС]. Модель отражает ситуацию взаимоотношений во время работы;

• «совершать промахи в работе»: *опло́шливый* ‘неумелый, неловкий, ленивый человек’ [КСГРС] (ср. *оплоша́ть* ‘дать маху, прозевать, не доглядеть, не сделать вовремя нужного’ [Даль 2, 680]);

• «заводить работу в тупик, губить дело»: *рабо́тать на́ клин* ‘работать безответственно, спустя рукава’ (брян.) [СРНГ 19, 329] (ср. *дело кли́нит* ‘пошло клином, неудачно’ [Даль 2, 119]), *на́губа*

---

²¹ Сущ. *мах* означает меру длины, равную расстоянию между пальцами вытянутых в стороны рук (свердл.) [СРГСУ 2, 121]; таким образом, отрицательная коннотация выражений *делать на мах/ на машио́к/ на глазок* отражает недоверие к способам измерения при помощи частей тела человека.

‘о ленивом человеке, который губит порученное ему дело и на кого нельзя положиться’ (арх.) [СРНГ 25, 115]

В рамках этой же мотивационной модели ‘выполнять работу не должным образом’ → ‘быть ленивым работником’ развивается значения дериватов праслав. корня * *kul-*, с первоначальной семантикой гнутья, кривизны [ЭССЯ 13, 99], которая развивает значение ‘делать что-либо комом, комкать’ [Галинова 2000, 79], мотивирующее, в свою очередь, идею нерадивого выполнения работы и безделья: *куля’мать* ‘делать что-либо небрежно, неаккуратно’ [КДЭИС], *куля’стать* ‘то же’ [Там же], *кулевáнить* ‘бездельничать’ [КСГРС], *накультя’пать* ‘сделать что-либо плохо, небрежно, неаккуратно’ (курган., краснодар.) [СРНГ 19, 356] (сложение корня *кул-* и глагола *тяпать*, ср. *голотя’пить* ‘делать что-либо неумело’ [СРГСУ-Д, 110]), *неокуля’щий* ‘ленивый’ [КСГРС].

Реализация идеи лени может осуществляться с участием концепта беспорядка, актуализируя признак ‘совершать беспорядочные действия’, появляющегося в ходе семантического развития корней **var-*, **ver-*, **vor-* со значением ‘вертеть’ (ср. *ворокоса* ‘беспорядок, безобразия’) [Галинова 2000, 230]: *вара’кать* ‘делать что-либо наспех, неумело, кое-как’ (тамб., пенз., нижегор.) [СРНГ 4, 42], *вара’ка* ‘тот, кто плохо работает’ [СРНГ 4, 41], *варза’ть* ‘делать что-либо плохо’ [КДЭИС], *варза’ка* ‘тот, кто плохо работает’ [СРНГ 4, 52], *каверза’ть* ‘делать что-либо небрежно, кое-как’ (пск., смол.) [СРНГ 12, 292], *каверзи’ть* ‘делать что-либо небрежно, кое-как, без старания’, ‘заниматься чем-либо от нечего делать’ (твер., смол.) [СРНГ 12, 292], *варако’сить* ‘делать что-либо небрежно, недоброкачественно’ [СРГСУ 2, 67]²². Номинация нерадивого исполнения работы осуществляется в контексте того, что неупорядоченное движение служит, с одной стороны, эмпирическим объяснением неуспешности выполнения деятельности, с другой стороны, оно индуцирует целый спектр экспрессивных значений (ср. *наваракосить* ‘много написать’, ‘нахулиганить, «наломать дров»’, *варакозить* ‘шалить, баловаться’ [Галинова 2000, 230]).

---

²² В образовании форм слов участвуют исконные древние аффиксы *ка-*, *-ок-*, и заимствованный из финно-угорских языков суффикс *-ос-* [Куркина 1967, 186].

Отношение к трудовым обязанностям. Отдельную группу номинаций составляют единицы, построенные на отрицании того, что ценится в отношении к делу:

• «не заботится»: *заботиться* → *незабóчий* ‘ленивый и беззаботный человек’ (пск.) [СРНГ 21, 44], *радеть* → *нерадéйство* ‘отсутствие старательности, нерадивость’ (рост.) [СРНГ 21, 137], *нерадéльщина* ‘о ленивых, нерадивых работниках’ [СРНГ 21, 137], *нерадéльной, нерадетельный* ‘нерадивый’ [КДЭИС], *дбать* ‘заботиться, стараться, радеть о хозяйстве’ [Даль 1, 416] → *недбáть* ‘гулять, бездельничать, праздно проводить время’ (смол.) [СРНГ 21, 9], *недбáлый* ‘ленивый, нерадивый, нестарательный’ (зап. брян., лит) [СРНГ 21, 9], *недбáйка* ‘ленивая, бесхозяйственная женщина’ (дон.) [СРНГ 21, 9], *недбáльщик* ‘лентяй, бездельник’ (смол.) [СРНГ 21, 9];

• «не имеет желаний работать»: *зáвисть* ‘трудолюбие, желание работать’ (ряз.) [СРНГ 9, 318] → *незавíстный* ‘не любящий работать, ленивый’ (влад., курск.) [СРНГ 21, 44], *злой* ‘сильно любящий что-либо, имеющий склонность к чему-либо’ (пск., смол.) [СРНГ 11, 290] → *незлóй* ‘нестарательный, неусердный, плохо делающий что-либо’ (пск., влад.) (*Работать она незлая*) [СРНГ 21, 50], *недосужный* ‘лентяй’ (Казачи-Некрасовцы) [СРНГ 21, 33] (ср. *досужий* ‘трудолюбивый, способный к разного рода деятельности’ [КСГРС]), *недо’брый* ‘нерадивый, бесхозяйственный’ (Казачи-некрасовцы) [СРНГ 21, 15] (в своем образовании лексема отталкивается от прилагательного с обобщенной положительной оценкой *добрый*, в чей круг частных значений может входить значение ‘трудолюбивый’, ср. контекст *Фсё сами воду носили они, как дома, добрые дефки были* [Ли 1986, 99]).

Внутренняя форма следующих единиц строится через **отрицание деловых качеств**: *яглый* ‘ярый, ревностный, быстрый’²³ [Даль 4, 544] → *нея’глый* ‘неповоротливый, нерасторопный, ленивый’ (нижегор.) [СРНГ 21, 212] (ср. *неяглый* ‘неловкий, неумелый, неспособный’ [Там же]), *ня’глый* ‘ленивый’ (нижегор.) [СРНГ 21, 331] (на стыке приставки *не-* и корня происходит стяжение гласных), *удалый* → *неудáлый* ‘ленивый’ (курск., калуж.) [СРНГ 21, 187] (ср.

---

²³ Прилагательное наряду с глаголом *яглиться* ‘шевелиться, двигаться впе-ред’ являются продолжениями слав. *egti ‘мочь’ [Меркулова 1996].

неудáлый ‘неловкий, нерасторопный’ [Там же], *куда-то (годный)* → *некуда́ка* ‘ленивый, нерасторопный человек’ [КДЭИС], *бескуды́шный* ‘ни на что способный, неумелый’ [Там же].

Заниматься ненастоящим трудом. Квалификация лентяя осуществляется также на основе выбора им видов деятельности, которые не вписываются в традиционные представления о полезном и содержательном труде, настоящем деле:

- «работать на отхожих промыслах»: *бурла́ка* ‘человек, работающий по найму на отхожих промыслах’ [СГРС 1, 223] → *бурла́ка* ‘лентяй, бездельник’: [СГРС 1, 223] (ср. *бурла́чить* ‘работать вне дома, уходить на заработки’) [КСГРС], *годова́ть* ‘пребывать в течение года где-либо на заработках’ → *годова́ть* ‘бездельничать, проводить время празднo’ [СРГСУ 1, 116], *годовик* ‘человек, который не работает, бездельничает, «годует»’ [КДЭИС], *летова́ть* ‘бездельничать, сидеть без дела’ [КСГРС].

В старообрядческих говорах Прибалтики функционирует гнездо с опорным компонентом *зимогóр* и смысловой доминантой ‘занятие отхожими промыслами’ (очевидно, здесь отражено название с. Зимогорье Новгородской обл., жители которого занимались извозом [Королёва 2002, 140]). Значение получило широкое распространение благодаря ямщикам-староверам, расселившимся на значительной территории, и вписалось в обозначенную мотивационную модель, ср.: *зимгóрить* ‘бездельничать’ [СРГСУ 1, 201], *отзимгóрить* ‘прожить какое-то время, бездельничая’ [КСГРС], *зимогóр* ‘бездельник’ [СРГК 2, 253].

Отрицательная оценка работы «на стороне» еще раз говорит об актуальности для носителя традиционного сознания «домоцентристской» позиции²⁴: «работа вне деревни, которую я не могу наблюдать, не считается настоящей работой»;

- «работать по найму»: *десяти́льщик* ‘работник, которого в прежние времена нанимали на период жатвы со сдельной оплатой («с десятины»)’ → *десяти́льщик* ‘лодырь’ [КДЭИС], *валенти́р* ‘лентяй, лежебока’ (яросл., волог.) [СРНГ 4, 25] (М. Фасмер предполагает связь слова с фр. *volontaire* или нем. *Volontär* ‘волонтер, доброволец’ [Фасмер 1, 269]; допуская такую вероятность, ука-

---

²⁴ О том, что носитель диалекта ориентируется в мире, опираясь на оппозицию мой мир — мой дом, см. в частности [Рут 1992, 52; Михайлова 2001, 180].

жем также на притяжение к корню *вал-*, обусловившее появление дифференциального признака ‘лежебока’, ср. *валёк* ‘лентяй, лежебока, неряха (костром., перм.) [СРНГ 4, 24]).

Данный мотивационный признак, безусловно, пересекается с предыдущим, дискредитируя саму идею работы по найму. Закрепление за такого рода занятиями отрицательной оценки обусловлено, прежде всего, статусом «работы не на себя», которая сводит к минимуму личную заинтересованность и ответственность. Помимо этого, работа по найму предполагает, как правило, частую смену места деятельности (ср. *жить из рабо́тники в рабо́тники* ‘постоянно работая по найму’ [ФСРГС, 176]) или работу время от времени, что также не может приветствоваться закрепленным в жесткие рамки сельскохозяйственных процессов крестьянским тружеником. В целом, образ жизни наемного работника связывался с низким социальным статусом и бродяжничеством²⁵;

- «выполнять работу, не требующую личной ответственности»: *подсе́брить* ‘сделать работу кое-как’ (*Самолоубовата она, там да сям подсебрит, где получше уголочек*) [СРГК 4, 670] (ср. *себра* ‘работа миром, сообща’ [Даль¹ 4, 114], *сябра*’, *себра*’ ‘община, артель, общее дело’ [Куликовский, 117]). Помимо представления о том, что работа сообща снимает ответственность с человека, поводом для неодобрительной оценки, возможно, стало уличение компании собравшихся вместе людей в нетрудовом времяпрепровождении, ср. *арте́ль* ‘группа людей, собравшихся вместе для совместной работы или развлечений’ (выделено нами — М.Е.) [СРГСУ 1, 28];

- «прислуживать»: *служить* ‘по своей воле оказывать услуги, подавать помощь, услуживать, прислуживать; быть, состоять на государственной или общественной службе, при должности’ [Даль 4, 224] → *служáвой* ‘ленивый, избегающий труда’ [КДЭИС] (ср. *служно́й* ‘услужливый, угодливый’ [Подвысоцкий, 108]);

- «работать у попа»: *попóвский рабо́тник* ‘лентяй’ [ФСРГС, 160]. Для интерпретации данного выражения можно воспользо-

---

²⁵ Ср. цитату: «Прихожу в этот город и стал на торжок, чтобы наняться. Народу наемного самая малость вышла — всего три человека, и тоже все, должно быть, точно такие, как я, полубродяжки» (Н.С.Лесков. Очарованный странник).

ваться пословичным изречением *Каков поп, таков и приход*: негативный образ попа, создаваемый народом в языке и фольклоре (ср. *попова курица* ‘ворона’, *попова собака* ‘мотылек’ [Там же]; пословицы *Поп со всего возьмет, а с попа ничего не возьмешь*; *Смелого ищи в тюрьме, глупого в попах*; *Поповы детки, что голубые кони* (т.е. редко удаются) и т.п. [Даль 3, 308];) распространяется и на поповское окружение (*Не все поповым ребятам Дмитрова суббота* [Там же]);

- «выполнять работу, не требующую затрат усилий»: *тукать* ‘стучать, колотить, бить молоточком, отесывать камень, насекаль’ [Даль 4, 450] → *потютю’каться* ‘поработать немного, не в полную силу, с прохладцей’ [СРГСУ 6, 113] (удвоение слога характерно для экспрессивных номинаций);

- «заниматься женскими домашними обязанностями»: *обиходница* ‘ленивая женщина, которая живет в лени и праздности (Даль: «в насмешку или в значении ежедневной ходьбы, шатания»)’ (оренб.) [СРНГ 22, 69]. Образования от существительного *обиход* ‘хозяйство, домашний быт’, регулярно развивают противоположные лени значения, ср. *обиходец* ‘старательный работник; рачительный хозяин’ [СРНГ 22, 68], *обиходный* ‘хозяйственный, заботящийся о порядке и чистоте в доме’ (арх., костром., прикамье, сиб. и др.) [СРНГ 22, 69]; появление значения ‘ленивый’ стало возможным за счет иронически сниженной оценки хлопот по хозяйству и женских обязанностей в целом (ср. *бабья музыка* ‘дела по хозяйству, которые выполняет женщина’ [СРГНО, 14]);

- «заниматься прядением»: *пря’ха* ‘ленивый, неповоротливый человек» (*Котора нище не делае, да огибатса, дак пряхой зовут*) [СРГСУ 5, 42]. Несмотря на формальную противопоставленность единицам типа *непряха, непряшиха-неткашиха* (см. выше), данная номинация являет своей внутренней формой иной, но не противоположный смысл. Прядение получает сниженную оценку, очевидно, на основании образа сидящей, малоподвижной работницы.

- «заниматься нечерной работой»: *беля’нушка* ‘белоручка’ [СРДГ 1, 25], *беломойка* ‘белоручка’ [СРДГ 1, 23], *белы’ш* ‘лентяй, белоручка’ [СРГК 1, 59]. Номинации представляют собой особый тип лентяя-белоручки и опираются на представления о существовании «белой», легкой работы, т.е. той, которая оставит руки не-

запачканными, и «черной», тяжелой, грязной (ср. *грязнушка* 'грязная, черная работа' [СРГСУ-Д, 121]), считающейся, вероятно, более типичной в традиционных представлениях о труде.

* * *

При обращении номинатора к денотативной сфере «Деятельность» достаточно четко проявляется существование двух установок номинатора. Первая предполагает описание трудового поведения лентяя: формы «торможения» трудового процесса, «неправильные» взаимоотношения с другими работниками, выбор определенных занятий. В рамках второй установки номинация нацелена на выражение субъективной оценки и ярко проявляется в движении по линии абсолютизации признака, ср. 'не трудиться' — 'не быть занятым делом' — 'не заниматься ни домашней, ни с/х деятельностью' — 'не осуществлять производственные операции' — 'не выполнять элементарные действия'. Этнокультурная обусловленность развития семантики лени, с одной стороны, проявилась в «сдвиге» в сторону наименований конкретных занятий (прядание, ткачество, отхожие промыслы), с другой стороны, позволила реконструировать социальный статус номинатора — крестьянство.

Описание трудового поведения лентяя затрагивает практически все возможные аспекты трудовой деятельности: темп работы (ср. 'делать медленно, мешкать'), результативность ('заводить дело в тупик'), способ выполнения ('совершать промахи в работе'), взаимоотношения с другими работниками ('не помочь, не поддержать в деле'), контроль деятельности ('нуждаться в понукании'), планирование деятельности ('работать без точного плана, на «авось»'), противопоставление дела и определенных разновидностей деятельности ('работать на отхожих промыслах', 'работать по найму', 'выполнять «белую» работу', 'выполнять работу, не требующую усилий').

2.2.3. Образ времяпрепровождения

Данная базовая модель опирается на «универсальную прототипическую ситуацию», лежащую в основе т.н. «активного» безделья. На содержательном уровне фразеологии литературного языка ее смысловое наполнение ограничивается признаком ‘заниматься пустяками’ [Ковшова 1996]. Диалектный лексический материал дифференцирует набор праздных занятий (*гулёна, куликать, межедвор*) и вводит признаковые определения образа жизни (*легкобытник*).

Иметь свободное время. Объемную группу формируют единицы, мотивированные представлением о наличии свободного, не занятого трудом времени, ср.: *отдосу́жница* ‘бездельница’ (*Отдосу́жница она, пришла и сидит весь день*) (волог.) [СРНГ 24, 167] (ср. *отдосу́живаться* ‘кончить работу, управиться с делами, освободиться’ (перм., вят.) [Там же]), *свободничать* ‘бездельничать’ [СРДГ 3, 110], *проста́я порá* ‘досуг, свободное время, безделье’ [Там же], *от проста́й поры* ‘от безделья’ [СРГСУ 5, 384].

Признак незанятости делом на основе семантики пустоты продуктивно разрабатывают дериваты корня *пороз-//празд-: пра́здный* ‘о человеке — гуляющий, шатущий, без дела, ничем не занятый или ничем не занимающийся, шатун, баклушник, лентяй’ [Даль 3, 380], *спраздниться* ‘остаться праздным, без дела или места’ [Даль 4, 499], *празднолю́б, празднолю́бец, празднолю́бка, празднолю́бица* ‘лентяй, тунеяд, враг трудов, работы’ [Даль 3, 381], *празднолю́бие, празднолю́бство* ‘лень, охота к праздности, неделию’ [Даль 3, 381], *напоро́знé* ‘бесцельно, праздно’ (арх.) [СРНГ 20, 91], *поро́жнем, ходи́ть поро́жнем* ‘праздно слоняться, шататься без дела’ [СРНГ 30, 70], *порожняко́м* ‘без дела’ (*Ты давай не стой порожняком, робь*) [СВГ, 165]. Основное значение основы *празд-‘незанятый, порожний, свободный, пустой’* может быть безотносительным к оценке, поскольку распространяется преимущественно, на предметную сферу, ср. *праздны́й дом* ‘без жильцов’ [Даль 3, 381], *праздная посуда* ‘порожняк’ [Там же]; даже при отнесении признака к человеку возможна нейтрализация оценки, ср. *праздная* ‘о женщине: небеременная’ [Там же].

В семантическое пространство основы *празд-/пороз-* входит также понятие праздника, которое связано с идеей безделья по

своему ядерному значению ('время, когда не работают, отдыхают'²⁶) и коннотирует, как правило, положительные мотивы, ср. посл. *Доброму человеку, что день, то и праздник*. Отрицательная оценка появляется при соотношении со сферой деятельности в аспекте пользы и цели, результатом чего является актуализация мотива бесцельности, бесполезности.

Праздное времяпрепровождение может быть охарактеризовано с точки зрения субъекта праздности — в плане возможности действовать по своей воле. По мнению В.И.Даля, «свобода — понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящегося, или к разным степеням этого простора, и, наконец, к полному, необузданному произволу или самовольству» [Даль 4, 151]. Представленные номинации по данной «классификации» реализуют минимальную степень свободы — от труда — и несут, таким образом, нестрогую оценку, поэтому неслучаен контекст «от 1-го лица», которому свойственна не резкая оценка, а порицание: *Сижу, свободничаю, а дела делать надо*. Иную степень свободы демонстрирует понятие воли. Способное обозначать объективное отсутствие дела, ср. *воля* 'свободное от работы время, выходной день' [АОС 5, 76], оно при этом связано со сферой эмоций, влечений (ср. *воля* 'желание, влечение к осуществлению чего-либо' [Там же]), и поведения (ср. *воля* 'свобода поведения, распушенность, баловство' [Там же]). Выражение носителем языка эмоций как стихий, которые захватывают человека (ср. *чувство охватило, тоска взяла* и т.п.), и обозначение воли как нежелания регламентировать свое поведение дают языковую и когнитивную основу для выражения *воля берёт* 'не хочется, лень' [АОС 5, 76], которое демонстрирует, как понятие свободы (от труда) оборачивается обозначением скованности и недееспособности человека.

Народное сознание отмечает также, что свободное время, которым лентяй владеет, достается ему даром, ср.: *даром* 'праздно,

---

²⁶ Семантическая реконструкция языкового образа праздника показывает, что основными составляющими праздника являются ритуальное застолье с гостеванием и обильной выпивкой [Алексеевский 2002], что говорит о существовании сразу нескольких семантических параллелей между понятиями праздника и безделья.

без дела' (*Не сидите даром, возьмите, прядите*) [АОС 10, 269], *даровію* 'о бездельнике' (волог.) [СРНГ 7, 276], *даровік* 'не занятый работой человек' [АОС 10, 265], *даровá порá* 'досуг, свободное время, безделье' (перм.) [СРНГ 30, 28], *даровóй поп крестііл* (*крещáл* 'о состоянии праздности, безделья' (*Даровой поп крестил, на волю спустил, сижу; Иди, Аннушка, даровой поп сегодня крещчал, работать не велел*) [АОС 10, 268]. На основе данного представления реконструируется максима традиционного сознания, согласно которой работа — это своего рода плата за возможность отдыха и досуга.

Оценка праздности как беззаботного времяпрепровождения находит непосредственное выражение в использовании вторичного значения прилагательного *лёгкий* 'не обремененный заботами, трудом' (ср. др.-рус. *легота* 'состояние, ничем не обремененное', диал. *легкость* 'о легкой, обеспеченной жизни, без особых забот и труда'). Для этой номинативной модели характерно словообразование путем сложения основы *легк-* и основ, обозначающих момент существования: *легкобы'тник* 'любитель лваает основа *проклад-*: *проклáд* 'праздность, безделье, лень' (яросл., влад., арх) [СРНГ 32, 156], *проклáдство* 'медлительность, неповоротливость, лень' (волог.) [СРНГ 32, 157], *проклáдник* 'человек, любящий жить в довольстве, праздности' (новг.) [СРНГ 32, 157], *проклáдно* 'медленно, неторопливо, лениво' (калуж., перм.) [СРНГ 32, 157], *с прóкладью жить* 'жить без трудов, в довольстве, роскоши' (влад.) [СРНГ 32, 157]. Источником развития семантики лени в гнезде корня *клад-* стали вторичные значения из сферы образа жизни, несущие идею свободы (в том числе и от работы) и субъективного ощущения спокойствия, довольства (ср. *проклад* 'свободное от работы время' (моск., влад.), *прокладжáться* 'проводить время в удовольствиях, прокладжаться' [КСГРС], *прокладный* 'раздольный, свободный (о жизни, времяпрепровождении)' (калуж.) 'спокойный (о жизни)' (перм.), *проклада* 'спокойствие' (яросл.), *прокладливый* 'сговорчивый, покладистый' (влад.) [СРНГ 32, 156] [Там же]). Формальная близость обусловила притяжение к семантике лени основы *клад-*, развивающей в своих переносных значениях мотив вялости, медлительности, ср. лит. *работать с прохладцей*, волог. *прохладство* 'медлительность, неповоротливость, лень' [СРНГ 32, 157]. Мотив приятного со-

стояния свидетельствует о существовании гедонистической позиции в оценке лени/праздности, ср. также *Есть потешно, а работать докучно; Как ни мечи, а лучше на печи; Были б хлеб да одежда, так и ел бы лежа*. Об идеоспецифичности такой установки для русской народной культуры говорит тот факт, что в польском языке концепт праздности не получает подобной трактовки [Иванова 2007, 14].

Этимологически глаголы *жѳириться* ‘бездельничать’ (оренб.) [СРГСУ 1, 156], *жировать* ‘отдыхать, бездельничать’ (пенз.) [СРНГ 9, 184] принадлежат гнезду с опорным компонентом *жир*- и основным значением ‘жить’ (сев.-двин., арх., онеж., перм., енис. и др.) [СРНГ 9, 184]. На развитие семантики безделья повлияло вторичное внутригнездовое притяжение к семантике пищи и коннотируемым ею мотивом материального благополучия и удовольствий, ср. *жировать* ‘жить роскошно, кутить, расточать’ (южн.-сиб., сиб., камч., ворон., арх.) [СРНГ 9, 184], *жир* ‘о хорошей, привольной жизни’ [СРНГ 9, 180]. Подобное сочетание смыслов позволяет реконструировать представление о восприятии праздности как приятного времяпрепровождения, отдыха, связанных с отсутствием забот о материальном обеспечении.

Гулять. Специфичной чертой праздного образа жизни является разнообразие составляющих его действий, занятий, состояний. На мотивационном уровне это выражается подбором основ, имеющих комплексную, синкретичную семантику. К числу таких языковых единиц относится глагол *гулять*. Спектр значений глагола *гулять*, его именного коррелята и дериватов на материале славянских языков описывается С.М. Толстой [Толстая 1999] в контексте проведения семантических параллелей с глаголом *играть*. В числе глагольных значений, описывающих сферу человека, обнаруживаются значения ‘развлекаться, играть в игры, забавляться’, ‘быть в движении’, ‘танец’, ‘петь песни’, ‘играть на музыкальных инструментах’; а также те, которые относятся к сфере сексуально-брачных отношений и входят в «систему этических и религиозных оценок» [Толстая 1999, 168—170].

Выразительный эскиз понятия *гуляния* дает также А.Д.Шмелев в своей работе о ключевых понятиях русского характера [Шмелев 2002]. Культурная семантика глагола *гулять* выявляется через сопоставление со словом *прогулка* и английским глаголом *walk*. Бу-

дучи объединенным с данными словами значением пешей прогулки и «гедонистическим привкусом», глагол *гулять* несет в своих многочисленных значениях идею «свободы выбора, отсутствия стеснений и необходимости выполнять скучную, рутинную работу» [Шмелев 2002, 87].

Противопоставленность работе делает понятия гуляния и праздности очень близкими в смысловом отношении, ср.: *гулять* ‘сидеть без дела’ (тул.) [СРНГ 7, 220], *выгуливать* ‘проводить время в праздности, ничего не делать’ (*Не предем, не ткем, все выгуливаем*) [АОС 6-7, 177], *гультаить, гультайничать* ‘слоняться без дела, вести праздный образ жизни’ (смол.) [СРНГ 7, 220], *гультай* ‘лодырь’ [КДЭИС], *гультай* ‘бездельник, лентяй, гуляка’ (смол., пск., юго-вост., Лит. ССР) [СРНГ 7, 220], *разгулиха* ‘женщина, любящая гулять, развлекаться, бездельничать’ (южн., горьк.) [СРНГ 33, 318], *гуляха* ‘любительница проводить время праздно, бесцельно’ [СРГК 1, 414], *загулёха* ‘любитель погулять, человек, отлынивающий от работы’ (олон.) [СРНГ 10, 35], *погулёна* ‘любительница праздно проводить время, погулять’ [СРГСУ 4, 414], *пригульиш* ‘бездельник, гуляка’ (пск.) [СРНГ 31, 182], *гулеван* ‘бездельник, гуляка, волокита’ [СРГСУ 2, 129], *огуль* ‘о лентяях, бездельниках’ (влад.) [СРНГ 22, 362], *гульба* ‘праздное, бесцельное времяпрепровождение, гулянка’ [СРГК 1, 413], *гулявство* **Ошибка! Закладка не определена.** ‘бездельничанье, праздность, лентяйство’ (нижегор.) [СРНГ 7, 222], *гуляшки* ‘гулянье, праздное времяпрепровождение’ (волог., брян) [СРНГ 7, 226], *гуль-погуль* ‘то же’ [Там же], *гультики* *справлять* ‘вести праздный образ жизни’ (смол.) [СРНГ 7, 220], *гуль бить* ‘проводить время в праздности’ (смол.) [СРНГ 7, 216], *в гуленьки удариться* ‘начать вести праздную, разгульную жизнь’ [АОС 10, 140], *гулливо* ‘разгульно, праздно’ (*Жили ходливо, гулливо*) [АОС 10, 140]. Ключевым звеном в логике появления модели ‘гулять’ → ‘бездельничать’ является представление о замене целенаправленной полезной деятельности другим времяпрепровождением.

Пьянствовать. Имеющийся в понятии *гулять* признак ‘употреблять алкоголь, пьянствовать’ может самостоятельно мотивировать семантику праздного образа жизни, что говорит о маркированности этого занятия при оценке бездельника, ср. *кутной* ‘ведущий праздный образ жизни’ [СРГК 3, 77], *кутья* [77] (ср. ку-

тить в значении ‘вести беспорядочную жизнь, проводить время в кутежах, пьянствовать’ [СРНГ 16, 169]); *заю’ривать* ‘бездельничать, пьянствовать’ (ворон.) [СРНГ 11, 201]; *куликать* ‘бездельничать, пьянствовать’ [КСГРС]²⁷, *алаха* ‘пиво’ (твер.) [СРНГ 1, 232] → *ала’харь* ‘гуляка, праздный человек; дармоед, бездельник, шалопай, пьяница, лодырь, жулик’ (тул., ворон.) [СРНГ 1, 232], *алаха’рничать* ‘лодырничать, не работать’ (орл.) [СРНГ 23, 182]; *буза* ‘легкий хмельной напиток из проса, гречи, ячменя’ [Даль 1, 137] → *буз’ун* ‘человек, любящий без дела ходить по чужим домам’ (волог.) [СРНГ 3, 258] (ср. *бузовать* ‘вести себя буйно, драться (о животных)’ [СГРС 1, 204]).

Ходить по дворам. Основанием для идентификации лентяя является выбор занятий для времяпрепровождения. Так, хождение из одного двора в другой в традиционном сознании обычно получает оценку бесполезной траты времени: *междувёрник* ‘лентяй, любящий шататься по чужим дворам’ (ворон.) [СРНГ 18, 79], *межедвёр* ‘бездельник, который от нечего делать ходит по чужим дворам’ (курск., орл.) [СРНГ 18, 81], *подвора́шник* ‘мужчина, который любит без дела ходить по чужим дворам’ [СОГ 10, 37], *семидвóрить* ‘бездельничать, ходить целыми днями без толку из дома в дом’ [ЯОС 9, 25].

Хождение от двора к двору свойственно и *колядованию*, послужившему номинативной базой для глаголов *калédиться* ‘лениться, проводить время в праздности, сидеть сложа руки’ (арх.) [СРНГ 12, 349], *коля’доваться* ‘слоняться без дела’ (арх.) [СРНГ 14, 222]. Естественно предполагать, что на слияние с идеей безделья и негативную оценку повлияли такие обстоятельства колядования, как праздничное действо, бесплатное угощение, сходство с попрошайничеством (ср. *каледить* ‘клянчить, попрошайничать’ (волог.) [СРНГ 12, 349], *колядоваться* ‘хлопотливо биться, возиться с чем-либо’ (арх.) [СРНГ 14, 222]).

Заниматься пустяками. Характеристика образа жизни сочетается с оценкой поступков и действий лентяя. Основанием для

---

²⁷ Образным субстратом семантики пьянства служит образ закрутившейся жизни, эксплицируемый корнями *кут-* и *-юр-*, ср. *кутить* ‘кружить, крутить (о вьюге, о метели)’ (твер., пск., новг., арх. и т.д.), *закоривать* ‘завертеться, закружиться’ (моск.) [СРНГ 11, 201].

отрицательной оценки по отношению к труду может становиться «дурацкое» поведение: *дурить* → *выдуривать* ‘бездельничать, заниматься несерьезными, пустяковыми делами’ [АОС 6—7, 194], *балды рничать* ‘бездельничать’ [СРДГ 1, 15].

Негативное восприятие деятельности, не связанной с настоящим, приносящим пользу трудом, приводит к тому, что смысловая трансформация может идти по линии абсолютизации признака бесполезности. Во внутренней форме единиц материализуются образы нарочито бесполезной, бессмысленной деятельности: *куропáс* ‘лентяй’ (твер., пск.) [СРНГ 16, 140]; *мухобóй* ‘лентяй, шатун дармоед, повеса’ [Даль 3, 948]; *вошапрúдиться* ‘лениво, нехотя, приниматься за работу’ (смол.) [СРНГ 5, 166] (< *прудиться* ‘искать, ловить блох, вшей, вытряхивать блох и вшей из нижнего белья’ (калуж., орл., ряз., курск., ворон., брян.) [СРНГ 33, 63]); *нítки мотáть* ‘заниматься бесполезным делом, бездельничать’ [ФСРГС, 114], *отрезáть полы да наставлять другúе* ‘впустую проводить время, бездельничать’ [СРГК 4, 321].

Общая отрицательная оценка поведения человека лежит в основе глагола *испрокúдиться* ‘избаловаться от безделья’ (ворон., костром.) [СРНГ 12, 247], соотносимого с *прокудить* ‘бедокурить’ (ср. также *испрокудиться* ‘испортиться, сделаться негодным к употреблению’, *прокуда* ‘дурацкая выходка, ущерб, вред’ [Там же]).

* * *

Общей когнитивной установкой при реализации базовой модели ОБРАЗ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ послужило противопоставление труду определенных занятий, воспринимаемых носителем традиционного сознания как бесполезные и порой бессмысленные. Это предполагает, с одной стороны, конкретизацию видов праздного времяпрепровождения (пьянство, баловство, хождение по дворам, колядование), с другой стороны, атрибуцию этой деятельности с оценочной позиции (бесполезная, безответственная, беззаботная, приятная). Наиболее часто отражаются во внутренней форме (а значит, и маркируются в сознании) представления о гулянии как основном способе времяпрепровождения человека, отрицательно относящегося к труду, и беззаботности как главной характеристике праздного образа жизни.

2.2.4. Движение

Способность к движению является важным основанием для оценки трудовых качеств человека. Это обусловило активную номинативную разработку семантической сферы «Движение» в ходе концептуализации идеи лени/праздности.

Двигаться вследствие незакрепленности. Обширный лексический массив формируется в случае, когда в качестве моделирующего выступает значение 'качаться, колебаться': *шататься* → *шатун* 'человек, который любит шататься, ходить без дела' [КСГРС], *шатала* 'бездельник' [ССРКК, 430], *шату'щий* 'праздно проводящий время, бездельник' [СЮРКК 209], *шату'шка* 'праздно шатающийся, пустоброд' [КЯОС], *шатный* 'непутевый, бездельник, шатун' [КСГРС], *вольношату'щий* 'праздный (о человеке)' [СРНГ 5, 86], *елань шатать* 'скитаться, бродить без определенных занятий, лодырничать' (перм., урал.); *бо'таться* 'раскачиваться, колебаться из стороны в сторону' → *бо'таться* 'ходить без дела, слоняться, болтаться' [КСГРС], *пробо'таться* 'пролениться, пробездельничать' [КСГРС], *пробатя'жить* 'бездельничать какое-то время' [КСГРС], *бо'тень* 'тот, кто слоняется без дела, лентяй(-ка)' [КСГРС], *бо'тя'вка* 'тот, кто слоняется без дела, лентяй(-ка)' [КСГРС]; *киваться* 'качаться, шататься' (южн., смол.) [СРНГ 13, 195] → *кива'ться* 'лениться' (смол.) [СРНГ 13, 195], *кивала* 'лентяй' [СРНГ 13, 195] (ср. кивала 'о человеке с нетвердой поступью' [Там же]); *колыхаться* → *колыха'ться* 'слоняться, болтаться без дела' (свердл.) [СРНГ 14, 209], *качаться* → *кача'лко* 'о ленивой лошади' (арх.) [СРНГ 13, 142], *лейхатъ* 'колыхать, колебать' → *ле'йхатъ* 'бесцельно бродить, слоняться без дела' [СРГК 3, 109], *вихля'ться* 'шататься из стороны в сторону (о непрочном укрепленном предмете)' → *вихля'ться* 'слоняться без дела' (олон.) [СРНГ 4, 304], *хля'баться* 'качаться, шататься, брэнчать от неплотной пригонки вещи' [Даль 4, 120] или *хля'бать* 'шататься, рассшатывать, рассохнуться' [Кул., 128]) → *хля'баться* 'скитаться без дела' (твер., пск.) [Даль 4, 120], *хомута'ться* 'колебаться, пребывать в неустойчивом состоянии' → *хомута'ться* 'слоняться' [СРГСУ 6, 109], *чепаться* 'шататься, болтаться' [КСГРС] → *че'паться* 'болтаться без дела' [КСГРС].

Лексемы *ды'бать* 'стоять без дела, торчать' (свердл., перм.) [СРНГ 8, 288], *зады'бать* 'начать бездельничать' [СРГСУ 2, 171] относятся к деривационному гнезду основы *дыб-*, в системе значений которого также актуален признак неустойчивости, ср. *ды'бать* 'неустойчиво стоять на ногах, шататься (о ребенке, пьяном, больном)' (новосиб., север., перм., арх.), 'дремать, клевать носом', 'качать, раскачивать' (волог., арх.) [СРНГ 8, 288].

Этимология глагола *пóлкать* 'бегать без дела, не сидеть на месте', 'слоняться, шататься, таскаться туда-сюда, бездельничая' [СРГСУ 5, 435], восходящая к славянскому корню **pel-* 'толчком, рывком махать, качать, колебать из стороны в сторону' [Варбот 1983], также вводит ее в обозначенный номинативный ряд.

Акцент при семантическом переносе на отсутствии сдерживающих моментов в поведении лентяя обуславливает привлечение производящего значения 'вися свободно, качаться', ср.: *обо'лтаться* 'бесполезно, попусту потратить время, разболтаться, стать недисциплинированным, ленивым' (калин.) [СРНГ 22, 169], *проболтóшиться* 'прогулять, проболтаться без дела' (олон.) [СРНГ 32, 85], *болтúщий* 'праздный, ленивый' [СРГСУ 1, 36], *бóлтаннйй* 'привыкший к безделью, разболтанный, ведущий разгульную жизнь' [СРГК 1, 90], *бóлтень* 'бездельник' (костром.) [СРНГ 3, 81], *болтúшка* 'тот, кто праздно проводит время' [СРГК 1, 90], *зáболтень* 'шатун, бездельник' (новг.) [СРНГ 9, 266], *шалтáй-болтáй* 'бродяга, лентяй' [ФСРГС, 187].

Двигаться в ограниченном пространстве. Особый род движения отражают дериваты корня *пест-*: *пéстоваться* 'страдать от безделья, слоняться из угла в угол' (иркут.) [СРНГ 26, 315], *пестúнья* 'ленивая женщина' (урал.) [СРГСУ 4, 462], — первичным для которых является значение, характеризующее однообразное, повторяющееся, возвратное движение песта в ступе [Варбот 1994, 138]).

Двигаться беспорядочно. Наиболее релевантной семантика беспорядочного движения оказывается для глаголов *мотаться* и *шнырять* [Макеева 2003, 394] и, соответственно, для их дериватов: *мотúщий* 'такой, который болтается без дела, зря проводит время' (уральск.) [СРНГ 18, 306], *про'моть* 'лентяй(-ка), неповоротливый, упрямый человек' (арх.) [СРНГ 32, 190], *моты' моня'ть* 'ничего не делать, бездельничать' (перм.) [СРНГ 18, 295]; *простошны'ра* 'шатун, дармоед, вор и бездельник' [Даль¹ 3, 1345].

Объем данной модели обусловлен действием экспрессивных механизмов, за которыми стоит, с одной стороны, восприятие пространственной ограниченности и нефункциональности «маятникового» движения, как несвойственных норме человеческого движения; с другой стороны, отрицательные ассоциации колебательного движения с беспорядком [Макеева 2003, 402].

Ходить без определенного направления. Специализация семантики движения из стороны в сторону актуализирует представление о хождении без определенного направления, что в поведенческой плоскости может быть квалифицировано как бесцельная деятельность. Приравнивание цели и дела зафиксировано в общенарод. *шляться* ‘ходить, бродить где-либо взад и вперед, с места на место (обычно без цели и дела)’ [ССРЛЯ 17, ст. 1485] и сохраняется в диалектных дериватах: *шля’ндать* ‘ходить без дела, шляться’ [КСГРС], *зашлы’ндать* ‘начать ходить без дела, слоняться’ (ворон., иван.) [СРНГ 11, 191], *прошл’ндить* ‘прослоняться, пробездельничать’ (свердл.) [СРНГ 33, 51], *шлюн* ‘человек, который ходит без дела’ [КСГРС], *шлю’ха* ‘человек, который шляется без дела’ [КСГРС], *шл’енки-отл’етки* ‘бездельницы, озорницы’ (сарат.) [СРНГ 24, 225].

Мотив бесцельности реализуют также многочисленные дериваты корня *брод-*: *броди’ть* ‘ходить из одного места в другое, избегая дела’, ‘делать что-либо, заниматься чем-либо нехотя, без старания’ (казан.) [СРНГ 3, 187], *бр’одкий* ‘любящий ходить без дела, лазить куда-нибудь, забираться куда не следует’ (свердл.) [СРНГ 3, 188], *бр’ода* ‘человек, который бродит без дела, без толку и цели, колоброд’ (пск., твер.) [СРНГ 3, 184], *зabr’ода* ‘человек, болтающийся без дела, праздный шатун’ [КСГРС], *пустобр’од* ‘тот, кто любит бродить без дела, слоняться, шатун’ (яросл.) [СРНГ 33, 143], *калaбр’од* ‘шататься без дела, проводить время в праздности’ (яросл.) [СРНГ 12, 332], *бродя’жить* ‘ходить, слоняться без дела’ (Ср. Урал.) [СРНГ 3, 192], ‘болтаться без дела, гулять, вести разгульную жизнь’ [КСГРС], *бродя’жник* ‘праздний дармоед, шатающийся стороною, в людях’ [Даль 1, 129], *ходи’ть бр’одня бр’одней* ‘от нехоти и лени едва ноги волочить’ [Даль 1, 129].

Исследуя семантику глаголов пешего перемещения в литературном языке, И.Б.Левонтина и А.Д.Шмелев в число смысловых

доминант глагола бродить наряду с разнонаправленностью и бесцельностью включают небольшую скорость движения и связь с душевным состоянием субъекта — неприкаянностью [Левонтина, Шмелев 2002, 271].

Сочетание глагола *пинать* с существительным *воздух* и лексикализированным корнем *слон-* (< *слоняться* ‘ходить взад-вперед, бродить без дела’ [Ожегов, 732]) в составе фразеологизмов *вóздух пинáть* ‘бездельничать, слоняться без дела’ [ФСРГС, 136], *слоны пинáть* ‘то же’ [Там же] опустошает семантику глагольного действия, переводя ее в область бесцельной двигательной активности.

Лексемы *блы́каться* ‘бродить, слоняться без дела’ (питерб., смол.) [СРНГ 3, 32], *блы́кун* ‘человек, не занимающийся никаким делом, любящий бродить, шататься’ (смол., пск., тамб.) [СРНГ 3, 32], *облы́куша* ‘лентяй, бездельник’ (пск.) [СРНГ 22, 114] соотносимы с этимолого-словообразовательным гнездом слав. глагола **lykati*, в семантической структуре которого присутствует сема бесцельного движения: *лы́каться* ‘бродить, мыкаться’, *лы́кала* ‘бродяга’ (смол.) [ЭССЯ 17, 26]), что относит их к представленной модели.

Представление об отсутствии/потере направления актуально и для лексического ряда, относящегося к этимолого-словообразовательному гнезду славянского корня **blo ld-* [ЭССЯ 2, 125-127]: *блудни́к* ‘ленивый человек, бесцельно проводящий время’ [ССРКК, 37], *блуде́я* ‘ленивая, любящая погулять женщина’ [ССРКК, 37], *приблудá* ‘шатающийся без дела человек’ [СРГСУ 5, 455], *поблудный* ‘слоняющийся без дела’ [СРДГ 3, 16], *блóндать* ‘ходить без дела, бездельничать’ (влад.) [СРНГ 3, 27], *зablóндать* ‘начать бродить, ходить без дела’ (влад.) [СРНГ 9, 259], *блáндать* ‘бездельничать, проводить время в праздности’ (ворон.) [СРНГ 3, 15].

Слав. **blQkati*, представляющее собой экспрессивное расширение с помощью форманта *-k-* глагола **blQditi/ *blQdati* [ЭССЯ 2, 128] также принимает участие в словопроизводстве единиц идеи лени/праздности: *блукáла* ‘бродяга, человек, шатающийся без дела’ (пск., тамб.) [СРНГ 3, 31] *блукуня́ть* ‘бродить, слоняться без дела’ (смол.) [СРНГ 3, 31] (ср. *блукать* ‘блуждать, бродить, скитаться’ [Даль 2, 244]).

Вариацию на тему потери цели движения представляет собой мотивационный признак ‘ходить, как бы ища что-либо’: *шарить*

‘искать ощупью, копаться, рыться, перебирать’ [Даль 4, 622] → *шáриться* ‘делать что-либо медленно, с трудом’, ‘ходить без дела, слоняться’ [СРГСУ 7, 570], *ошáрить* ‘шататься без дела’ (тифлис.) [СРНГ 25, 80]; *заникать* ‘заглядывать по углам, как бы ища чего-либо’ (ворон.) [СРНГ 10, 279] → *заникáть* ‘проводить время без дела, лениться’ (ворон.) [СРНГ 10, 279].

В понимании традиционных представлений о движении без направления важно свидетельство В. Даля о лексеме *блуд*: «слово это, со всеми производными своими, включает в себе двоякий смысл; народный: уклонение от прямого пути, в прямом и переносном смысле; || церковный или книжный: относясь собственно к незаконному, безбрачному сожитию, к любодейству; посему слова этого лучше в общежитии избегать» [Даль 1, 99]. Ср. *блудить* — ‘прокудить, колобродить, проказить, шалить, портить что из шалости, скрытно поедать съестное или причинять иной убыток, шkodить’, ‘любодействовать’. [Там же]; ср. также появление вторичных значений у глагола *бродить* и *шляться* и их дериватов: *бродить* ‘совершать неблагоприятные поступки’, лит. *шлюха* ‘женщина легкого поведения’. Наличие общей номинативной базы для семантики безделья и отрицательной нравственно-поведенческой характеристики человека высвечивает соответствующие черты в традиционном образе лентяя.

Ходить, испытывая затруднения. Помимо аспекта направленности движения имеет значение характеристика хождения с точки зрения легкости/затрудненности движения. Она проявляется в лексемах, которые образуются от экспрессивных глаголов передвижения, восходящих к обозначению волочения (т.е. связываемому с определенным усилием): *таскаться* → *таскáться* ‘шататься по сторонам по худым делам или тунеядно’ [СРНГ 30, 268], *потаскун* (курск., сиб.), *потаскуха* (костром.), *потаскуша* (калуж.), *потаскушка* (калуж.) ‘человек, слоняющийся без дела’ [СРНГ 30, 268]; *волочить* ‘едва переступить, шаркать, плестись, нога за ногу’ [Даль 1, 236] → *волóча* ‘человек, шатающийся без дела’ [КСГРС], *волочúга* ‘бродяга, шатун, нищий от праздности’ [Даль 1, 236]; ср. также глагол *шанáрить* ‘бродить без дела, слоняться, ходить где не надо’ [КСГРС], в основе которого лежит значение ‘ходить, шаркая обувью, еле подымая ноги’ [КСГРС].

Негативное восприятие затрудненного передвижения вызывает, во-первых, интерпретацию в поведенческой плоскости (ср. дифференцирующие признаки 'шататься по худым делам', 'ходить, где не надо'), во-вторых, ассоциируется с «трудной жизнью», куда входит и нищенство (ср. признак 'нищий от праздности'); последнее может связываться с бездельем как следствие с причиной, ср. пословицу *Станешь лениться, будешь с сумой волочиться*.

Двигаться энергично, стремительно. Иное, в определенном смысле противоположное представление, отражено в номинациях *трынды бить* 'бездельничать' [НОС 11, 68] (< *трынуть* 'броситься со всех ног, ринуться бегом' [Даль 4, 438]) (второй компонент фразеологизма представляет собой субстантивированную форму производящего глагола), *лынды бить* 'шататься без дела' [СЮРКК, 56] (*лынять* 'уклоняться от дела' [Даль 2, 87]), *бить гайдики* 'бездельничать' [СРДГ 1, 94] (< *гайдать* 'бегать, шататься, лытат' [Даль 1, 7]), *лапшагон* 'лентяй, бездельник' (ворон.) [СРНГ 16, 271] (корневой элемент, несущий экспрессивность, образован от глагола *лапшит* 'бить, ударять часто' (ворон.) [Там же]), *косу́рить* 'гулять, шляться, слоняться без дела; отлынивать от уроков в рабочее время' (челяб.) [СРНГ 15, 69] (< *турить* 'гнать' [Даль 4, 443]) (внутренняя форма лексемы формулируется как 'гнать себя мимо чего-либо'), *отпря́дливый*, 'ленивый' (урал.) [СРНГ 24, 281], *ги́цать* 'бездельничать, шататься без дела' (орл., курск.) [СРНГ 6, 176], (< *гицать* 'подскакивать, подпрыгивать' (орл., курск.) [СРНГ 6, 176]), *прога́цать* 'бегать в течение некоторого времени, бездельничая' (зап. брян.) [СРНГ 32, 108] (< *гацать* 'скакать, прыгать' (кур.) [ЭССЯ 6, 77]).

С данной моделью связываются также лексемы *блы́скаться* 'бродить, слоняться без дела' (смол., твер., моск., новг., пск., тамб.) [СРНГ 3, 32], *лы́скать* 'уклоняться от дела, работы; шляться, шататься, проводить праздное время вне дома' (пск., твер.) [СРНГ 17, 224], *как лы́ска* 'беззаботно' [НОС 5, 56], *блыску́н* 'человек, не занимающийся никаким делом, любящий бродить, шататься' (Латв. ССР) [СРНГ 3, 32], восходящие к одному праслав. корню, **lysk-*, за счет наличия семы быстрого передвижения в производных корня, ср. *лы́скать* 'бегать, рыскать' (пск., твер.) [СРНГ], *как лы́ско* 'как угорелый' [СРГК 3, 163]). Признак стремительности, энергичности движения может быть

проинтерпретирован как двигательная активность не связанная с трудовой деятельностью.

Скользить. Выбор в качестве исходного значение ‘скользить’, обусловлено наличием в нем признаков быстроты, отсутствие фиксации на одном месте, ср. производные корня *-лыг-*²⁸: *отлыгивать* ‘под тем или иным предлогом уклоняться от работы’ [СРНГ 24, 233], *отлыга* ‘о том, кто отделяется ложью или отлынивает от дела’ [СРНГ 24, 233], *излыгать(ся)* ‘уклоняться от дела’ [СРНГ 12, 141], *излыжник* ‘бездельник, лодырь’ [СРНГ 12, 141], *полыгáлка* ‘бездельница’ [СРНГ 29, 174], *блыгун* ‘ленивый человека, не имеющий определенных занятий’ [СРНГ 3, 31], *варлыжиться* ‘шататься, слоняться без дела; отлынивать от работы’ [СРНГ 4, 55], *изварлыжиться* ‘излениться, привыкнуть к праздности, безделью; избаловаться’ [СРНГ 12, 101], *варлыжник* ‘ленивый человек, лентяй’ [СРНГ 4, 55], *проварлыженной* ‘проведенный праздно’ [СРНГ 5, 23]. Судя по семантике лексем *отлыга*, *отлыгивать*, на развитие идеи безделья оказало также влияние притяжение к смыслам, выражаемым корнем **lygati* ‘лгать, обманывать’ [Куркина 1988, 67].

Номинация лентяя посредством идеи движения не ограничивается образами лентяя, склонного к движению, хождению, хотя и весьма специфичному. В поле «Отрицательное отношение к труду» существует ряд номинаций, которые объединяет **мотив малоподвижности, неполноценности движений**, который обобщает ряд мотивационных признаков:

- «не двигаться»: *недодвигать* ‘лентяйничать, лениться’ (калуж.) [СРНГ 21, 20], *недодвига* ‘ленивый и медлительный человек’ (калуж.) [СРНГ 21, 19], *недвига* ‘ленивый, малоподвижный человек’ (курск., ворон., дон., волог.) [СРНГ 21, 9], *неподвиль* ‘лентяй, лежебока’ (пск., твер., костром.) [СРНГ 21, 113], *недодвижимый* ‘ленивый, медлительный человек’ (калуж.) [СРНГ 21, 20], *недоступ* ‘лентяй, лентяйка’ [НОС 6, 40], *неступистый* ‘ленивый’ [СРНГ 4, 14];

- «быть не способным себя повернуть, неповоротливым»: *неповоротень* ‘нерасторопный, ленивый человек’ (енис., ниже-

---

²⁸ Принадлежность к гнезду слав. корня **lygati* /**lyzgati* ‘скользить’ реконструируется Л.В.Куркиной [Куркина 1988, 67].

гор., костром., ворон.) [СРНГ 21, 112], *невыворотливый* 'ленивый, медлительный' [КДЭИС], *невыворотный* 'ленивый, медлительный' [КДЭИС];

• «испытывать скованность в движениях, застревать»: *вязнуть* 'проводить время попусту', [АОС 9, 9], *вязь* 'бездельники, лентяи' [АОС 9, 13], *неразвязный* 'нерасторопный, ленивый' [СРГК 4,9] (ср. *вязанка* 'неповоротливый человек' [КСГРС]); *задел за пень и простоял весь день* 'ничего не удалось за весь день сделать' [СРНГ 25, 346], *подпирать головой притолоку* 'бездельничать' [СРНГ 32, 19];

• «быть неуклюжим»: лексемы *вихлявать* 'ленился, работать медленно, ходить лениво, неповоротливо' [СРНГ 4, 305], *вихляйство* 'лодырничество, леность' [СРНГ 4, 304], *вихляй* 'ленивый, неуклюжий человек' [СРНГ 4, 304] реализуют мотивационный признак на основе семантического переноса 'неуклюжий' (ср. *вихляватый* 'неповоротливый, неуклюжий, мешковатый' [СРНГ 4, 304], *вихлявый* 'неуклюжий' [СРНГ 4, 304]) ← 'изогнутый, не прямой' (ср. *вихляватый* 'искривленный, коряжистый (о деревьях)' [СРНГ 4, 304], *вихлявый* 'изогнутый, не прямой' [СРНГ 4, 304]).

• «переступить с ноги на ногу»: *топтун* 'лентяй, тихоня' [КДЭИС], *топтунья* 'лентяйка, тихоня' [КДЭИС], *потоптуха* 'тот, кто слоняется без дела, лентяй' [СРНГ 30, 295];

«Связанность» движений может получать образное воплощение при сравнении с кладкой снопов, обозначаемой диалектной единицей *суслон* [КСГРС]: *суслон* 'ленивый, медлительный, вялый человек' (арх., волог.) (*Што, как суслон стоишь? Человек не двигаеця, малоподвижный, неработающий*) [КСГРС] (ср. *суслон* 'толстый, неповоротливый человек' [Там же]).

* * *

Двигательная активность человека является одним из важнейших показателей его дееспособности. Квалификация лентяя в рамках базовой модели ДВИЖЕНИЕ реализует оба возможных «диагноза» на основании этого показателя: «способен» и «неспособен». В первом случае носитель традиционного сознания наблюдает ходящего без видимого дела человека и делает выводы о

нежелании последнего должным образом применить энергию. Бездельник воспринимается с позиции утилитарной нормы. Общее представление о несоответствии норме мотивирует подбор производящих глаголов движения и содержание мотивационных признаков. При номинации «человека без дела» чаще всего задействуются образы разнонаправленного движения, отсутствия направления, его потери. При этом разнонаправленное движение может развивать ряд смысловых вариантов: а) представлять в виде «маятникового» движения; б) получать интенсификацию при помощи признака ‘беспорядочно’; в) сочетаться с отсутствием твердой опоры. Смысловая нагрузка направления движения обусловлена способностью метафоризировать нравственные мотивы и цели человека. Таким образом, носитель языка констатирует отклонение и от социально-нравственной нормы.

Если же объект номинации отрицательно оценивается в двигательном плане, что проявляется в мотивационных признаках ‘не способный двигаться’, ‘не способный повернуться’, ‘испытывать скованность в движениях’, ‘малоподвижный’, ‘двигаться медленно’, ‘двигаться затрудненно’, то недееспособность человека, а значит и его нежелание заняться делом, мотивируется представлением о физической неполноценности, отсутствии необходимой для труда скоординированности. Кроме того, традиционное сознание склонно переносить затрудненность в движениях на образ жизни, социальные, жизненные трудности и связывать, таким образом, лень, праздность с нищенством, нуждой, скитаниями или, в силу негативных ассоциаций, давать отрицательную поведенческую оценку.

2.2.5. Физическое воздействие

Продуктивно в номинативном отношении реализуется семантическая связь между единицами поля «Отрицательное отношение к труду» и лексемами, обозначающими физическое воздействие. Выбор производящих основ актуализирует несколько основных идей.

Наносить удар. В мотивации единиц поля задействован регулярный семантический переход ‘бить, наносить удар’ → ‘ходить’ с последующим противопоставлением хождения настоящему де-

лу, работе, ср.: *колотить* → *колотиться* ‘шататься без дела, без цели, бить баклуши’ (пск., твер., сиб.) [СРНГ 14, 181], *околáчиваться* ‘облениваться, испортиться нравственно’ (вят., арх.) [СРНГ 23, 135], *околоть* ‘лентяй’ [КСГРС], *колотли́вый* ‘ленивый’ (нижегор.) [СРНГ 14, 181], *хлобыстать* ‘хлестать, хлопать, ударять’ [Даль 4, 550] → *хлобыста́ть* ‘бродить праздно, шататься, бить баклуши’ [Даль 4, 550].

На древность данной модели указывают продолжения праслав. глагола *badati ‘колоть’ [ЭССЯ 1, 121] в виде лексем *бадя́ться* ‘ходить без дела, болтаться’ (Латв. ССР) [СРНГ 2, 42], *бада́й* ‘лентяй, ленивый человек’ (волог.) [СРНГ 2, 37].

Компоненты семантики некоторых дериватов глагола *бить*, ср. *обо́йный* ‘ленивый и худой, тощий, которого часто бьют (о лошади)’ (арх.) [СРНГ 22, 161], *обо́иш* ‘об упрямом и ленивом человеке, которого не исправишь и побоями’ (пск.) [СРНГ 22, 159], *обо́iveness* ‘лентяй, привыкший к побоям’ (твер.) [СРНГ 22, 57] свидетельствуют о переосмыслении внутренней формы через ситуацию «исправительного» воздействия на лентяя.

Представление о том, что интенсивность удара не предполагает точности и целенаправленности, лежит в основе отрицательной оценки качества выполнения работы: *гаме́ть* ‘ударять, бить’ [АОС 9, 32] → *гаме́ть* ‘делать что-либо неумело, не так, как надо, спустя рукава’ [АОС 9, 32], *ко́рзать* ‘рубить, измельчать’ [СРГК 2, 427] → *ко́рзать* ‘бездельничать, плохо работать’ [СРГК 2, 247].

Нейтрализация дентотативного компонента в семантике удара, актуализация признака интенсивности и отрицательной эмоциональной оценки обуславливают появление номинаций *охло́пок* ‘лентяй’ [КСГРС], *о́хлыст* ‘лентяй’ [КСГРС].

Ударами отделить, отколоть что-либо. Для выражения негативной экспрессивной оценки лентяя диалектоноситель часто использует образы удара, направленного на нарушение целостности объекта: *отя́ть* ‘отсечь, обрубить’ → *о́теть*, *о́тятъ* ‘высшая, крайняя степень лени’ (арх., волог., новг., сиб.), ‘очень ленивый человек; о ленивой лошади’ (*Отя́ть* — *отъя́вленный лентяй, гораздо больше, чем обыкновенный лодырь*) (перм.) [СРНГ 24, 179], *о́тех* ‘очень ленивый человек’ (свердл.) [СРНГ 24, 179], *о́тец* ‘очень ленивый человек’ (том.) [СРНГ 24, 179], *о́тя* ‘лень’, ‘лентяйка’ (арх.) [СРНГ 25, 18], *о́тяг* ‘об очень ленивом человеке’ (ир-

кут.) [СРНГ 25, 18], *óтек* ‘крайне ленивый человек’ [КДЭИС], *óтетень* ‘лентяй, лежебока’ [КСГРС], *óтить* ‘ленивый человек’ [СРГК 4, 293], *óтит* ‘лентяй’ [КСГРС], *óтень* ‘ленивый человек’ [КСГРС], *лень отя́тая* ‘об очень ленивом человеке’ (волог.) [СРНГ 25, 20], *лннь да о́тек* ‘о лентяях’ [КСГРС], *ма́тушка óтеть* ‘об очень ленивом человеке’ [ФСРГС, 129]; *отбить* → *обóй* ‘об упрямом и ленивом человеке’ (пск.) [СРНГ 22, 160] (ср. *обóй* ‘все, что откололось, отбилось’ (яросл.) [СРНГ 22, 160]), *отб́иться* ‘уклониться от дела, сославшись на какую-то причину’ [СРГК 4, 272]; *ломать* → *облóm* ‘о ленивом человеке’ [КСГРС], ‘ленивый, нерасторопный человек’ (муром., волог., арх.) [СРНГ 22, 108], *ослómник* ‘лентяй’ [СРГСУ 376], *у́ломень* ‘ленивый человек, лодырь’ [КСГРС]; *пéиать* ‘делать прорубь во льду’ [СРГК 4, 503] (< *пеша* ‘тяжелый лом, коорым долбят лед’ [Там же]) → *отпéиивать* ‘уклоняться от какого-либо дела, действия, перекладывая его на других’ [СРГК 4, 317] (ср. *отпéиить* ‘отвадить кого-нибудь, отделаться от кого-либо’ [Там же]); *отдуваться* ‘защищаться, нанося удары’ (север., КАССР) [СРНГ 24, 169] → *отдува́ться* ‘лениться’ (арх.) [СРНГ 24, 170], *отдо́вка* ‘непослушная, ленивая девочка’ (арх.) [СРНГ 24, 166], *отдува́ло* ‘лентяй’ (арх.) [СРНГ 24, 169].

При характеристике ленивого человека подобный тип воздействия, во-первых, метафорически оборачивается отторжением человека от общества (ср. *отя́тый* ‘отверженный, проклятый’ (арх., коми, сев.-двин., костром.) [СРНГ 24, 179]). Во-вторых, использование семантики удара является экспрессивным средством обозначения ситуации уклонения от работы (*отбиться*, *отпéиивать*). В-третьих, отъединение части от целого предполагает потерю функциональности предмета, поэтому данную мотивационную модель поддерживают мотивы безжизненности и недееспособности, наглядно эксплицируемые в фольклорных контекстах: *Жили-были две сестры, старшая отя́ть и младшая лень. Как-то раз, в жаркий день, они лежали под кустом, на котором росли ягоды. Обе сестры были голодны, но им не хотелось подняться и сорвать ягоды. Лень только сказала: — Кабы хоть одна ягода упала ко мне в рот. Отя́ть на это заметила: — Как тебе говорить то хочется»* (онеж.) [СРНГ 24, 179]; *Прежде не одна лень была на свете, а был еще брат у ей, отец. Переплывали они вме-*

сте речку, Лень переплыла, а Отецу было лень грести руками, он и утонул (том.) [СРНГ 24, 179].

В рамках мотивационной модели ‘отрицательно относиться к труду’ ← ‘быть отъединенным’ находятся еще несколько номинаций. В семантико-мотивационной основе глагола *отишбйжаться* ‘отказаться от работы’ (*Отишойжаться — так, кто на работу не пойдет, не могу да не могу, а сама притворилась*) [КСГРС], *отишбйда* ‘человек, не любящий работать, чурающийся любой работы’ (*Я не отшойда была, на все шла, отшойжаться ни от чево не хотела*) [КСГРС] лежит действие по разъединению венчиков (ср. *шойда, шейда* ‘пара венчиков, связанных для просушки’ [КСГРС]), приобретающее символический характер отказа от чего-либо (ср. *отишбйдать* ‘отказаться при сватовстве’, *отишойжаться* ‘отказаться’ [Там же]).

Мотив деформации реализуют лексемы *слóмок, слóмыш* ‘рослый, сильный, но ленивый человек’ [КДЭИС], в которых физические данные человека противопоставляются его нефункциональности.

Чесать, обдирать, трепать. Изменение в результате физического воздействия уже не формы предмета, а внешнего вида отражают следующие номинации: *бчесь* ‘ленивый человек’ [КСГРС], *бдрань* ‘неисправимый лентяй’ (север.) [СРНГ 23, 63], *одёр* ‘о ленивом, вялом человеке’ (тамб., астрах., курск., калуж., свердл.) [СРНГ 23, 15], *оскорбóток* ‘пьяница, лентяй, бездельник’ [СРНГ 24, 16], *трепать* → *трепостнйк* ‘бездельник, человек, который ничем не занимается’ [КСГРС], *ого’лтать* ‘обтрепать, обмять’ [Чумакова 1988, 33] → *оголтéлый* ‘ленивый’ (ворон.) [СРНГ 22, 337], *о’гылтьень* ‘лентяй’ (тамб.) [СРНГ 22, 367]. Мотив потрепанности в языке реализуется с участием отрицательной оценки, ср. разг. *потрепанный жизнью*, диал. *оголтеть* ‘спившись, обнищать и озлобиться’ (яросл.), *оголтéлый* ‘вздорный, сумасбродный’ [СРНГ 22, 337]. Развитие значения ‘ленивый’ в этом контексте представляет собой конкретизацию общей негативной оценки.

Гнуть. Развитие семантики безделья может также опираться на ассоциации с гнутьем. В силу того, что ‘изогнутое’ может быть субститутом ‘кривого’, обозначенный ниже номинативный ряд, коррелирует с универсальной смысловой оппозицией «прямой —

кривой», одной из приоритетных областей действия которой является представления о нормах человеческого поведения. Это приводит к тому, что в мотивационной логике признак «быть изогнутым» интерпретируется в обобщенно-нормативном плане — вести себя не так, как следует: *гнутья* ‘бездельничать, слоняться’ [СРГСУ 1, 108], *прогнутья* ‘пробездельничать’ [СРГСУ 6, 465], *огинаться* ‘слоняться где-либо без дела, околачиваться’ (ставроп.) [СРНГ 22, 317], *огибаться* ‘бездельничать’ [СРГСУ 3, 36], *огибáлой* ‘ленивый’ [СРГСУ 3, 36], *выгибаться* ‘лодырничать, шататься без дела’ (сев.-двин.) [СРНГ 5, 264], *произгибаться* ‘пробездельничать’ (свердл.) [СРНГ 32, 146], *перегибаться* ‘лодырничать’ (сев.-двин.) [СРНГ 26, 65]. Лексема *кобэнься* ‘лениться’ (яросл., волог.) [СРНГ 13, 357] находит место в модели ‘гнутья’ → ‘лениться’ при выделении архаичной приставки *ко-* и корня *-бен-*, имеющего семантику гнутья, искривления [Петлева 1996, 31].

Данная мотивационная модель достаточно укоренена в языковом сознании. Диалектный материал свидетельствует о существовании однокоренных слов, связанных идеей лени/праздности и восходящих к праславянским корням, **lQk-* и **ob-gur-*, обозначающих процесс гнутья [ЭССЯ 16, 142—144; ЭССЯ 24, 47—48]: *лукавить* ‘лениться’ [КСГРС], *лукавый* ‘ленивый’ (оренб., моск., камч.) [СРНГ 17, 188]; *огур* ‘ленивый человек’ [КСГРС], *огыр* ‘лентяй’ [КСГРС], *огурливый* ‘не занятый делом, праздный’ (перм.) [СРНГ 22, 366], *огуря’ться* ‘отделаться, отнекаться от поручения, от работы’ (новг., твер., волог., маиб., вят. и др.) [СРНГ 22, 366], *огурь ленивая* ‘лентяй’ [КСГРС].

Семантические связи единиц модели ‘гнутья’ → ‘лениться’ вводят в представление о лентяе характеристику, обозначающую возможную форму поведения лентяя при увиливании от работы и эксплицируемую **а)** мотивом хитрости, ср. лит. *лукавый* ‘хитрый, коварный, исполненный коварства’, диал. *лукавить* ‘хитрить, действовать лживо, кривить душой’ [Даль 2, 705]; **б)** мотивом упрямства, актуального для производных с основой *огур-*, ср. *огурничать* ‘упрямиться’, ср. также *лукавый* ‘упрямый, скрытный’ (камч.) [СРНГ 17, 188]; **в)** мотивом кривления, притворства, ср.: *лодыря корёжить* ‘лениться, бездельничать’ [ФСРГС, 45] (при *корёжить* ‘изображать, корчить из

себя' (смол., ворон., новосиб.) [СРНГ 14, 314]), *лодыря корчить* 'бездельничать' [КЯОС, 105].

Трясти. Обозначение толчкового, колебательного воздействия на предмет служит исходным пунктом для появления ряда единиц с семантикой безделья. Особенностью реализации данной модели является смысловой акцент на обращенности действия на субъект, что проявляется не только в возвратной форме глагола *натря'хиваться* 'бездельничать' [СРГСУ 3, 189], но и «от обратного» — во фразеологизме *ку'моку трясти* 'бездельничать' [ФСРГС, 105] и отфразеологических наименованиях *лоботря'сина* 'лентяй, бездельник' (твер., пск., влад., калуж., смол.) [СРНГ 17, 98], *лоботрѣс* 'бездельник, лентяй, лоботряс' (калуж.) [СРНГ 17, 98], *дуботря'с* 'бездельник' [СЮРКК 81], *дуботря'сничать* 'бездельничать, уклоняться от работы' [СЮРКК 81], в которых позицию объекта замещает метафорическое обозначение внутренних свойств субъекта. Так, отфразеологические номинации коррелируют между собой по признаку твердости (ср. *лоб-*, *дуб-*), символизирующему физическую крепость и, одновременно, упрямство, интеллектуальную неполноценность лентяя. Выражение *кумоку трясти* представляет собой случай редупликации явления с целью экспрессивного усиления впечатления, ср. *кумока* 'лихорадка' (волог., олон., том., перм., урал., енис.) [СРНГ 14, 102] с актуализацией признака 'болезненное состояние'. Лексема *оттряха* 'ленивый, неисправимый в озорстве, в шалостях, сорвиголова' (брян.) [СРНГ 24, 340] имеет мотивационное значение 'тот, кто оттряхивается (от работы)'.

* * *

Среди глаголов физического воздействия наиболее часто вступают в семантическую связь с идеей лени глаголы нанесения удара и гнутья. Производительность первой номинативной модели объясняется значительной ролью семы интенсивности, являющейся основой экспрессивности производных единиц. Специфичность второй модели заключается в способности манифестировать идею антинормы. Последняя располагается в нравственно-поведенческой плоскости, причем затрагивается как в общем виде ('вести себя не так, как следует', 'потеря

нравственных качеств'), так и в обозначении конкретных форм поведения (ср. мотивы хитрости, упрямства, притворства).

В рамках базовой модели реализуется аспект взаимоотношения лентяя с людьми, в соответствии с которым субъект лени мыслится отторгнутым от общества или заслуживающим физического наказания. Ряд мотивов рисует собственно портрет лентяя, отличающийся неоднозначностью: с одной стороны, присутствуют мотивы безжизненности, недееспособности; с другой стороны, мотивы двигательной активности, физической крепости. В портрет лентяя может также входить представление о его интеллектуальной неполноценности. Темп работы характеризуют противопоставленные признаки: с одной стороны, интенсивно, с другой — медленно.

2.2.6. Положение в пространстве

Смысловое отношение «лень/праздность : пространство» частично просматривается в базовой модели ДВИЖЕНИЕ: привлечение в качестве производящей лексики, связанной с описанием разнонаправленного движения косвенно свидетельствует о просторе для перемещения; с другой стороны, при концептуализации идеи лени/праздности пространство может мыслиться как достаточно ограниченное, заставляющее лентяя двигаться по типу «челнока».

Горизонтальное положение. Именно это положение, судя по количеству номинаций, является наиболее привычным для ленивого человека: *разлёгивать* 'не выходить на работу, лениться' [СРНГ 33, 352], *облежаться* 'облениваться' [СРНГ 22, 91], *пролягаться* 'провести какое-то время без дела, пробездельничать' [КСГРС], *лежливой* 'ленивый, лежебок' [Подв., 82], *легавой* 'ленивый' [КДЭИС], *облежалый* 'обленившийся' [СРНГ 22, 91], *легавый*, *лягавый* 'ленивый' [СРНГ 16, 309], *лежнобокий* 'ленивый' [СРГСУ], *лэжень* 'лентяй, бездельник' [СРГК 3, 108], *улега* 'ленивый человек, бездельник' [КСГРС], *лэжный* 'любящий полежать, нетрудолюбивый' [СРГК 3, 108], *лэга* 'лентяй, лентяйка' [СРНГ 16, 309], *лежливый* 'ленивый, бездеятельный' [СРНГ 16, 336], *лежниха* 'лентяйка' [СРНГ 16, 337], *лежоха* 'лентяйка, лежебока' [СРНГ 16, 337], *лэженка* 'лентяй, лежебока' [СРНГ 16, 332], *лэжень* 'лентяй, лежебока' [СРНГ 22 91], *лэжен* 'лентяй,

лежебока' [СРНГ 16, 332], *облежәнец* 'лежебока, лентяй' [СРНГ 22, 91], *залежень* 'лентяй' [СРНГ 10, 197], *лежэня* 'лентяй, лентяйка, лежебока' [СРНГ 16, 334], *лежэвка* 'лентяй, лентяйка' [СРНГ 16, 326], *лежачок* 'лентяй, лежебока' [СРНГ 16, 331], *ляга* 'ленивый человек, лежебока' [СРНГ 17, 254], *лэжь* 'лень, лежание' [СРНГ 16, 337], *лэжка* 'лень, безделье' [СРНГ 16, 335], *лэжкой лежэть* 'бездельничать' [СРНГ 16, 330], *лежэть на боку* 'бездельничать' [ФСРГС, 123], *лежебóчина* 'лентяй, лежебока' [СРНГ 16, 331], *лежебóчиха* 'лентяйка, лежебока' [СРНГ 16, 332], *лежебóчиха* 'лодырь, лежебока' [КДЭИС], *лежебóчить* 'бездельничать' [СРНГ 16, 332], *лежать + баять* 'говорить' [СРГСУ 1, 38] → *лежебáй* 'лежебока, лодырь' [КДЭИС] *лежебáйка* 'лентяйка' [СРГСУ 2, 280], *лежэть да пэсни петь* 'бездельничать' [СРГК 3, 107], *лежэть повалухой* 'лениться' [СРГК 3, 107], *за солнцем лежэть* 'жить ничего не делая' [ФСРГС 78], *на горке лежэть* 'бездельничать' [ФСРГС 104].

На актуализации одного из компонентов фрейма лежания строится также фразеологизм *брю'хо разгла'живать* 'бездельничать' [ФСРГС].

Детализация образа лежащего бездельника за счет компонентов «место» («на горке», «за солнцем»), «продолжительность» (ср. приставки *раз-, об-, у-, за-*, косвенно обозначающие длительность процесса), «способ» («на боку», «на животе», «говоря»), «распевая песни», «как неодушевленный предмет»), а также использование экспресивных языковых средств (суффиксов *-иха, -оха, -чок, -ень*) свидетельствуют об эмоциональной заряженности представлений о лентяе-лежебоке.

В рамках данной модели представлены также производные с основой *вал-*, восходящие к одному из глаголов *валиться, валяться*. Отраженные в семантической структуре обоих глаголов мотивы небрежности, пребывания на земле, в пыли, в грязи и мотив неспособности держаться на ногах у глагола *валиться* обуславливают отрицательную эмоциональную оценку при номинации ситуации безделья: *привáливаться* 'лениться' [СРГСУ, 455], *перевáливаться* 'лениться' [СРНГ 26, 41], *волюшкой валяться* 'бездельничать' [СРГСУ 1, 78], *валёк* 'лентяй, лежебока, неряха; увалень, неповоротливый человек' [СРНГ 4, 24]; 'ленивый, вялый человек' [2, 66], *вáлень* 'лентяй, лежебока; ленивом и грязном жи-

вотном' [СРНГ 4, 26], *завáлень* 'лентяй' [Азарх 2000, 34], *валю'га* 'ленивый человек' [СРНГ 4, 34], *развалюга* 'лентяй' [СРНГ 33, 280], *валя'х* 'лентяй' [СРНГ 4, 36], *валя'вка* 'лентяй, неряха' [СРГК 1, 160], *валя'вок* 'ленивый человек, лентяй(-ка)' [СРНГ 4, 35], *валю'шка* 'ленивый человек' [СРНГ 4, 34], *валёг, вáлега* 'лентяй, лежебока, неряха' [СРНГ 4, 21], *óтваль* 'лентяй' [КСГРС], *у́валень* 'ленивый человек, бездельник' [КСГРС], *валёжина* 'лентяй, лежебока' [СРНГ 4, 22], *валю'жина* 'ленивая или упрямая лошадь' [СРГСУ 1, 55], *валёжень* 'лентяй, лежебока, увалень, неловкий человек' [СРНГ 4, 22], *валёжина* 'о ленивом человеке' [СРГП, 35], *валюговáтый* 'ленивый' [СРНГ 4, 34], *вальковáтый* 'ленивый и неповоротливый человек' [СРНГ 4, 32], *валуевáтый* 'ленивый, неповоротливый, простоватый' [СРНГ 4, 30].

Стоит отметить, что связь лени и лежания обнаруживается еще в Библии. На это обращает внимание Е.И.Иванова в [Иванова 2002, 81], ср.: *Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь ото сна твоего? Немного поспишь, немного, подремлешь, немного. Сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник* (Притч. 6.9-11). Ситуация «лентяй лежит» широко отражена и в пословицах: *Лежит лежень до вечера, а поесть нечего; Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал; Кто много лежит, у того бок болит; Ленивый сидя спит, лежа работает* [Там же].

Перемещение в более низкое положение. Внутренняя форма «быть опущенным» находится в основе единиц, производных от глагола *опускать*: *опу́щенник* 'лентяй' [СРНГ 23, 322], *опу́щенница* 'лентяйка' [СРНГ 23, 322], *пу́щенник* 'лентяй, бездельник' [СРНГ 33, 179], *опу́щенство* 'лень, неаккуратность, неряшливость' [СРНГ 23, 322]. В данном случае мы имеем дело с представлением, соотносимым с оценочной шкалой «верх — хорошее, низ — плохое» и выражающим представление носителя языка о том, что ленивый человек перестает следить за собой, становится неряшливым.

Сидение. Образ лентяя, предпочитающего сидячее положение, является способом реализации мотива пассивности, малоподвижности: *сидеть сáждью (сáдма, сáдья, сáдня, сáдкой, сидя́ком)* 'о ленивом человеке' [ФСРГС, 178], *сидеть смотре́ть* 'сидеть сложа руки, бездельничать' [ФСРГС, 178], *сидеть пенько́м* 'ниче-

го не делать' [ФСРГС, 178], *сидеть паном* 'бездельничать' [ФСРГС, 178], *сидеть трутьем* 'бездельничать' [ФСРГС, 178], *сидеть руки на руках* 'сидеть сложа руки, бездельничать' [КСРГС], *сидеть сложá руки* 'бездельничать' [Ивашко, 11], *сидеть руки к сердцу* 'бездельничать, ничего не делать' [Ивашко, 11], *сидеть облокотивши* 'бездельничать' [Ивашко, 11], *стулом сидеть* 'ничего не делать, бездельничать' [Там же], *сидеть ко́ликом* 'бездельничать' [Ивашко, 11], *сидеть бобылём* 'бездельничать' [Ивашко, 11].

Экспрессивность модели проявляется в предпочтении фразеологической номинации. Именной компонент фразеологизма усиливает признак неподвижности и/или вводит добавочный смысл: «положением рук заявляя о неучастии в деятельности», «как пень (стул, кол), т.е. в бесчувственной неподвижности», «как пан, который занимает социальное положение, позволяющее не участвовать в труде», «как бобыль, которому не о чем заботиться», «как трутень, который живет чужим трудом». Подобная конкретизация языкового образа помимо собственно экспрессивных причин обусловлена необходимостью противопоставить пассивность праздно сидящего лентяя и деятельную активность засевшего за работу трудолюбца (ср. *сидмя сидеть* 'пристально, не сходя с места или прилежно и усидчиво работать' [Даль 4, 182], *приседно* 'усердно' [СРНГ 31, 380], *ко́лом засесть* 'работать без усталости, не отрываясь, не отвлекаясь' [СРНГ 14, 110]).

Подвешенное положение. К номинациям, реализующим еще один пространственный образ лентяя, относятся: *вешаться* 'слоняться, бродить, переходя с места на место без особого занятия, дела' [СРНГ 4, 221], *веситься* 'бездельничать, повесничать' [СВГ 1, 64], *перевешиваться* 'бездельничать' [СРНГ 26, 50], *висля'й* 'лентяй, повеса, бездельник' [СРНГ 4, 297], *висл'уха* 'праздный человек, шатун, повеса' [СРНГ 4, 296], *висл'ёня* 'баловень, повеса, забулдыга, лентяй, неработающий член семьи' [СРНГ 4, 296], *виследь, вислядка* 'баловень, повеса, забулдыга, лентяй, неработающий член семьи' [СРНГ 4, 296], *висля'га* 'праздный человек, шатун, повеса' [СРНГ 4, 297], *висля'жничать* 'бездельничать, хулиганить' [СРГК 1, 202], *вешаться на стéнках* 'слоняться' [СРДГ 1, 63].

Отсутствие опоры при подвешенном положении неестественно для человека, что в ценностном плане может восприниматься

носителем языка как отсутствие нравственных ориентиров и создавать негативный образ в языке, ср.: *виследь* ‘повеса, негодяй’, *висляга* ‘негодная распутная женщина’, *висляй* ‘малоспособный человек’ [СРНГ 4, 296]).

Определенный локус. Особой линией разворачивания модели МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ является закрепление за лентяем некоего локуса: *печегнёт* ‘любитель полежать на печи, лентяй’ (волог.) [СРНГ 26, 346], *гórно давить* ‘бездельничать’ [ФСГРС, 53] (ср. *горно* ‘род печи с широким челом’ [Даль 1, 380]), *на гóрке лежать* ‘бездельничать’ [ФСРГС 104], *лежать за солнцем* ‘жить ничего не делая’ [ФСГРС, 104], *мять постель* ‘быть лежебокой’ [ФСГРС, 115], *мять перину* ‘то же’ [Там же], *давить койку* ‘лежать ничего не делая, бездельничать’ [ФСГРС, 53], *копёшник* ‘ленивый человек, который старается больше проспать за копной, нежели работать’ [СРНГ 14, 290], *берлога* ‘лежень, лежебока’ [Подвысоцкий, *бвытягать из гроба* ‘о ленивый, тяжелый на подъем людях’ [АОС 8, 326], *ходить (тягаться) по-за ты’ню* (*ты’ням* ‘бродить без дела по задворкам’ [СДГ 3, 166], *угол* → *болтаться по заугольям* ‘ходить без дела, бездельничать’ [Ивашко, 12], *гонять по сторонам* ‘бездельничать’ [Там же].

Группировка локусов по их характерным свойствам позволяет выявить следующие приметы излюбленного места лентяя: «место, где можно полежать, поспать» (постель, печь, берлога, копна, лавка), «теплое место» (печь, постель), «труднодоступное или невидимое место» (за солнцем, гроб, задворки, берлога, зауголья)²⁹, «не дома» (гости, задворки, на горке). В образ места входит также длительность пребывания в нем лентяя, о чем свидетельствует несовершенный вид глаголов, образы берлоги и гроба, а также высказывания диалектоносителей типа: *Ох и девка — толстенна, не робит никого, тока бы постель мять сутками.*

* * *

В целом, можно сказать, что в квалификации лентяя при помощи пространственных образов характерна тенденция к отра-

---

²⁹ Указание на скрытое от глаз место содержится также в семантическом переносе *недриться* ‘скрываться, прятаться’ → *недриться* ‘бродить без дела, околачиваться’ (пенз.) [СРНГ 21, 37].

жению вполне реального, бытового пространства, в котором есть место для того, чтобы полежать, посидеть, где есть печь, кровать, забор и пр. Лентяй в этом пространстве живет, проводит время, поэтому отдельные мотивационные модели, например 'лежать', 'сидеть', 'пробывать вне дома', могут быть представлены в рамках базовой модели ОБРАЗ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ.

Явным лидером по номинативной продуктивности является мотивационная модель 'быть ленивым' ← 'занимать горизонтальное положение'. Причина такой производительности заключается в эмпиричности образа и очевидности намерений лентяя, который, занимая позу, неприемлемую для осуществления деятельности, демонстративно подчеркивает свое нежелание трудиться.

Эмпирическое наблюдение также может уступать место ценностному сознанию, символически воспринимающему пространство и субъекта в нем. Смысловые акценты в таком случае представляются следующим образом. Во-первых, семантика безделья связывается с идеей незакрепленности, отсутствию точки опоры, что мотивировано негативной этической оценкой: лень трактуется как моральная неустойчивость, заставляющая человека вести себя легкомысленно, безответственно. Во-вторых, на выбор производящих единиц влияет аксиологическая шкала «верх — низ», где лень принадлежит отрицательному полюсу «низа».

2.2.7. *Собственность*

Отдельное место в представлениях носителей языка о ленивом человеке занимает его имущественное положение. В этом отношении интерес составляют два аспекта: владеет ли лентяй каким-либо имуществом (если да, то каким, если нет, то почему) и как он относится к имуществу.

Не владеет землей. Актуальность вопроса об обладании чем-либо и ответ на него прослеживается в связи образов бобыля и лентяя: *бобы'ль* 'лентяй, бездельник' (*Бобыль на жениной шее все сидит, жена работает, а он не работает, бобылится*) [СРГК 1, 82; СГРС 1, 125], *бобы'лка* 'ленивый человек', 'неопрятная женщина, плохая, ленивая хозяйка' [СГРС 1, 125], *бобы'литься* 'бездельничать' [СГРС 1, 125], *бобы'льничать* 'бездельничать' [СГРС 1, 125], *бобы'льная плеть* 'о ленивых, бесхозяйственных людях'

[КСГРС]. Судя по языковым данным времен В.Даля, определяющим признаком для бобыля была «нетягловость», т.е. невладение землей и неуплата налогов, что приводило зачастую к бессемейности, обитанию в обособленной части деревни, так называемом келейном ряду, зачастую к жизни на чужом дворе. На развитие переносного значения повлияло стремление определить причины подобного положения, ср. замечание В.Даля: *Бобыль — крестьянин, не владеющий землею, не потому что бы занимался промыслами или торговлей, а по бедности, калечеству, одиночеству, небрежению*(разрядка наша — М.Е.) [Даль 1, 76].

Владеет собственностью временно. Традиционное языковое сознание отмечает и другой вариант снятия лентяем ответственности за частную собственность — взять что-либо во временное владение: *кортомить* ‘арендовать что-либо, платить арендную плату’ (сев.-зап., север., урал., сиб., новг., вят., и др.), ‘брать в кортом, оброчить, откупать, нанимать (о земле и угодьях)’ [Даль 2, 170]) → *кортомы’га* ‘ленивый человек, любящий полежать’ (твер., пск.) [СРНГ 14, 376].

Не имеет одежды, дома, нищий. В списке того, чем не владеет лентяй, находятся также хорошая одежда: *лопоть, лопот* ‘одежда’ (краснояр., иркут., север., арх., волог. и др.) [СРНГ 17, 142] → *нагáя лóпоть* ‘о ленивом и бесхозяйственном человеке’ (арх.) [СРНГ 17, 142] и дом: *бездомóвный* ‘лентяй’ [СРДГ 1, 21]. В этом же ряду стоит представление о том, что лентяй обладает «пустым» домом, т.е. скудным домашним имуществом: *пустодóмка* ‘плохая, нерадивая хозяйка’ (*Другие и дом чистым держут, и скота много, а эта так пустодомка*) [КСГРС]. Лексема *недомóвой* ‘бесхозяйственный, нерадивый’ [КСГРС], схожая по словообразовательной структуре с номинацией *бездомовный*, отличается своей семантикой и, соответственно, мотивировочным признаком, который можно представить как «безответственно относящийся к ведению домашнего хозяйства», ср. контекст: *Недомовая, гулливая, к хозяйству мало прилегает.*

Общая оценка имущественного статуса лентяя отразилась в семантической связи понятий нищенства и лени: *приколóтная грíвенка* ‘туняец’ [КДЭИС].

Скупой. Аспект отношения к имуществу раскрывают лексемы, мотивированные значением ‘скупой’: *алты́нник* ‘лентяй’ (тамб.) [СРНГ 1, 241] (существительное образовано от устаревшего названия серебрянной монеты в 6 копеек, считавшейся не очень большой суммой (ср. посл. *На алтын да на грош немного утрешь, Счастье бедному алтын, богатому миллион* [Даль¹ 1, 31]); по внутренней форме совпадает с лексемой *копеечник, копеечница* ‘скряга, скупой, дрожащий над каждой копейкой’ [Даль 2, 158], ср. *алтынник* ‘жадный, скупой человек’ (новг., влад., нижегор., перм., твер. и др.) [СРНГ 1, 241]); *жмыль* ‘ленивый человек’ (пск.) [СРНГ 9, 209] (ср. *жмыль* ‘скупой человек, скряга’ (пск.) [СРНГ 9, 209], словообразовательный вариант к симб. *жмарь*, кур. *жметень*, твер. *жмойда*, *жмотик* с общим значением ‘супец, скряга’ [Даль¹ 1, 1357]), *баклачить* ‘бездельничать, проводить время в безделье’ [КСГРС] (ср. *баклачить* ‘маклачить, туго и скупо торговаться’ [Даль¹ 1, 101]. Подобная мотивационная логика становится более прозрачной, если мы представим, что для лентяя скупость является единственным способом приумножить свое богатство.

Расточительный. Иной, расточительный, безответственный, тип отношения к собственности представлен в номинациях на базе следующих лексем: *мотать* ‘расточать, безрассудно проживать имущество’ [Даль 2, 350] → *мотовёц* ‘бездельник, пьяница, мот’ (смол.) [СРНГ 18, 298], *фуфлыга* ‘продувной мот, гуляка’ [Даль 4, 450] → *фуфлыжничать* ‘проедаться, жить на чужой счет, шататься’ [Даль 4, 540]), *рачить* ‘беречь’ [КСГРС] → *нерачать* ‘бегать от дела, лодырничать’ (волог.) [СРНГ 21, 141].

* * *

Базовая модель имеет относительно небольшой выход в лексическое пространство. Данное обстоятельство мы склонны объяснять изначальной нерелевантностью имущественной темы для образа лентяя — он имеет минимум собственности, поскольку не желает работать, чтобы ее получить. Возможно также, сказался общий посыл номинатора фиксировать не столько последствия лени/праздности, сколько ее предпосылки.

Логика развертывания базовой модели основывается на значимости для народного сознания некоторых имущественных аспектов. Во-первых, владение собственностью предполагает определенную ответственность человека; лентяй снимает с себя эту ответственность. Во-вторых, имущество может мыслиться как результат труда, поэтому лентяй, отказываясь от труда, теряет возможность обладать этими результатами или подменяет труд другим источником дохода.

2.2.8. Звук и речь

Как было показано выше, языковой образ безделья зачастую рисуется через описание различных форм времяпрепровождения в отсутствии полезного дела. Одним из таких видов «неделовой» активности является речевая деятельность.

Производить звук. Соответствующий мотивационный признак конструирует внутреннюю форму единиц, построенных на базе звукоподражательных глаголов: *тре'нькать* 'бездельничать' [НОС 11, 57], *тры'нкатъ* 'бездельничать' [НОС 11, 68], *бры'нкатъ* 'бездельничать, праздно проводить время' [ССГ, 270], *дры'нки битъ* 'бездельничать, лодырничать' [СРНГ 8, 222], *илёпало* 'бездельник' [СРГСУ 7, 54] (ср. *илёпало* 'болтун' [Там же]), *переколáчиваться* 'бездельничать, заниматься болтовней' [СРНГ 26, 127], *тунчатъ* 'издавать глухой звук при ударе' → *тунча* 'тунеядец, бездельник' [КСГРС], *шартить* 'звенеть, греметь (о колокольчике)' [КСГРС] → *прошартáнить* 'прослоняться, пробездельничать' [СРНГ 33, 45], *грякать* 'сильно стучать, греметь, брякать' (курск., ворон., смол., орл.) → *пустогря'ка* 'бездельник, бездельница' (брян.) [СРНГ 33, 145], *прощёлкать* 'проболтать, пробездельничать' (перм.) (*Тракторист прощёлкал весь вечер, бахвалил с девкой*) [СРНГ 33, 57]. На семантическое развитие внутри модели оказывает влияние регулярный семантический переход 'звук' → 'интенсивное действие', обусловленный представлением о безделье и праздных разговорах как о пустой трате энергии.

Вести разговоры. При характеристике лентяя через обозначение ситуации говорения, актуализируется признак 'говорить громко': *базлить* 'реветь, кричать' (< *базло* 'широкое горло')

[СРНГ 2, 50] → *базлы'кать* 'слоняться без дела' [СРГК 1, 30], *гайкать* 'кричать, шуметь', 'горланить (песни)' → *га'йкать* 'ходить без дела из дома в дом' [СРНГ 6, 98], *галдеть* → *галдѣть* 'проводить время в безделье' [СРНГ 6, 109], *зык* 'отрывистый, резкий звук, окрик' [Ожегов, 234] → *зы'кать* 'бездельничать, лодырничать' [НОС 3, 107], *ерыкала* 'крикун, задира' [СРНГ 9, 37] → *еры'кала* 'долговязый, пустой человек, ведущий праздный образ жизни' [СРНГ 9, 37], *гряять* 'кричать' (яросл., волог.) → *пустограйничать* 'бездельничать' (моск.) [СРНГ 33, 145].

Говорить, неправду, вздор. Помимо громкости актуальным при номинации (и в достаточно большой степени) является параметр «содержание речи», по которому лентяй представляется говорящим вздор, ложь, распускающим сплетни: *молтыга* 'пустомеля' (пск., твер.) [СРНГ 18, 248] → *молты'га* 'бездельник, праздношатающийся человек' (пск., твер.) [СРНГ 18, 248] (ср. *молтыга* 'пустомеля'), *басалаить* 'говорить, болтать попусту' [СРГК 1, 42] → *басалай* 'бездельник, лентяй' [СРГК 1, 42]; *табарить* 'болтать, говорить праздно, пустословить' [Даль 4, 384] → *растобáривать* 'разговаривать от безделья, болтать' [Даль 4, 78], *растабáрной*, *растабáристой* 'тот, что попусту тратит время, бездельник' [КДЭИС]; *фуфлогон* 'лентяй, лодырь' [СПГ 2, 493] (ср. жарг. *фуфло* 'заведомая ложь', *гнуть фуфло* 'обмануть кого-либо, наговорить ерунды кому-либо' [БСЖ, 635]); *расчехмаривать* 'болтать, вести долгие, пустые разговоры' [КДЭИС] → *расчехма́ривать* 'медлить, тянуть время, не приниматься за дело' [КДЭИС]; *бáсни расправля'ть* 'бездельничать, болтать' [ФСРГС, 164]; *баля'сы точить* 'бездельничать, заниматься болтовней' [КДЭИС]; *уши мять* 'бездельничать' [ФСРГС, 115]; *гантай ткать* 'бездельничать' [НОС 2, 7] (при *гантай* 'сплетня' [Там же]); *вить (свить) верёвочку с песочку* 'бездельничать, пустословить, сплетничать' (пск., новг., омск.) [СРНГ 26, 306] (в омских говорах фразеологизм имеет значение 'говорить вздор на кого, наговаривать; пустословить').

В реализации данной мотивационной модели задействованным оказывается праславянский глагол **kolotoriti*, имеющий буквальное значение 'говорить ломаным языком' [ЭССЯ 10, 147—148] и развивающий значение негативно оцениваемого содержа-

ния речи (ср. *колотырить* ‘распускать сплетни’): *колоты’рить* ‘шататься без дела, бить баклуши’ [СРНГ 14, 187], *колотыра* ‘праздный, отлынивающий от работы человек, любящий пустую болтовню, пустомеля’ (перм.) [СРНГ 14, 186], *колоты’рник* ‘бездельник’ [СРНГ 14, 187].

Для представления бессодержательной и праздной речи достаточно активно используются лексемы, производные от звукоподражательных единиц: *талалакать* ‘разговаривать о чем-либо незначительном несерьезном, болтать’ [НОС 11, 22] → *талалай* ‘лентяй’ [НОС 11, 22] (ср. [Там же]), *барáбить* ‘тянуть время, бездельничать’ [СРГСУ 1, 14], *барахлы’стка* ‘бездельница’ [СРГСУ 1, 18] (ср. *барабара*, *барабошь* ‘вздор, болтовня’ [Даль 1, 47]), *затарáйдать* ‘начать плохо работать’ [СРГК 2, 215] (ср. *тарадайка* ‘болтушка, тараторка’ [СРГНО, 532], *тырайдать* ‘дрожать, трещать, тараторить, пустословить’ [Куликовский, 122]), *лылы’* ‘праздное времяпрепровождение, бездельничанье’ [СРНГ 17, 221] (ср. *лылы* ‘небылица, вздор’, ‘злая шутка, насмешка’ [Там же]), *на лала́х жить* ‘жить праздно, не трудясь, за чужой счет’ [СРНГ 16, 252].

Значительную в количественном отношении роль играют производные славянской основы **bal-*, имеющую характер ономотопеи [ЭССЯ 1, 144]: *бал* ‘безделье, пустые разговоры, веселое времяпрепровождение’ [СРНГ 2, 64] (ср. *ба’лы* ‘болтовня’ [Даль 1, 111]), *балами́ло* ‘лентяй’ [КДЭИС] (ср. *балама* ‘непостоянный, пустой и болтливый человек’ [Даль 1, 105], *баламо́нить* ‘бездельничать’ [СГРС 1, 50], *балахлы’ст*, *балахры’ст* ‘праздношатающийся’ [Даль 1, 234] (вторая часть от глагола *хлыстать* ‘бить, ударять’; наличие -р- объясняется диссимиляцией), *балыхры’сничать* ‘бездельничать’ [СДРГ 1, 15] (< ‘болтать’), *балахво́ст* ‘бездельник’ [Фасмер 1, 114], *балабо́нить* ‘провести время в бессодержательных разговорах, проболтать, пробездельничать’ [СРНГ 32, 78]; *обломо́н* ‘лентяй’ [КСГРС], ‘бездельник, зубоскал, пустослов’ (влад.) [СРНГ 22, 108]; ‘бездельник, зубоскал, пустослов’ [СРНГ 22, 108], *обломо́нить* ‘бездельничать, зубоскалить, пустословить’ (влад.) [СРНГ 22, 109].

Говорить медленно, вяло, нескладно. Актуализация данных качеств речи явлена в номинациях: *нюгайдать* ‘мямливать, тихо

или вяло говорить; гнусить, гугнявить' [Даль 2, 563]) → *нюга́йдать* 'делать что-либо вяло, неохотно' [СРГК 4, 58], *вяч-кать* 'говорить; вяло говорить' (влад.) [СРНГ 6, 81] → *вя́чкать* 'медленно, неохотно делать что-либо' (влад.) [СРНГ 6, 81], *вау-лить* 'заикаться', 'говорить, нескладно, несвязно' (перм.) → *вау́ла* 'ленивый человек, лентяй, лентяйка' (оренб.) [СРНГ 4, 73] (ср. *ваула* 'тот, кто страдает заиканием'). Подобное впечатление от речи при переносе на человека в деятельности актуализирует признак 'делать что-либо медленно, вяло, без сноровки'.

Затрудненное понимание быстрой, тихой и неразборчивой речи, бормотания повлияло на появление целого спектра отрицательных характеристик человека у существительного *обормот*, ср. 'оборванец, неряшливо одетый человек' (петерб., арх., олон., твер., костром., пенз.), 'пьяница, пропойца' (петерб., костром.), 'безнравственный человек' (костром.), 'волокита, соблазнитель женщин' (яросл.), 'плут, мошенник, обманщик' (ряз., калин.) [СРНГ 22, 177]. В круг референтов входит и ленивый человек: *обормо́т* 'ленивый, распушенный, несерьезный человек' (пск., ворон.) [СРНГ 22, 177].

Смеяться, шутить. Производящими основами могут выступать лексемы, обозначающие смех, насмешку: *галанить* 'шутить или говорить пустяки, обычно громко и смеясь' (симб., олон., арх., вят., волог., новг.) [СРНГ 6, 105] → *галáнить* 'бездельничать, болтаться без дела' (волог., нижегор.) [СРНГ 6, 105], *прогалáнить* 'проболтать, ничего не делая, пробездельничать' (волог., арх.) [СРНГ 32, 105], *галь* 'шутка, забава, смех' (олон., волог.) [СРНГ 6, 121] → *га́лить* 'бездельничать' (арх.) [СРНГ 6, 110], *галу́й* 'лентяй, тот, кто любит слоняться, шататься, пустомеля' (костром.) [СРНГ 6, 118], *шпенька* 'насмешник' (< 'шип, обоюдоострый гвоздь' [Даль 4, 643]) → *перешпéньки* 'безделье, отлынивание от дела под видом работы' (пск., твер.) [СРНГ 26, 279], *перешпéнькивать* 'лениво работать, бездельничать' (пск., твер.) [СРНГ 26, 279], *гагара* 'о человеке, часто смеющемся громким, отрывистым смехом' (курск., вят.) [СРНГ 6, 87] → *гага́рнуть* 'бродить, болтаться без дела' (ворон.) [СРНГ 6, 88], *гага́й* 'лентяй, повеса' (курск.) [СРНГ 6, 86] (ср. *гагай* 'прозвище жителей с. Язви-на, отличающихся громким смехом' (смол.) [СРНГ 6, 86]), *гага́ч*

‘лентяй, лежебока’ [СРГК 1, 321]. В реализации данной модели играет роль отрицательная этическая коннотация, связанная с насмешкой (см. *перешпеньки, галанить, галуи*). Мотивация данных лексем признаком ‘вести себя беззаботно’ свидетельствует о том, что времяпрепровождение в отсутствии работы, дела воспринимается носителями языка как время, посвященное развлечениям.

Выражать несогласие работать. Частной речевой ситуацией, мотивирующей значение безделья, является отказ от дела: *неткаться* ‘отказываться, отнекиваться’ [СРГК 4, 15] → *не’ткарь* ‘лентяй, лодырь’ [СРГК 4, 15], *уперь* ‘ленивый человек, лодырь’ [КСГРС] (ср. *упереться* ‘упрямо не согласиться’ [Ожегов, 835]), *зоить* ‘громко говорить, кричать, ругаться’ (сев., олон., арх.) [СРНГ 11, 326]) → *отзойник* ‘лентяй’ (арх.) [КСГРС], *озой* ‘ленивый человек (животное)’ (арх.) [СРНГ 23, 97], ‘лентяй’ [КСГРС]; *озоистый* ‘ленивый’ (арх.) [СРНГ 23, 97] (ср. *озой* ‘упрямец’ (арх.) [СРНГ 23, 97], ср. также контаминацию основы с образом козы, куда входит представление об упряместе животного *козой* ‘упрямец, лентяй’ (арх.) [СРНГ 14, 72]).

* * *

Реализация идеи безделья в рамках базовой модели ЗВУК И РЕЧЬ опирается на существующее в традиционном сознании противопоставление слова и дела. С целью подчеркивания ненормативного компонента в идее говорения носитель языка заостряет внимание на таких аспектах говорения, как содержательность, темп, акустические свойства речи³⁰. Наиболее задействованным в плане номинаций бездельника и его деятельности является характеристика содержания общения, что обусловлено, на наш взгляд, повышенной интерпретационностью этого параметра (мнение о содержательности, как правило, весьма субъективно), что пересекается с восприятием безделья. Если учитывать, что содержание тесно связано с целью речевой деятельности и тем самым с аспектом пользы, оценка в данном слу-

---

³⁰ Ср. результаты исследования З.И.Резановой, по которым носитель русского языка оценивает как норму внятную речь в умеренном темпе, а также предьявляет к ней требование информационной насыщенности и правдивости [Резанова 1995, 71—72].

чае исходит из утилитарной позиции. Что касается более объективных показателей речи, то они вступают в оппозицию, ср. ‘говорить громко, кричать’ и ‘говорить медленно, вяло, нескладно’, которая актуализирует определенные портретные признаки лентяя, обращаясь к различению типов человеческих темпераментов.

2.2.9. *Человек и социум*

В рамках описываемой базовой модели выделяются номинации, построенные на общих представлениях об особенностях социального поведения лентяя и отношения к нему общества.

Быть чужим для общества. Общая позиция носителя языка в оценке лентяя с социально-этической позиции заключается в представлении, что уклонение лентяя от работы, дела обособляет его от общества, делает его чужим, диким, странным. При этом лексическое оформление преимущественно в виде глаголов относит представления о чуждости лентяя в сферу поведения, ср. *очужаться* ‘уклоняться от работы, отлынивать’ [КСГРС], *подичать* ‘подурачиться, побездельничать’ (сев.-двин.) [СРНГ 28, 25], *странить* ‘шляться, шататься праздно, не делать, не работать, бродить по сторонам, зевать’ (вят.) [Даль 4, 335], *исстраниться* ‘стать очень неряшливым и ленивым’ (вят.) [СРНГ 12, 252] (ср. *странь* ‘чужой, странный человек; чудака, нелюдим; шатун, негодяй; дикой малоумный’ (перм., вят., арх.) [Даль 4, 355]), *отишельник* ‘человек, отлынивающий от работы’ (*Што ты его просишь, отишельника такового*) [КСГРС].

Быть отверженным обществом. Отношение общества к лентяю отразилось в единицах, построенных на базе семантики отверженности: *гнать* → *ганя’ва* ‘шатающийся без дела человек (обычно о женщине)’ (нижегор.) [СРНГ 6, 137], *клясть* → *кля’тина* ‘подлец, негодяй, лентяйка’ (свердл.) [СРНГ 13, 336], *клять* ‘о ленивом человеке’ (перм., свердл.) [СРНГ 13, 336].

Принадлежать чужой нации. Мотив чуждости реализуется также при номинации на основе наименования представителей другого этноса. При этом языковое сознание направлено не на маркировку образа того или иного этноса по признаку лени/праздности, а на вычленение в общем негативном образе чу-

жака признаков, релевантных для характеристики лентяя. Так, основанием для появления лексемы *кацáп* ‘о бродяге-бездельнике’ (арх.) [СРНГ 13, 140] послужило значение ‘переселенец из средней части России в южные области’ [Там же] и отрицательная оценка оторванности от места проживания.

Распространенная на территории Русского Севера лексема *лопáрь* ‘лентяй, бездельник’ СРНГ 17, 131] соотносится с наименованиями северных народностей, ср. *лопáрь* ‘ненец’ [СРНГ 17, 131], *лопáри* ‘старое название саами’ [Ожегов, 332; АОС 9, 116] (из шв. *lappar* ‘саамы’ от фин. *Lappi* ‘Лапландия’ [Фасмер 2, 518]). Возможно, на семантическую связь повлияло общее восприятие коренных северных жителей как недалеких, отсталых, ср. *лопáри* ‘дикие, темные люди’ (арх.) [КСГРС]; но не исключено, что поводом для уличения в безделье послужили исконные занятия народов Севера — оленеводство, охотничий промысел, собирательство, воспринятые земледельческим сознанием как ненастоящая деятельность.

Мотивационную модель ‘лентяй’ ← ‘представитель чужого этноса’ поддерживает также лексема *макшáн* ‘нерасторопный, ленивый человек’ (олон.) [СРНГ 17, 316]. М.Фасмер приводит эту лексему со значением ‘неповоротливый человек, ленивая кляча’ и производит ее от *мо́кша*, названия части мордовского народа [Фасмер 2, 640].

Принадлежать к привилегированному сословию. Как показывает языковой материал, представления о праздности часто связывались с образом жизни т.н. привилегированных слоев, ср.: *ба́р* ‘барин, лентяй’ [КСГРС], *ба́рина* ‘избалованная, любящая безделье, в достатке живущая женщина’ [Там же], *как ба́рун* ‘бездельник, барин’ [Там же], *ба́рынок* ‘лентяй, бездельник’ [Там же], *барова́ть* ‘бездельничать’ [СГРС 1, 66], *ба́рничать* ‘бездельничать, отдыхать’ [СРГСУ 1, 16], *ба́рыньку игра́ть* ‘ничего не делать барствовать’ [СРНГ 24, 93], *дворянин* → *дворя́ниться* ‘строить из себя дворянина, барствовать, бездельничать’ (петерб., тул.) [СРНГ 7, 302], *пан* → *па́ниться* ‘жить ничего не делая, не работая’ (смол.) [СРНГ 25, 195]. Трудно восстановить по лексическим данным всю картину взаимоотношений крестьянина и помещика, можно только наметить некоторые существенные черты портрета последнего в его отношении к труду. В этом портрете основную

идею, на наш взгляд, задает «тяжба» по поводу владения землей и ее обработкой³¹, другими словами, главной претензией, предъявляемой помещику, было то, что он, обладая землей как средством к существованию, сам не обрабатывает ее, а только пользуется результатами чужого, крестьянского, труда. Такой способ существования обеспечивал достаток, а в связи с этим довольство жизнью, избалованность, отсутствие забот и чувство собственного превосходства. Как можно заметить, образ не ограничивается социальным статусом и затрагивает определенные стороны личности. Это явилось основанием для закрепления в языке и в культуре в целом, представления об особом типе лени — барственной лени.

Городская жизнь, не связанная с землей и крестьянским трудом, также представлялась лишенной настоящего труда, ср. *дама* ‘городская женщина’ [АОС 10, 259] → *да́ма* ‘о девушке, женщине, которая уклоняется от труда’ [АОС 10, 259].

Иметь особенное воспитание. Возможность вести праздный образ жизни человек получал не только в силу своего социального статуса, но также в ситуации чрезмерного внимания и заботы окружающих, ср. номинации, образованные от глаголов со значением типа ‘баловать, нежить, лелеять’: *баловно́й* ‘ленивый’ (*И баловной парень был, лежит весь день на кровати*) [СРГК 1, 36]; *полелю́й* ‘лентяй’ [КСГРС], *полелю́йничать* ‘бездельничать’ [КСГРС]; *бажа́ный, баже́ный* ‘праздный, не занятый никаким делом’ (яросл.) [СРНГ 2, 45] (< *бажить* ‘ласкать, лелеять’, *бажать* ‘усиленно просить, улаживать’ (нижегор., смол., тамб., арх., олон. и др.) [СРНГ 2, 44]); *дро́читься* ‘сибаритничать’ [Даль 1, 495], *тро́читься* ‘бездельничать’ [КСГРС] (ср. *дро́чить кого* ‘нежить и тешить, ласкать, баловать, любя выкармливать’ [Даль 1, 495]); *изнабазу́литься* ‘избаловаться, стать капризным, облениться’ [СРГСУ 1, 201] (ср. *базу́лить* ‘баловать, извадить, давать потачку’, *базу́литься* ‘тешиться, забавляться, дав себе волю’ [Даль 1, 38]).

Противопоставлять себя обществу и нарушать принятые нормы поведения. Часть этой модели реализуют единицы, определяющие направленность его поступков в целом: *опрóтивень*

---

³¹ Не случайно, что в большей мере представлен именно образ барина, имеющего непосредственное отношение к поместью, к земле, а не дворянина, предпочитающего жизнь в городе.

‘упрямый ленивец’ [СРГК 4, 225], *насты’рный* ‘ленивый’ (кубан.) [СРНГ 20, 203] (ср. *настырный* ‘дерзкий, наглый, бесстыжий’, *настырничать*, ‘бесстыдничать, нахальничать’ (тул, кур., орл.) [Даль¹ 2, 1244]).

Отдельный блок номинаций связан словопроизводственными отношениями с единицами, выражающими идею обмана, плутовства: *непра́вдошний* ‘поступающий несправедливо, отлынивающий от работы’ (яросл.) [СРНГ 21, 124], *плутя’жной* ‘склонный к лени, праздности’ [КДЭИС], *мулында́ть* ‘обманывать, запутать кого-либо’ [Даль 2, 358] → *примулы’ндывать* ‘прикидываться, хитрить, отлынивать от работы’ (вят., сиб.) [СРНГ 31, 301], *примулы’нда* ‘человек, который ленится, уклоняется от работы, хитрит’ (забайк.) [СРНГ 31, 301], *мыта́рить* ‘плутовать, обманывать’ [СРНГ 19, 64] → *мыта́рить* ‘бездельничать’ (яросл.) [СРНГ 19, 64] (ср. *мыта́рь* ‘о плутоватом, пронырливом, лживом человеке’ [Там же]), *мухли́ть* ‘хитрить, лукавить’ (твер.) [СРНГ 19, 37] → *мухли́ть* ‘делать что-либо небрежно, как попало’ (твер.) [СРНГ 19, 37], *прошалбе́рничать* ‘прослоняться, пробездельничать’ (урал.) [СРНГ 33, 45], *шалбе́р*, *шалбе́рник* ‘праздношатающийся’ [Даль 4, 237] (ср. блр. *шалбер* ‘мошенник, обманщик’, которое является заимствованием польского *szalbierz* ‘мошенник, обманщик’ [Фасмер 4, 397]), *алы’р*, *алы’рь*, *алы’ра*, *алы’ря* ‘фокусник, обманщик, плут, мошенник, бездельник, перекупщик’ (орл., костром., волог., пск., твер., сарат., влад., костром.) [СРНГ 1, 243], *алы’рить* ‘бездельничать, лениться’ (вят., нижегор., уфим., симб., перм. и др.) [СРНГ 1, 243], *алы’рничать* ‘бездельничать, лениться’ [СРГСУ 1, 9] в силу происхождения из тат. *alyr* ‘разбойничий’ [Фасмер 1, 23]).

К идее обмана, плутовства, а затем к значению ‘ленивый человек’, приводит семантическое развитие в рамках этимолого-словообразовательного гнезда праславянского корня **var-*, ср. семантическую реконструкцию Н.В. Галиновой: ‘вертеть’ → ‘делать беспорядочные движения’ → ‘быть проворным’ → ‘умелый, смекалистый’ → ‘плут, обманщик’ [Галинова 2000] → ‘ленивый человек, бездельник’: *варлы’га* ‘ленивый человек, лентяй (-ка)’ (вят., твер., барнаул.) [СРНГ 4, 55], *вор* ‘плут, обманщик, бездельник’ (арх., калуж.) [СРНГ 5, 97].

В целом, раскрытие темы взаимоотношений лентяя и общества идет по двум основным направлениям. Во-первых, на характеристику лентяя оказывает влияние концептуальная оппозиция «свой — чужой». Она определяет статус лентяя как чужого в разных ракурсах — принадлежность к определенному этносу, вероисповеданию, социальному слою, особенности поведения. Во-вторых, оценка лентяя отталкивается от представлений о социальных нормах. Содержание этих норм в рамках данной модели предписывает строгое воспитание, осуждение притворства, обмана, плутовства, сеяния смуты, беспорядка и раздора. Наиболее маркированной в номинативном плане является мотивационная модель ‘обманывать, плутовать’, которая характеризует квазиденотативные ситуации уклонения от работы, недобросовестное выполнение работы и приписывает склонность к обману как постоянный, «портретный» признак бездельника. Чуть меньшим числом представлены мотивационные признаки ‘представитель привилегированного сословия’ и ‘избалованный, изнеженный’.

2.2.10. Еда

Смысловые связи между идеей лени/праздности и семантической сферой ЕДА можно охарактеризовать как прочные и разнообразные. Это подтверждается, во-первых, множеством значительных «пищевых» представлений, во-вторых, их разнонаправленностью — в смысле неограниченности каким-либо одним аспектом в обозначении лентяя и его образа жизни. Покажем это на конкретном номинативном материале.

Метафора принятия пищи. Одно из направлений семантического взаимодействия реализуется в сопоставлении процесса принятия пищи и осуществляемой лентяем деятельности: *работник из чаши в ложку* ‘любящий хорошо поесть, ленивый работник’ (иркут.) [СРНГ 33, 240], *жустериться* ‘лакомиться чем-либо от безделья, для забавы’ (ряз.) [СРНГ 9, 322] < *жустерить(ся)* ‘есть, жевать’ (ряз.) [Там же]. Здесь еда выступает заменой полезной деятельности, что вызывает предосудительную оценку.

В процессе образного сближения идеи лени/праздности и фрейма принятия пищи в фокус номинации может попадать признак «есть много», усиливающий экспрессивность производной семантики, ср. *облоёжа* ‘о ленивом, но любящем много поесть человеке’ (пск.) [СРНГ 22, 105] (ср. *облоёжа* ‘обжора’ [Там же]), *объедень* ‘лентяй’ (пск.) [СРНГ 22, 225].

В контексте символизации пищи как источника жизнедеятельности существует представление о необходимости платы за хлеб, которой в традиционном сознании является труд, ср. библейскую заповедь *В поте лица твоего будешь есть хлеба...*; закономерно, что отказ от труда воспринимался как «дармовое» получение пищи, ср.: *дармохлебоёд* ‘тот, кто живет на чужой счет, бездельник’ [АОС 10, 264], *дармоёд* ‘то же’ [Там же], *жить дармоёдом* ‘то же’ [Там же].

Своего рода логическое продолжение идея находит в суждении, что еда, не заработанная, а полученная даром, не приносит пользы, ср. *даром* ‘зря, напрасно’ [АОС 10, 269], которое спровоцировало появление номинаций *тунея’дец* ‘человек, который живет на чужой счет, чужим трудом’ [Ожегов, 816], *тунея’дствовать* ‘вести образ жизни тунеядца’ [Там же], *нетуня’тец (-ка)* ‘тунеядец (-ка)’ (арх.) [СРНГ 21, 181], *нетуня’титься* ‘жить на чужой счет, чужим трудом, бездельничать’ (арх.) [СРНГ 21, 181]³², *праздная’дец* ‘тунеяд’ [Даль 3, 381], *проедаться* ‘бездельничать’ [СРГК 2, 44]. Однозначность отрицательной оценки подтверждается лексемой *дурноёд* в значении ‘дармоед’ [СРДГ 1, 143]. Выделение данного аспекта свидетельствует о восприятии и оценке тунеядца через призму норм человеческого общежития: «он ест чужую еду, существует за счет того, что другие работают», ср. также *чужея’д* ‘тунеяд, дармоед, бездельник’ [Даль 4, 613].

Широкое ассоциативный ряд стоит за словообразовательным гнездом с основой *лоп-/луп-*: *лопин* ‘лентяй, обжора’ (арх.) [КСГРС], *лопень* ‘лентяй, бездельник’ (арх.) [КСГРС], ‘ленивый, неповоротливый и глуповатый человек’ (волог.) [СРНГ 17, 137], *лутья* ‘толстая, неповоротливая и ленивая женщина’ (волог.)

---

³² Приставка *не-* здесь несет дополнительную экспрессию, см. [Петлева 1996].

[СРНГ 17, 203], *лупáнда* ‘толстая, неповоротливая и ленивая женщина’ (волог.) [СРНГ 17, 198]. Источником ассоциаций является исходная звукоподражательная семантика слав. корня **lor-* [ЭССЯ 16, 65], развивающая множество экспрессивных значений. Для семантики безделья мотивирующим является, на наш взгляд, именно значение ‘обжора’; об этом можно судить по дефинициям, в которых лень связывается с обжорством (*жорло*, *облоежа*).

Номинация ленивого и любящего поесть человека осуществляется также через образ живота, брюха, как одного из периферийных компонентов фрейма принятия пищи, ср. *лагún* ‘о ленивом, прожорливом человеке’ (костром.) [СРНГ 16, 225] (< ‘брюхо, живот’ [Там же]), *мамóня* ‘лентяй, разиня’ (пск., твер.) [СРНГ 17, 353] (‘живот, брюхо’, ‘обжора’ [Там же]).

Метафора кулинарных изделий. В вербализации идеи лени участвуют наименования кулинарных продуктов, которые являются предметно-образным заместителями неудачных результатов кулинарных усилий: *колобёна* ‘неряха, замарашка, неопрятная, ленивая хозяйка’ (*Коль такая колобёна стряпает, так ить исть не захочешь*) (яросл., костром., волог.) [СРНГ 14, 143]; *ватрúха* ‘ленивая стряпуха, кухарка’ (пенз.) [СРНГ 4, 73] (ср. *ватрúха* ‘самодельная лапша, приготовленная наспех, на скорую руку, кое-как’ [Там же]).

Метафора приготовления пищи. В качестве основы образного сравнения используются обозначения некоторых кулинарных процессов: *недопёка* ‘неряшливая, нерадивая хозяйка’ [КСГРС], *непропёка* ‘неповоротливый, нерасторопный, ленивый человек’ (пск., смол., волог., нижегор., калуж.) [СРНГ 21, 132], *поотварéть* ‘облениться’ (костром.) [СРНГ 29, 288], *развára* ‘вялый, ленивый, неповоротливый, ленивый человек’ (Киргиз ССР, яросл., волог., калин., новг.) [СРНГ 33, 281], *разварённый* ‘вялый, ленивый, неповоротливый’ (арх.) [СРНГ 33, 281], *просалиться-провариться* ‘пролениться, не работать какое-то время’ [НОС 9, 37]. Мотивационная логика, заложенная во внутренней форме дериватов глаголов *варить* и *печь*, различна: в случае с отвариванием отмечается чрезмерная степень кулинарного воздействия, в другом случае, наоборот, процесс запекания не доведен до конца. Это противоречие снимается при учете мотива вялости, неповоротливости, нерасторопности лентяя, символизирующим рыхлую, неплотную физическую структуру человека, подверженного лени (ср. также

номинацию лентяя *мягкий*), которая не меняется при запекании и еще больше размякает при варке. Значение 'неряшливая, нерадивая хозяйка', реализуемое лексемой *недопёка*, предполагает, наряду со сказанным, представление о хозяйке, которая не способна приготовить пищу, как нужно, довести дело до конца, что является приметой нерадивого отношения к обязанностям.

* * *

Абсолютным показателем значимости данной базовой модели является факт того, что семантическая сфера «Еда» является не только «донором» семантики лени/праздности, но в свою очередь атрибутирует признаком *ленивый* блюда, приготовленные облегченным способом, ср. *ленивые ша'ньги*, *ленивые голубцы* и т.п. Относительным свидетельством актуальности модели можно считать широту и разнообразие моделей и способов номинации, актуализацию фреймового подхода.

Группировка мотивационных признаков отражает, во-первых, актуальность противопоставления деятельности приему пищи, застолью, во-вторых, свидетельствует о важности утилитарной оценки жизнедеятельности лентяя («он зря ест хлеб»); в-третьих, вносит определенные штрихи в «портрет» лентяя (толстый, находящийся в плохом физическом состоянии); в-четвертых, задействует некоторые аспекты деятельности: а) темп выполнения работы (делает медленно), б) результативность (делает комом, не доводит до конца); в-пятых, вводит представление об отсутствии контроля за поступками, безответственности поведения лентяя (ср. 'принимать хмельные напитки').

2.2.11. Мифология

Мифологические представления являются еще одной областью, «питающей» языковой образ бездельника. «Мифологическая» тема в семантико-мотивационном поле «Отрицательное отношение к труду» раскрывается в нескольких направлениях.

Лень как следствие сверхъестественного воздействия. Во внутренней форме отдельных лексем отражается представление о том, что лентяем становится тот, кто «оборотился», превра-

тился из обычного человека в существо потусторонней природы: *оборотень* ‘ленивый человек’ (волог.) [СРНГ 22, 179], ‘ленивый, неповоротливый человек’ [НОС 6, 104]; *обмен* ‘о неловком, неуклюжем; о тяжелом на подъем, ленивом человеке’ (оренб., костр.) [СРНГ 22, 123], *огмен* ‘лентяй’ (вят., перм.) [СРНГ 22, 322] (слово представляет собой фонетический вариант существительного *обмен*; мена *б-г* имеет диссимилятивный или экспрессивный характер). В литературном языке отголосок идеи о том, что «лень это результат действия злых сил» слышен в выражениях типа *лень взяла / охватила / обуяла / напала*. Что касается диалектных единиц, то наряду с мифологической интерпретацией возможна иная, более бытовая, мотивировка, по которой лентяй часто притворяется, прикидывается (ср. *оборотень* ‘лицемер, лживый человек’ [НОС 6, 104]). Возможна также собственно экспрессивная причина появления данных номинаций: генерализация негативной оценки, связанной с «нечистыми» образами обусловила целый спектр отрицательных человеческих характеристик (ср. *обмен* ‘об уродливом человеке’ (арх., тобол., север.), ‘об угрюмом, молчаливом человеке’ (симб., казан.), ‘о неопрятном человеке’ (нижегор., сарат.), ‘дурак, негодяй’ (яросл., волог., олон., сев.-двин.) [СРНГ 22, 123], *оборотень* ‘безобразный и глупый человек’, ‘непослушный, упрямый’, ‘сварливый, несговорчивый’ (арх.) [СРНГ 22, 179], *огмен* ‘ругательное слово’ (перм.) [СРНГ 22, 322]), в котором нашла свое место искомая семантика.

Леший. Согласно народным представлениям, для лешего характерно оборотничество, странное, ненормальное поведение и др. О том, что образ лешего совпадает в некоторых чертах с образом лентяя, свидетельствуют следующие номинации: *лешак* ‘лентяй’ (перм., новг.) [СРНГ 17, 30], *лешачить* ‘лентяйничать, слоняться без дела’ (перм.) [СРНГ 17, 31], *излешиться* ‘облениваться’ (ряз.) [СРНГ 12, 138], *облешиться* ‘облениваться’ (ряз.) (*Облешилась, пироги печь не хоцца — вот до чего облешилась*) [СРНГ 22, 97], *лешобойник* ‘бездельник’ (перм.) [СРНГ 17, 35]. Определенную роль в семантическом сближении сыграла формальная близость глаголов *излешиться*, *облешиться* и *излентиться*, *облентиться*.

Религиозный персонаж. Религиозно-мифологическим субстратом номинации *энох* ‘лодырь’ (волог.) [СРНГ 8, 361] является образ библейского патриарха Еноха, который упоминается в Биб-

лии как праведник, заслуживший особую милость от Господа, поскольку не умер, а был «переселен» Богом [Родионова 2000, 140]. Одним из вариантов иронически-сниженной трансформации исходного мотива праведничества стал мотив хитрости, ср. *éнох* ‘ловчак, хитрец’ (волог.) [СРНГ 8, 361], который и обусловил появление семантики лени.

Ад. Общие негативные ассоциации, сопутствующие образу ада, нашли свое отражение в номинациях *áдовский* ‘неповоротливый, ленивый, бестолковый’ (влад.) [СРНГ 1, 208], *áдовские мужички* ‘неповоротливые, ленивые, бестолковые’ (влад.) [СРНГ 1, 208].

* * *

В актуализации мифологической модели играют роль два основных момента: во-первых, нежелание, неспособность трудиться может объясняться иррациональными причинами, поэтому субъект лени мыслится как бы находящийся под властью нечеловеческих сил; во-вторых, контакт с лентяем выходит за рамки нормальных человеческих отношений (как если бы человек общался не с себе подобным), характеризуется, преимущественно, в терминах обмана и получается соответственно негативную этическую оценку. Реализация данной модели сконцентрирована на оценке субъекта лени, которая, в свою очередь, вводит в свой фокус, преимущественно, двигательную активность лентяя.

2.2.12. Животные

Связь между семантическими областями «Животные» и «Характеристика человека» имеет статус языковой универсалии. Отношения здесь носят двунаправленный характер: названия животных (в целом и отдельных частей тела) являются базой для образной номинации человека, а человеческие качества переносятся на животных, обуславливая устойчивую лексическую сочетаемость (ср. *хитрая лиса, трудолюбивый муравей* и т.п.). В рамках концептуальной модели ЧЕЛОВЕК↔ЖИВОТНОЕ осуществляется и описание ленивого или праздного человека.

Домашние животные. К закономерностям номинативного процесса в рамках данной модели относится продуктивность образов домашних животных. Это вполне естественно, если учесть непосредственное вхождение последних в сферу номинатора. При переносе на лентяя смысловыми доминантами в данных образах являются малоподвижность, склонность к лежачему образу жизни: *каба́н* ‘о ленивом, неповоротливом человеке’ (олон.) [СРНГ 12, 281], *дюк* ‘кабан’ (олон.) [Там же] → *дюк* ‘ленивый, неповоротливый, угрюмый, неразговорчивый человек’ (*Пришел, дома раздевался и на печку забрался — все лежал, как дюк*) (олон.) [СРНГ 8, 303].

По представленному материалу заметно, что, номинатор явно предпочитает образы самцов. Это также подтверждает изменение женского рода лексем *кобыла*, *лань* в общий или мужской род, ср.: *кобыла* ‘о ленивом человеке’ (вят.) [СРНГ 14, 17], *кобыляк* ‘о здоровом, рослом, но ленивом подростке, парне’ (костр., иркут.) [СРНГ 14, 22]; *лань* ‘холеная, откормленная корова’ [КДЭИС] → *лань* ‘ленивый человек, лодырь’ (арх.) [СРНГ 16, 258]. В связи с этим можно предположить, что наиболее часто объектом номинации становятся мужчины, а мотивом номинации может выступать экспрессивное противопоставление физических данных и недееспособности, ср. *буга́й* ‘о сильном, здоровом, но ленивом человеке’ (краснодар.) [СРНГ 3, 236] (при *бугай* ‘племенной бык’, ‘кастрированный бык’ (ворон., тамб., курск., краснодар., астрах. и др.) [Там же]).

Единственная «женская» номинация *хо́вря* ‘неряшливая, нерадивая женщина’ [КСГРС] (< ‘свинья’ [Даль 4, 555]) появилась на основе традиционных представлений о нечистоплотности свиньи, что добавляет дополнительный штрих в портрет ленивой хозяйки.

Требует комментария появление образов кобылы, коня, быка и вола, участвующих в трудовой деятельности, в отличие от остальных животных. Поводом для усмотрения в них качеств лени, вероятно, явилось общее представление о животном как о том, кто не имеет своей воли, кого нужно подгонять, принуждать к труду.

Обращают на себя внимание образы кастрированных животных: *валух* ‘кастрированный баран или бык’ (калуж., смол., орл., липец., казан., астрах., тарск., дон., исык-кульск) [СРНГ 4, 31] →

валух ‘нерасторопный, неповоротливый человек, лентяй’ (ворон., дон.) [СРНГ 4, 31]; *мерин* → *мериньё* ‘о мужчинах-бездельниках’ [СРГК 3, 225] (*валух, мерин*). Выделяемый при этом мотив утраты жизненной силы весьма выразительно характеризует физическое состояние ленивого человека; склонность холощеных животных к малоподвижному образу жизни и предназначенность на откорм также связывает их с лентяем.

Вести себя как животное. Основой для переноса становятся также отдельные черты поведения животных, ср.: *жеребёнок* ‘о человеке, не имеющем определенных занятий, лентяе’ (новг.) [СРНГ 9, 135], *козловать* ‘бездельничать, нигде не работать’ [СРГСУ 2, 237]. Непоседливый нрав этих животных при обозначении лентяя трансформируется в признак неприкрепленности к месту (работы). Возможно также, что связь с бездельем мотивирована их непригодностью к работе, ср. пословицы *Кобыла за делом, а жеребенок и так, Кляча воду возит, а козел бородой потряхивает* [Даль², 311].

Портрет лентяя с приобретенными животными чертами рисуется также в номинациях *залупить хвост* ‘начать праздно шататься со двора на двор’ (ворон.) [СРНГ 10, 224], *гужей не рвать* ‘работать не в полную силу, не перегружаясь’ [СРГСУ 1, 121], *мышей не ловить* ‘облениваться’ [ФСРГС, 107], *отлягаться* ‘уклоняться от дела от работы’ (прибайкал.) [СРНГ 24, 234], *бротаться* ‘бродить без дела, шататься’ (яросл.) [СРНГ 3, 199] (< ‘упрямиться, не идти в нужном направлении (о лошади, корове)’ (яросл.) [Там же], *ископытиться* ‘стать бездельником’ (*Парень-от смиренный, робливый, а ноне совсем ископытился*) [КСГРС], *бызун* ‘драчун, буян; человек, любящий без дела ходить по чужим дворам’ (волог.) [СРНГ 3, 258] (< *бызовать* ‘не бывать дома, гулять’ < ‘бегать, метаться, подняв хвост (о коровах)’ (перм., волог., нижегор., оренб., челяб, ср.-урал.) [СРНГ 3, 341]). Штрихами к портрету бездельника становятся склонность к бессмысленной двигательной активности (*залупить хвост, бызун*), упрямое поведение (*бротаться*), невыполнение своих обязанностей (*мышей не ловить*), уклонение от работы (*отлягаться*).

Глагольная лексема *ископытиться* примечательна тем, что основывается на мотиве порчи, ср. *ископытиться* ‘захромать, повредив, ногу у щиколотки’, ‘разболеться, расхвораться’, ‘сильно

устать, выбиться из сил' [Там же]; тот же мотив реализует лексема *кля'ча* 'о ленивом, неповоротливом человеке' (астрах., вят.) [СРНГ 13, 339] (ср. *кляча* 'хромое животное' [Там же], 'плохая, изнуренная лошадь' [Даль 2, 124]).

В свою очередь, носитель языка может «накладывать» на животное, преимущественно на лошадь, качество лени, включая ее в денотативное пространство идеи лени, ср.: *лáiба* 'ленивая лошадь' [КСГРС], *качáлко* 'о ленивой лошади' (арх.) [СРНГ 13, 142], *валю'жина* 'ленивая лошадь' [СРГСУ 1, 55], *пону́рая ло́шадь* 'ленивая лошадь' [КСГРС].

Отдельный блок составляют фразеологические единицы, реализующие фрейм праздного времяпрепровождения, в котором лентяй каким-либо образом взаимодействует с животным. Основным партнером по безделью в языковом сознании оказывается собака, ср. *собáк гоня́ть* (*дразни́ть* 'бездельничать' [Ивашко, 12], *собáкам се́но коси́ть* 'бездельничать' [Ивашко, 12], *би́ть ши́рсть на соба́ках* 'бездельничать' [СРГК 1, 73 *перебива́ть ши́рсть на соба́ках* 'бездельничать' (ворон.) [СРНГ 26, 26], *на соба́ках ши́рсть рва́ть* 'бездельничать' [НОС 9, 118], *на соба́к ла́ять* 'бездельничать' [КДЭИС], *крути́ть пса́м хвосты́* 'бить баклуши, дурака валять' [СРГК 3, 37]. Поводом для сближения в одном образе собаки и человека послужили, по всей видимости, поведение животного, отличающееся свободой перемещения, неприкрепленностью к месту и негативная оценка хозяйственной полезности (ср. присказку *Собака собаку в гости звала. — Нет, нельзя, недосуг. — Что? — Да завтра хозяин за сеном едет, так надо вперед забежать и лаять* [Даль², 312]).

Дикие животные. Среди образов животных из «неодомашненного пространства при обозначении бездельника задействованы рыбы, мелкие и крупные дикие животные. При метафорическом отождествлении с рыбами у лентяя проявляются некоторые «пассивные» черты: медлительность, холоднокровность: *еле́ц* 'ленивый, толстый человек' (вят.) [СРНГ 8, 341], *менёк* 'ленивый человек' [НОС 5, 81] (< 'налим' [Там же]), *пуза́тый нали́м* 'о ленивом, толстом человеке' (пск.) [СРНГ 20, 17]. Кроме того, рыбам также свойственны неуловимость, «труднодоступность», увертливость, благодаря чему они могут буквально ускользать из рук ловца, что переключается с «особой приметой» лентяя – увидели-

вать, уклоняться от работы, хитрить: *кара́сь* ‘хитрый и ленивый человек’ [НОС 4, 22].

Медлительность, малоподвижность, неповоротливость, связанные с природными свойствами, крупными размерами или способностью впадать в спячку, эксплуатируется и в образе других представителей дикой природы: *тюлень* ‘неповоротливый лентяй’ (арх.?) [Даль 4, 451]; *у́лита* ‘медлительный и ленивый человек’ [НОС 11, 92]; *байба́к* ‘лодырь, бездельник’ (*Лежит, как байбак, наподобие лени, все лежит*) [СРГК 1, 30] (ср. *байбак* ‘сурок’ [Даль 1, 69]), *байбачо́к* ‘о ребенке — неповоротливый, неуклюжий, ленивый’ (южн.) [СРНГ 2, 53], *пробайба́чить* ‘провести время попусту без дела’ (краснодар.) [СРНГ 32, 78]; *охомя́ка* ‘ленивый, вялый человек, увалень’ (арх.) [СРНГ 25, 45]; *ошкуй* ‘лентяй, лежебока’ (мурман., север. арх.) [Там же] (< *ошкуй* ‘белый медведь’ [КСГРС; СРНГ 25, 90]); *у́тельга* ‘толстый, неповоротливый человек, лежебока (чаще о женщинах)’ (< *утельга* ‘взрослая самка тюленя’ [КСГРС]).

Образ глухарки в лексеме *кипалу́ха* (краснояр., иркут., якут., сиб.) [СРНГ 14, 282] способен коннотировать, наряду с малой подвижностью, свойства рассеянности, невосприимчивости (ср. *кипалу́х* ‘ротозей, разиня’ (твер.) [СРНГ 13, 215]), что служит семантической параллелью к образу лентяя, ср.: *кипалу́х* ‘лентяй, лежебока’ (пск., твер.) [СРНГ 13, 215]. Традиционно охота и рыболовство считаются мужскими занятиями, поэтому номинации на основе образов промысловых животных проливают свет на фигуру номинатора.

* * *

В целом, можно говорить об активности «зоологической» модели, выразившейся, прежде всего, в богатом «ассортименте» образов, включающем большую часть домашних животных и значительное количество представителей дикого животного мира. Еще раз обратим внимание на преобладание образов домашних животных над дикими. Причиной подобного перевеса, на наш взгляд, является обращение к образу домашнего животного не только как к представителю биологического вида, но и как к носителю определенной хозяйственной функции, что исключается в

отношении дикой фауны. В связи с этим показателен образ ближайшего крестьянского напарника в труде — лошади, который становится не только базой для номинации по отношению к деятельности, но и ее объектом (наравне с человеком).

Наиболее частотным мотивационным признаком является признак ‘медлительный’, а также синонимичные признаки, характеризующие двигательную активность лентяя. Логическая связь присоединяет к данным характеристикам и объединяет в одно целое признаки ‘утративший жизненную силу’, ‘склонный впадать в спячку’, ‘холоднокровный’, ‘находящийся в болезненном состоянии’, ‘рассеянный, невосприимчивый’. Образ, который представляет совокупность данных признаков можно определить как образ «пассивного» бездельника, чье отрицательное отношение к труду и деятельности в целом исходит из особенностей его физического состояния, темперамента.

Помимо обрисовки статичного портрета бездельника языковое сознание фиксирует также динамичные «картинки», в которых при помощи образов животных отражается отрицательная утилитарная оценка времяпрепровождения лентяя — неисполнение им своих обязанностей, непригодность к работе, уклонение от участия в производительной деятельности, бесполезность его занятий.

2.2.13. Свойства тел и веществ

Ассоциативная связь с тем или иным свойством вещества является одним из универсальных способов языковой концептуализации внутреннего мира человека. Особенностью реализации данной базовой модели является внимание номинатора не столько к результату, сколько к процессу возникновения какого-либо качества.

Размягчение, потеря упругости. Ассоциации с процессом размягчения, разваривания, утраты крепости возникают при наблюдении лентяя, чья неготовность к труду проявляется в упадке сил, физической расслабленности, ср.: *варить* → *развара* ‘вялый, ленивый, неповоротливый, ленивый человек’ (яросл., волог., калин., том., Киргиз АССР, новг.) [СРНГ 33, 281], *разварённый* ‘вялый, ленивый, неповоротливый’ (арх.) [СРНГ 33, 281], *дрябнуть* →

дрябь ‘бездельник, лентяй’ [НОС 2, 107]. Возможно, что лексема *мягкий* ‘ленивый, с ленцой’ (влад., калуж., моск.) [СРНГ 19, 73] метафорически отражает конечную точку того же процесса и демонстрирует схожую логику номинатора: пребывая в состоянии лени, человек чувствует себя «размягченным», лишенным жизненной энергии (ср. *мягкий* ‘медлительный, неповоротливый, малоподвижный’ (яроsl., калуж.) [Там же]).

Затвердевание. Наряду с этим представлением диалектный материал содержит и противоположный образ происходящих с лентяем процессов: *коковёт* ‘остывать и твердеть, черстветь, мерзнуть’ [СРГК 2, 390] → *коковка* ‘лентяйка’ [СРГК 2, 390], *лубо́ня* ‘нерасторопный человек, лентяй’ (моск.) [СРНГ 17, 173] (ср. лит. *лубенеть*). Такое противопоставление свойств твердого и мягкого нейтрализуется в мотиве потери жизненных соков, сил.

Брожение. Ряд единиц, реализующих идею лени/праздности, мотивирован действием по глаголу киснуть: *прокислый* ‘ленивый, нерасторопный’ (*И про мужика, и про бабу говорят: худой, робить, не робит, а прокислый человек*) [КСГРС], *кислу́х* ‘вялый, ленивый, унылый человек’ [СРНГ 13, 233], *кисля’дь* ‘о вялом, неповоротливом, ленивом человеке’ (олон., перм.) [СРНГ 13, 236], *на о́паре киснуть* ‘делать что-либо крайне медленно, лениво’ [КДЭИС], *как мёд киснуть* ‘лениться’ [ФСРГС, 78]. В качестве собственно мотива номинации мы бы выделили негативную оценку заторможенности, медлительности лентяя.

Пониженная температура. Вариацией базовой модели является также мотивация на основе температурного параметра: *прохла́дство* ‘медлительность, неповоротливость, лень’ (волог.) [СРНГ 33, 27] (ср. лит. *рабо́тать с прохла́дцей*. При этом свойство лени может восприниматься и как следствие процесса остывания, ср.: *посты’лый, посты’лой* ‘лентяй, бездельник’ [СРГСУ 4, 449], *посты’льничать* ‘бездельничать’ [СРГСУ 4, 449], *лень сты’лая* ‘очень ленивый человек’ [ССРКК, 135], *осту́жий* ‘ленивый, нерадивый’ (арх.) [СРНГ 24, 93]. В языке на признаковую пару «горячий — холодный» накладывается оценочная шкала, по которой оценивается активность и направленность жизненных процессов человека. Положительный полюс шкалы совпадает с восприятием теплого и горячего (ср. *горячий* ‘полный силы, чувств, возбуждения, страстный’ [Ожегов, 141], *теплый* ‘ласко-

вый, приветливый' [Ожегов, 797]); за отрицательным полюсом закреплено восприятие холодного, мерзлого и остывшего. В отношении лентяя представление о пониженной температуре может быть интерпретировано, с одной стороны, в плане заторможенности двигательных реакций (ср. дифференциальные признаки 'медлительность', 'неповоротливость'), с другой стороны, признак 'холод, отсутствие источника тепла', связывается с душевными процессами и отражает «застывание» нравственной жизни человека (ср. *остужаться* 'стыдиться', 'опозориться' (олон., тамб., пск.) [СРНГ 24, 93], *остуженик* 'человек, потерявший стыд, совесть' [Там же]).

* * *

Специфика данной базовой модели проявляется в сопоставлении с подобной моделью в мотивационном пространстве идеи интеллектуальной неполноценности, в которой акцент ставится на вопросе, из чего, из какого материала сделан дурак (ср. *высыпать из себя глину* 'притворяться простоватым, недалеким человеком' [СРНГ 6, 36], и следующие номинации глупого человека — *глиняная голова, медный лоб, жиднячок* [Леонтьева, 2003, 209]). В отличие от дурака номинация бездельника в качестве сферы отождествления использует не сами материалы, а их свойства, т.е. важен не столько онтологический, сколько функциональный аспект.

Перенос свойств вещества на лентяя в большинстве номинаций обусловлен отрицательной оценкой его двигательной активности. Кроме того, оценка, мотивирующая данный семантический пернос, может: а) в общем виде характеризовать физическое состояние ленивого человека, усматривая в нем отсутствие жизненного тонуса; б) основываться на отрицательном восприятии эмоционального состояния ленивого человека — унылости, равнодушия; в) свидетельствовать о бесполезности деловых усилий лентяя (утилитарная оценка); г) затрагивать степень готовности на работу; д) приравнивать нерадивость в работе и отсутствие стыда, совести, актуализируя этическую оценку.

2.2.14. Предметы неодушевленного мира

Мотивационная модель ‘человек’ ← ‘предмет неодушевленного мира’ продуктивна в разных областях номинативной деятельности человека (антропонимия, пословицы, загадки, различные тематические группы в лексике). В качестве способа описания ленивого человека данная модель привлекательна, прежде всего, в экспрессивном плане.

В описание данной модели мы внесли не все характеристики лентяя и его жизнедеятельности, для которых релевантно сопоставление с тем или иным предметом: во-первых, некоторые из них более или менее исчерпывающе описываются в рамках другой модели (так, номинация лентяя через наименования продуктов питания рассмотрена при описании базовой модели ЕДА: *ко-лобёна*, *бу’бень* и др.); во-вторых, номинация зачастую осуществляется метонимическим способом и актуализирует индивидуальные смыслы (ср. *алты’нник* как ‘имеющий алтын’, *приколотная гривенка* как ‘заработавший гривенку подаванием’, *горно давить* как ‘лежащий на горне (печи)’ и др.). Основное содержание модели составляют номинации, возникшие на основе метафорического переноса свойств деревянных и матерчатых изделий.

В создании «предметного» образа лентяя сыграли роль два основных параметра любого предмета: материал и функциональность. Наиболее актуальным для номинации лентяя явилось обращение к наименованиям деревянных предметов, не имеющих самостоятельной ценности или малофункциональных — палок, деревянных обрубков, частей какого-либо механизма. Данный «ассортимент» предметов неоднороден в плане мотивации качеств ленивого человека.

Твердый, древесный характер материала. В портрете лентяя лентяя это качество символизирует его глупость и упрямство: *лазбень* ‘деревянный или лубочный ящик’ (курск., ворон.) [СРНГ 16, 242] → *ла́збень* ‘о глупом или ленивом человеке’ (смол.) [СРНГ 16, 242], *ослопи́на* ‘большая палка’ (костром., север.-вост. урал.) [СРНГ 24, 25] → *ослопи́на* ‘толстый, неповоротливый человек; бездельник, упрямец’ (арх.) [СРНГ 24, 25], *ослопа́н* ‘лентяй’ (арх.)

[СРНГ 24, 25] (ср. *ослопáн* ‘великорослый, но глупый человек, болван, остолоп’), *óслопень* ‘лентяй’ (новг.) [СРНГ 24, 25].

Деревянные обрубки. Ряд номинаций построен на базе обозначений предметов, в число свойств которых входит «деревянность», объем, тяжесть, а также лежачее, «бросовое» положение. Совокупность данных признаков сформировала языковой образ неповоротливого, нерасторопного лентяя или лежебоки: *колода* → *колóдина* ‘лежебока, лентяй’ (твер., пск.) [СРНГ 14, 157], *калбан* ‘толстый обрубок дерева, чурбан’ (урал.) [СРНГ 12, 340] → *калбáн* ‘о ленивом, неповоротливом человеке, лежебоке, лентяе’ (перм., урал.) [СРНГ 12, 340]; *колбатíна* ‘тяжелый, пропитанный водой обрубок, дерева’ (олон.) [СРНГ 14, 112] → *колбатíна* ‘о ленивом, неповоротливом человеке, лежебоке, лентяе’ (олон.) [СРНГ 14, 112].

В пространстве предметных образов обнаруживаются также жерди и столбы, обычно представляемые в вертикальном положении, что при переносе на лентяя акцентирует высокий рост и связанную с ним неуклюжесть, нескладность, ср.: *жердь* → *ожердяй* ‘о ленивом подростке’ [СРГК 4, 162] (ср. *ожердяй* ‘о нескладном, высоком и длинном подростке’ [Там же]), *на́долба* ‘подпорка’, ‘приворотный столб’ (волог.) [СРНГ 19, 243] → *на́долба* ‘о девушке, рослой не по годам, неповоротливой и ленивой’ (ульян.) [СРНГ 19, 243], *очепáло* ‘высокий, физически сильный, но ленивый человек’ [СРГСУ 3, 389] (ср. *óчан* ‘колодезный журавль’, ‘жердь для подвешивания колыбели’ [Подвысоцкий, 115]); *охлупень* → *óхлупень* ‘ленивый человек’ [КДЭИС], ‘лентяй’ [КСГРС] (ср. *óхлупень* ‘высокий человек’, ‘неповоротливый человек’).

Тряпка. Признак малой пользы роднит образования на базе палок, жердей, столбов и группу номинаций, в основе которых лежит сравнение с бросовым лоскутом ткани: *ону́чка* ‘лентяй(-ка)’ (смол.) [СРНГ 23, 228] (ср. *онучечка* ‘тряпочка’ (смол.) [СРНГ 23, 227]). В фокус зрения номинатора попадают также бесформенность мешка, «выливающаяся» в мотивационный признак «медлительный, нерасторопный, нескладный»: *кошеля’ть* ‘медлить, мешкать’ (пск., твер.) [СРНГ 15, 147] → *кошелева́тый* ‘медлительный, нерасторопный, ленивый’ (яросл., твер., пск.) [СРНГ 15, 143] (ср. *кошель* ‘небольшой мешок, котомка’ (перм., вят., киров.,

горьк., костром.) [СРНГ 15, 227]), *армэчить* ‘бездельничать’ [СРГСУ 1, 28] (ср. *армячина* ‘грубое, домотканое сукно’, ‘одежда из такого сукна’ [Там же], *армяк* ‘растяпа’ [СРГСУ 1, 28]) и образ пустой емкости актуализирующий признак «бестолковый»: *шалган* ‘заплечный мешок, котомка’ [КСГРС] → *шалган* ‘бестолковый человек, бездельник’ [КСГРС].

Одежда. В народных представлениях одежда имеет знаковый характер; одна из ее символических репрезентаций обозначает нежелание работать. В этой функции используются наименования одежды, а точнее отдельной ее части (рукав, украшение), которая затрудняет передвижение и выполнение действий: *спустя рукава* (*работать, относиться к делу*) ‘небрежно, без всякого старания, кое-как’ [СОВРЯ, 162]. Склонность к украшательству, по мнению носителя, свидетельствует о неготовности лентяя к «черной» работе: *галун* ‘кант, серебряное шитье’ [Даль 1, 204] → *галунный* ‘белоручка’ [СРДГ 1, 94].

* * *

Выбор деревянных и матерчатых артефактов в качестве производящих единиц и релевантность оценки по степени полезности в хозяйстве вписывает представленные номинативные модели в концептуальную модель «человек — объект (продукт, орудие) чьей-то деятельности» [Рут 1992, 68]. При этом номинация может опираться и на такие стороны предметов, как материал, форма, объем.

В целом, данная базовая модель «работает» на статический портрет лентяя, затрагивая в нем такие аспекты, как внешний вид (высокий), умственные способности (глупый, бестолковый), взаимоотношения с людьми (упрямый), динамические качества (медлительный, нерасторопный).

Для реализации данной модели актуальна также утилитарная оценка по степени полезности.

Подводя черту под описанием базовых моделей в семантико-мотивационном поле «Отрицательное отношение к труду», отметим существование двух моделей, являющихся специфичными для данного поля: ОБРАЗ ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЯ и

ПРЕДМЕТЫ НЕОДУШЕВЛЕННОГО МИРА. Среди остальных моделей по количественному показателю выделяется модель ДВИЖЕНИЕ. Причины столь частого обращения носителя языка к данной денотативной сфере проясняются при сопоставлении с противоположным полем, в котором центром внимания является ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: с логической точки зрения и то, и другое являются видами активности, но движение не описывается в терминах пользы, результативности, усилий и т.п., что определенным образом характеризует лентяя и его жизнедеятельность. Вместе с тем, базовая модель ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ также весьма продуктивно разрабатывается при концептуализации лени/праздности, в силу того, что отношение к разным видам деятельности является определяющей характеристикой лентяя.

2.3. ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ КОНЦЕПТОВ «ЛЕНИ/ПРАЗДНОСТИ» И «ТРУДОЛЮБИЯ»

Цель данного параграфа — выявить этнокультурную информацию, заложенную в механизмах смысловой связи изучаемых концептов в рамках процесса оязыковления. Исследовательской базой послужило широкое использование метода сопоставления при изучении концептов — синонимичных (см. работы из серии «Логический анализ языка», лексикографические статьи Нового объяснительного словаря синонимов) и антонимичных (см., в частности, работы В.А.Лукина [Лукин 1996], Н.Б.Мечковской [Мечковская 2002], Е.Бартминьского [Бартминьский, Небжеговская 1999]).

Концептуальный анализ антонимичных пар опирается на типичные линии взаимоотношений между разными концептами. Во-первых, корреляция может предполагать **симметрию** концептов в каком-либо аспекте (ср. приводимые В.А.Лукиным статистические выкладки, которые свидетельствуют о примерно равном количестве слов, реализующих концепты противоречи и согласия на современном этапе развития языка [Лукин 1996, 145]). Во-вторых, процессы лексической объективации противоположных идей могут пересекаться, приводя к отношениям **тождества**

(ср. совпадение этимонов слов со значением ‘начало’ и ‘конец’ [Мечковская 2002, 70]). В-третьих, в процессе концептуализации объект может восприниматься с одной, только ему свойственной, стороны или интерпретироваться с особой позиции, что проявляет **асимметрию** концептов.

Оппозиция двух полюсов поля «Отношение человека к труду» реализует все указанные виды связи, что делает их основными единицами сопоставительного анализа.

1. Симметрия противоположных идей на номинативном уровне проявляется во взгляде на объект номинации под одним углом зрения и разведении признаков объекта по разным полюсам одной шкалы оценок.

Ономасиологический анализ единиц, воплощающих идеи лени/праздности и трудолюбия, показал, что субъекты отрицательного и положительного отношения к труду получают контрастные характеристики в сходных аспектах. Противопоставление по одному и тому же признаку свидетельствует о включенности данного признака в выработанную традиционным сознанием систему ценностей. Ниже будут представлены те фрагменты образов лентя и труженика, которые были разработаны с одних и тех же позиций (левая колонка представляет семантико-мотивационные модели поля «Положительное отношение к труду», правая — «Отрицательное отношение к труду»).

Деятельность

<ul style="list-style-type: none"> • заниматься производительной деятельностью; • быть увлеченным делом; • входить в контакт с делом; • углубляться в дело; • заботиться о деле; • осуществлять контроль над деятельностью; • делать быстро; • приходить на помощь другим работника 	<ul style="list-style-type: none"> • не заниматься производительной деятельностью; • не иметь желания работать; • отбиваться, уклоняться от дела; • не вникать в существо дела; • не проявлять заботы о деле; • нуждаться в понукании; • делать медленно, мешкать; • не помогать, не поддерживать в работе
---	--

Физическое состояние

<ul style="list-style-type: none"> • обладать твердой, плотной структурой; • быть сильным, физически крепким; • иметь активные жизненные процессы	<ul style="list-style-type: none"> • обладать неплотной, рыхлой структурой; • быть слабым, болезненным; • быть заторможенным в жизненных процессах
--	---

Собственность

<ul style="list-style-type: none"> • накапливать, собирать; • иметь дом, домашнее хозяйство; • владеть капиталом	<ul style="list-style-type: none"> • расточать, проматывать; • не иметь дома; • иметь скудный денежный ресурс
---	--

Поза

<ul style="list-style-type: none"> • находиться в согнутом положении; • стоять на ногах	<ul style="list-style-type: none"> • быть не способным согнуть спину; • лежать, сидеть
--	---

Умственные способности

<ul style="list-style-type: none"> • умный, знающий, сообразительный	<ul style="list-style-type: none"> • глупый, бестолковый, рассеянный
---	---

Регулярность симметричной оппозиции проявляется также в речевых контекстах.

1.1. В подавляющем большинстве случаев носитель языка сталкивается в словесных рамках тему лени/праздности не с трудолюбием и мастерством, а с понятиями работы, дела, труда. Это актуально для разных речевых отрезков:

✓ **в речевом контексте** интеграция признаков не только фиксирует наличие смысловой связи, но и противопоставляет, стоящие за словами понятия безделья и работы: ср. *Подделаю, лягу, лежу даром; Работала, не огревала носу* и имеет, как правило, прагматическую нагрузку — выражение оценки одобрения: *Раньше были беломойки, а теперь все работают*, неодобрения: ср. *Он все на ней выезжал — она работает, а он лодыря корчит; Все работают, а он юла, хоронится, при юла 'лентяй' [КСГРС]; Ну ты че мантолишь-то, при манто 'лечь 'лентяй, отлынивать от работы' [КСГРС])* или побуждение к действию: *Работай — какой*

ты бавтрюк, при бавтрю'к 'лентяй, тунеядец' [СРНГ 2, 32]; *А я сижу банкетую. Дело нужно делать, а не лясы строить;*

✓ **в пословицах** носитель языка, сталкивая лень и работу, бездельника и работника, также стремится противопоставить их, ср.: *Работа с зубами, а леность с языком; Наши пряли, а ваши спали; Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; Труд человека кормит, а лень портит; Ленивый к обеду, ретивый к работе; Люди жать, а мы под межою лежать; Рядись, не стыдись, а работай, не ленись.* Особенно ярко это проявляется в пословицах о взаимоисключающем характере лени и работы, ср. *Либо пахать, либо песни играть; Отлежав бока, не любо за молотило взяться; Пахать, так не дремать; Девушка гуляй, а своего дела не забывай; Песню играть — не поле орать.* Единство места и времени возможно только в ироническом контексте, ср. *Хорошо на печи пахать; Ленивый сидя спит, лежа работает.*

Совмещение безделья и работы может иметь характер чередования (ср. посл. *Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем*), а также служить средством выражения иронии. «Водораздел» между ними проходит во времени (*Раньше были беломойки, а теперь фсе работают*), в различии человеческих характеров (*Все работают, а он кое-как в стороне*; посл. *Один рубит, семеро в кулаки трубят*), в наличии/отсутствии контроля (*А я сижу банкетую. Дело нужно делать, а не лясы строить; Сижу свободничаю, а дела делать надо*; посл. *Рада б я пряла, да лень напала*).

1.2. Что касается пары «лень/праздность» — «трудолюбие/мастерство», то «сцепка» понятий проявляется в ряде контекстов, ср. *Эта, как машина, а эта ни в сноп, ни в горсть, нигде не подается; Легостаев у нас в семье нет, все работающие; Батька работающий, а парень болтается без дела; Наряд дело делает, а безнарядица гуляет; Андрюха у нас трудяга, а этот балалой страшный (балало 'й 'лентяй' [СРГК 1, 34]); У него зависть есть, а у нас лени много; Тот истошной на все, а этот бестошный, ничево не умеет.* Ограниченность подобной корреляции свидетельствует о том, что дифференциальный смысл понятия трудолюбия нейтрализуется в более общем концепте работы. Вместе с тем, обращает на себя внимание однотипность контекстов — противопоставляются субъекты-носители качества; таким образом, можно предположить, что лень и трудолюбие как постоянные

свойства в сознании носителей русского языка редко чередуются во времени и совмещаются в одном человеке.

2. Тождество концептов проявляется в нейтрализации различий на каком-либо этапе словопроизводственного процесса и свидетельствует об общности способов концептуализации противоположных понятий.

2.1. Наблюдение носителем языка за образом жизни и деятельностью лентяя и трудолюбивого человека выделяет одни и те же черты, запечатлевая их в тождественных мотивационных признаках:

- ‘сидеть’ → ‘работать долго, усердно’ // ‘быть ленивым, нерасторопным, бездельничать’;
- ‘есть много’ → ‘работать много, быстро’ // ‘быть ленивым’;
- ‘двигаться/работать быстро’ → ‘быть работающим’ // ‘уклоняться от дела, бездельничать, плохо работать’;
- ‘двигаться/работать медленно’ → ‘быть старательным работником’ // ‘быть ленивым, нерасторопным’;
- ‘двигаться беспорядочно, беспокойно’ → ‘усиленно работать’ // ‘болтаться без дела’;
- ‘не иметь сдерживающих моментов в поведении’ → ‘лениваться, стать ленивым’ // ‘быть усердным, работающим, мастером на все руки’;
- ‘хитрый, плутоватый’ → ‘мастер, высококвалифицированный работник’ // ‘быть лодырем, бездельничать; недобросовестно выполнять работу’.

Подобные совпадения нельзя трактовать без учета различия мотивировок, обуславливающих выбор признака. Так, образ сидящего человека оценивается положительно только в случае наличия видимого дела, если же такового нет, сидячее положение становится показателем пассивности и основанием для неодобрительной оценки. Мотив хитрости и плутовства при квалификации лентяя характеризует его поведение, сопровождаясь негативной этической оценкой; при характеристике хорошего работника — его деловые способности, что коррелирует с положительными коннотациями концепта хитрости³³. Мотив быстроты движения зачастую эксплицирует представления о степени проявления признака,

---

³³ О пересечении концептов хитрости и ума см. [Леонтьева 2002].

являясь основой для экспрессивности единиц. Факт совпадения двух идей в признаке медлительности мало о чем говорит, поскольку его реализация в поле «Положительное отношение к труду» носит, скорее, характер исключения (судя по количеству номинаций); в противоположном поле, наоборот, он является сквозным для многих единиц.

2.2. Экспрессивность единиц, обозначающих отношение человека к труду, также является фактором, нейтрализующим различия между концептами отрицательного и положительного отношения к труду. Субъективное впечатление о степени проявления признака может становиться мотивом для реализации идей лени и трудолюбия, ср. *охлопок* ‘лентяй’, *охлыст* ‘лентяй’, *хлобытать* ‘бродить праздно, шататься, бить баклуши’ // *хлопать* ‘интенсивно работать, «пластаться», хлопотать’, *хоботить* ‘делать что-либо усердно, быстро’, *бой* ‘человек, быстро работающий и везде поспевающий’.

2.3. Способы оязыковления двух идей могут пересекаться при выборе одной и той же лексической оболочки. Энантиосемия исследуемых значений отмечена в следующих единицах: *кехтать* ‘лениться’ // ‘усердно работать, не лениться’, *обиходница* ‘ленивая женщина, которая живет в лени и праздности’ // ‘рачительная и расторопная хозяйка’; *ерыкала* ‘долговязый, пустой человек, ведущий праздный образ жизни’ // ‘работающий, трудолюбивый человек’. Сочетание в слове противоположных коннотаций не редкость в сфере семантической оценки и порождается, как правило, иронией.

3. Область асимметрии — это совокупность специфических черт каждого концепта.

3.1. Одним из ярких примеров индивидуальности концептов можно считать появление положительных коннотаций у отрицательно оцениваемого качества, ср. мотивы удовольствия, свободы, отдыха в поле лени/праздности (*легоша* ‘лентяй, лежебока’; *запроклажаться* ‘начать проводить время в безделье, в удовольствиях’; *жириться* ‘бездельничать’; *свободничать* ‘бездельничать’) и отрицательных — в положительной семантике трудолюбия, реализуемых в мотивах мучений, жадности, отсутствия контроля над поведением (*аред* ‘злой, жадный до какого-либо дела человек’; *вытягивать жилы* ‘работать усиленно, не жалея себя’;

выходить из кожи вон ‘очень интенсивно что-нибудь делать, стараться’; *отёрва* ‘о том, кто на все руки мастер’).

3.2. Как было показано выше, тождество концептов зачастую служит отправной точкой для поиска отличий. В связи с этим, сопоставление одноименных базовых моделей в семантико-мотивационных полях «безделья» и «трудолюбия» способно как нельзя лучше продемонстрировать своеобразие логики концептуализации противоположных идей.

ЧЕЛОВЕК КАК БИОЛОГИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО

В процессе концептуализации идеи лени номинатор регулярно обращается к данной сфере с целью охарактеризовать рост, телосложение, вынося оценку на основании несоответствия этих данных и желания человека трудиться. Для создания образа трудолюбивого человека подобные внешние признаки оказываются, видимо, периферийными, поскольку соответствующая мотивационная модель в поле «трудолюбия» ограничивается номинацией *суякотка*.

В реализации «соматической» модели более продуктивна идея лени/праздности (ср. активность образа ног, использование наименований бока, шеи, живота, лба, глаз). Спецификой идеи трудолюбия является в данном случае, то, что она задействует некоторые внутренние органы (жилы, кость, сердце). Таким образом, мы сталкиваемся с оппозицией когнитивных категорий внешнее — внутреннее.

В характеристике усердного труда и работающего человека стереотипно представление об изменениях, происходящих в физическом облике человека в результате тяжелого труда (*горбачок, вытягивать жилы, мозолиться, потовик, ломать кости, сломать пальцы*). В поле лени/праздности мотиву деформации противопоставлен мотив патологии (*обрублены руки по пояс, руки не с того места растут*). Стоит отметить также, что первый мотив имеет большую значимость в своем поле, чем второй. Нетрудно заметить, что противопоставление здесь идет по линии следствие — причина.

И в том и в другом поле «соматическая» модель преимущественно реализуется фразеологическими единицами, но идея лени в большей степени эксплуатирует их экспрессивный образный по-

тенциал, разворачивая, метафору «бездействующих» рук, в которой начинают играть роль пальцы, локти.

К общим денотативным участкам семантической сферы «Человек» относится эмоционально-волевая сфера. Но более близкое рассмотрение особенностей мотивирующих единиц выявляет характерные случаи несовпадения логики носителя языка в отношении лени и трудолюбия. Так, характеризуя эмоции лентяя, номинатор отрицает саму реальность «хотения» им чего-либо (*нехоть, неохота, нехотиха, некехтовый*); а для оценки трудолюбивого человека факта наличия желаний оказывается недостаточно, поэтому номинация строится на основе представлений о формах и степени эмоциональных устремлений (*отважный, заполошный, жестокий* и др.). Таким образом, идея трудолюбия демонстрирует более дифференцированный подход, а лень ограничивается общей оценкой.

В целом можно отметить, что портрет лентяя более детализирован, но при этом более поверхностен; портрет труженика является менее пестрым, но он рисует некую внутреннюю волю человека, направленную на определенный объект.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В рамках данной модели для «трудолюбия» типично использование видовых наименований деятельности: промысел, занятие; выполнять, стругать, конопатить, рыть. Характеристика отрицательного отношения к труду задействует, скорее, качественный аспект деятельности: лентяй не желает заниматься «черной» работой, предпочитает работу, не требующую личной ответственности и значительных усилий, традиционно женские занятия.

И в том, и в другом поле существует блок номинаций, мотивированных составляющими трудового процесса. Идеи трудолюбия и лени отражают посредством внутренней формы лексических единиц разные аспекты деятельности: трудолюбие — объем работы (*двойник, многодильный*), цель работы (*обряжуха, строевой*), способ выполнения (*конопатиться*); лень — результативность (*делать на клин, пагуба, абыкать*), темп работы (*копя понуздать, понуга*), взаимодействие с другими работниками (*непод-*

споривший). Значимым в этнокультурном плане является факт наличия в поле трудолюбия мотивационной модели ‘характеристика человека по отношению к труду’ ← ‘наименование рода деятельности, профессии’ (*коваль, дохтур, комедчик, гусар*) и ее отсутствие в антонимичном поле, что свидетельствует о высоком статусе профессиональных знаний и умений в системе ценностей народа. Вместе с тем традиционное сознание отрицательно маркирует некоторые занятия: прежде всего, работу на отхожих промыслах и работу по найму (*десятильщик, бурлака*).

ДВИЖЕНИЕ

Концептуализация идей трудолюбия и лени/праздности изначально ориентируется на разные аспекты движения. Идея трудолюбия связывается, преимущественно, с темпом (ср. оппозицию «быстро работать» — «медленно работать»); для вербализации идеи лени/праздности важен аспект цели и направления движения (мотивы разнонаправленности, потери направления, выбора не того направления).

Семантическое развитие значений, связанных с идеей безделья, осуществляется в контексте нормативной (ср. обращение к семантике «маятникового» движения) и моральной (представления о направлении движения коррелируют с образом жизненного пути и представлением цели как ценностного ориентира) оценок. В связи с подобными наблюдениями можно отметить преобладание нейтральных производящих основ в реализации данной модели в поле трудолюбия и спектр экспрессивных лексем, служащих базой для развития значений лени или праздности. На основании сказанного можно судить о доминировании рационально-эмпирического подхода к концептуализации идеи положительного отношения к труду и эмоционально-ценностного — в отношении противоположной идеи.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Мотивационные отношения внутри данной базовой модели определяют круг глаголов физического воздействия, участвующих в производстве единиц обоих полей: *бить/ударять/хлопать, ломать, гнуть, крутить/вертеть, мять*. Помимо перечисленных, семантика трудолюбия связывается также с действиями по глаголам *пластать, драть/рвать/щипать/цапать, давить, дви-*

гать/перемещать, бросать, хватать; а представления о лени формируются на базе ассоциативной семантики глаголов *трясти, толкать/пинать*.

Большая значимость модели в поле «Трудолюбие» диктуется срабатыванием языкового механизма, по которому семантика воздействия на предмет становится основой для формирования экспрессивных смыслов: понятийный компонент в производящей семантике отходит на второй план, выдвигая в качестве мотивационного признак интенсивности (*отчебучивать, отпластывать, ломом ломить*).

Для выяснения сути различий между ленью и трудолюбием показательно обращение к семантике *гнутья*. Во-первых, единиц, реализующих эту модель, в поле лени/праздности в 4 раза больше, чем в противоположном поле. Во-вторых, множества производящих основ не накладываются друг на друга (единственное исключение — основа *гиб-*). В-третьих, различается оформление производных глаголов: идея лени реализуется по преимуществу возвратными глаголами, что в целом нехарактерно для трудолюбия. В-четвертых, внутренняя форма единиц трудолюбия связана с обозначением позы работающего человека, для лени характерно символическое обозначение неправильной, «изогнутой» линии поведения лентяя (различие на уровне квазиденотатов). В-пятых, на семантику *гнутья* в ее пути к семантике лени/праздности накладываются некоторые поведенческие мотивы — упрямства, кривляния, притворства; идея трудолюбия больше связана с согнутой позой работника.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

При сопоставлении лексических реализаций данной модели в рамках двух полей нужно констатировать различия в самой общей логике мотивации: в поле «Отрицательное отношение к труду» «пространственные» лексемы фиксируют, в основном, представления о позе, в которой лентяй проводит праздные часы; для реализации идеи усердного труда в большей степени важно представление о пространственной близости субъекта и объекта труда, демонстрирующей увлеченность процессом.

Подобное различие определяет несовпадение представлений в, казалось бы, пересекающихся моментах. Так, и в том, и в другом

поле существуют единицы с корнем *вал-*; но, если лексему *валкий* ‘прилежный, старательный’ следует трактовать как «стремящийся войти в тесный контакт с предметом труда», то внутренняя форма лексемы *вальковатый* ‘ленивый и неповоротливый человек’ связана с признаком «неспособный держаться на ногах».

Интересно также противопоставление вариантов идеи пространственной закрепленности. Если лентяй зачастую мыслится прикрепленным к своему излюбленному месту, то трудолюбивому человеку как бы изначально присуща устойчивость.

СОБСТВЕННОСТЬ

И та и другая идея реализуется через мотив, характеризующий отношение к собственности, но его содержание не антонимично: мотив жадности — в поле трудолюбия и мотив неряшливости — в поле лени/праздности.

Идея трудолюбия, обращаясь к единицам поля собственности, разрабатывает целый «сюжет», в котором усердно работающий человек последовательно стремится к обладанию собственностью: желает иметь — хватает — имеет — не упускает — является жадным. Характеристика лентяя в аспекте собственности заключается, в основном, в перечислении того, чем не обладает лентяй (домом, землей, деньгами, одеждой). Подобное различие можно определить как оппозицию «процесс приобретения собственности» — «имущественный статус», т.е. в категориях динамики и статики.

Особенность корреляции двух идей отмечается в рамках мотивов жадности и скупости. Несмотря на синонимичность понятий жадности и скупости между ними есть важное для нас различие, которое проявляется в определении *скупого* как ‘избегающего расходов’ [Ожегов, 727] и *жадного* как ‘стремящегося к наживе’ [Ожегов, 189]. В самом общем виде это вытекает в противопоставление пассивности и активности в действиях.

ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ

Данная модель, безусловно, имеет бóльшую значимость в реализации идеи лени/праздности. Основное различие коренится в том, что характеристика лентяя в социальном аспекте, как правило, связана с ситуациями взаимодействия: лентяй — тот, кого ба- луют / кто обманывает / кто мешает / кто кажется чужим, диким,

странным / кого гонят, проклинают; а типичная оценка трудолюбивого человека представляет собой некий статус среди других работников — «первый», «находящийся впереди».

ЕДА

Базовая модель ЕДА является одной из наиболее «асимметричных». Сходство мотивационных механизмов ограничивается обращением к фрейму принятия пищи и актуализацией признака хорошего аппетита едока. Подобие симметрии устанавливается только в конверсивной оппозиции «кормить кого-то — есть заработанное чужим трудом». Специфика концептуализации идеи лени проявляется а) в образном отождествлении лентяя и его деятельности с тем или иным продуктом или кулинарным процессом (*ватруха, непроёка, развара*); б) в трансформации процесса принятия пищи в определенный поведенческий фрейм (*банкетать, алахарничать*); в) в использовании символики пищи как источника жизнедеятельности и представлении, что лентяй существует на заработанном чужим трудом.

ЖИВОТНЫЕ

Существенным моментом в данном случае является значительный количественный перевес номинативного материала в поле лени/праздности: 54 номинаций лентяя и безделья против 11 номинаций хорошего работника и усердного труда. Если квалификация трудолюбивого человека через образы животных обусловлена в большей мере языковыми причинами (действием экспрессивного механизма в случае оценочной номинации), то основания для сравнения лентяя с животным этим не ограничиваются и имеют концептуальный характер.

Общими для характеристики лентяя и трудолюбца являются только образы лошади и вола. Денотативные участки, откуда заимствуются «зоологические» образы разводятся: со стороны лени — «Дикие (промысловые) животные», «Рыбы», со стороны трудолюбия — «Насекомые».

МИФОЛОГИЯ

Параллели в реализации данной модели возникают при обращении к одному репертуару мифологических образов: персонажи низшей демонологии (*леший // кикимора, черт*), образы, восхо-

дящие к прецедентным именам религиозной мифологии (*енох, лазарь // аред*), посредники между сверхъестественным и человеческими мирами (*обмен, оборотень // кудесник*). Тем не менее, линии мотивационной связи, протягивающиеся от полей, не пересекаются ни на одном персонаже.

Расходятся также представления, стоящие за образным отождествлением человека и мифологического персонажа. Так, в оценке ленивого человека большую роль играет мотив обмана, значим также мотив дикости, что говорит о доминировании социально-этической позиции, основываясь на которой, носитель языка заостряет внимание на ситуациях взаимодействия с лентяем. Образ прядения, мотивы суеты, интенсивности действия, жадности, чуда, возобновляющиеся в мотивационной семантике трудолюбия, связаны, скорее, с интенциями, возможностями и особенностями собственно субъекта труда и его деятельности.

Характерно различие в денотативной направленности производных глаголов, относящихся к данной модели: глаголы с семантикой лени описывают поведение человека, глаголы, реализующие противоположную идею, связываются с деятельностью человека, тяжелым физическим трудом.

* * *

Анализ корреляции концептов «лени/праздности» и «трудолюбия» привел к выводу о самостоятельности формирования концептов в сознании и языке при наличии разных типов смысловой связи. Асимметрия преобладает над симметрией. Случаи пересечения смыслов связаны с экспрессивной природой единиц, выражающих отношение к труду. Логика формирования концептов «лени/праздности» и «трудолюбия» опирается на определенные когнитивные и аксиологические ориентиры, которые можно представить в виде ряда оппозиций, соответственно: внешнее — внутреннее; эмоциональное — рациональное; поведение — деятельность; динамика — статика; взаимодействие с людьми — личностное проявление; этическое — утилитарное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование представляет собой опыт этнолингвистической реконструкции области народных представлений, связанных с отношением человека к труду. В качестве языковых источников, проливающих свет на логику человеческого восприятия действительности, были выбраны семантика и мотивационные модели единиц лексико-семантических полей «Положительное отношение к труду» и «Отрицательное отношение к труду».

Совокупность представлений, эксплицируемых семантической организацией и мотивационными отношениями единиц лексико-семантического поля «Отношение человека к труду», структурируется в виде двух информационных блоков: первый — хранит «портреты» типичного лентяя и труженика, включающего «кадры» из их жизнедеятельности; второй — отражает комплекс ценностно-нормативных представлений носителя языка о самом труде. Однородность смыслов, выявленных на разных уровнях содержания, позволяет связать их в своего рода метатекст, систематизирующий информацию об отражаемом в языковом сознании объекте действительности³⁴.

«Портрет» субъекта положительного отношения к труду. Внешний вид. Имеет некоторые физические отклонения, вызванные напряжением: горб, мозоли. Как правило, небольшого роста. Владеет не только правой, но и левой рукой. П о з а . Пребывает преимущественно в согнутом положении. Иногда предстает сидящим. Общее физическое состояние. Достигший зрелости. Физически крепкий, сильный, выносливый. Имеет внутренний источник жизненной активности. Жизненные процессы активны. Температура тела повышена. Имеет хороший аппетит. Часто испытывает физические страдания, которые являются последствиями тяжелой работы. Д и н а м и ч е с к и е в о з м о ж н о с т и . Подвижен, способен быстро двигаться и действовать, легок на подъем. Почти никогда не находится в состоянии покоя и отдыха. Может быть суетлив в движениях. Иногда бывает

---

³⁴ О методике когнитивно-ориентированного описания фрагмента действительности см. [Апресян 1995б; Бартмицкий, Небжеговская 1998; Березович, Рут 2000].

медлителен. Интеллектуальные способности. Сообразителен, обладает знаниями, в том числе специальными, и опытом. В особой умелости усматривается элемент хитрости. Эмоционально-волевая сфера. Страстный, горячий, смелый. Проявляет эмоциональное беспокойство. Проявление эмоций могут выходить за рамки социальной нормы. Нравственно-поведенческая сфера. Имеет твердую внутреннюю опору. Иногда не способен контролировать свое поведение. Взаимодействие с другими людьми. С одной стороны, дружелюбен, умеет ладить с людьми, готов прийти на помощь, послушен, безотказен, с другой стороны, может быть груб, замкнут. Социальный статус. Превосходит других работников. Частная собственность. Стремится к обладанию; накапливает, собирает вещи; иногда проявляет жадность. Видит материальное благополучие как цель деятельности. Заботится о доме, домашнем хозяйстве. Усердным трудом способен заработать неплохой капитал. Деятельность. Имеет внутреннюю потребность в работе. Занят полезным производительным трудом. Постоянно заботится о каком-либо деле. Не боится никакой работы. Готов к большому объему работы и множеству дел. Может кропотливо заниматься мелкой работой, требующей внимания и терпения. Умеет приспособливаться к делу. Способен переключаться с одного предмета деятельности на другой. Легко овладевает различными умениями и навыками. Не испытывает затруднений в процессе работы. Сосредоточен на работе, глубоко проникает в дело. В работе ставит цель, к которой настойчиво к ней стремится. Для трудолюбивого человека характерна ответственность за результат, что проявляется в старании, усердии, добросовестности. Особую заботу составляет наведение порядка. Выполняет работу быстро, интенсивно, прилагая значительные усилия. Уровень квалификации в деле варьируется от способности к делу до мастерства. Способен удивить окружающих результатами своего труда. Предпочитает работать «на себя», но может быть и наемным работником.

«Портрет» субъекта отрицательного отношения к труду. Внешний вид. Может представляться толстым, тучным, что не дает ему возможность двигаться и действовать без затруднений. Может быть высоким, рослым. Обладая хорошими физическими данными, не стремится реализовать их в работе. Имеет

ухоженные, изнеженные руки. С руками связана некая патология, объясняющая их недееспособность. Имеет большой живот, что связано с его склонностью к обжорству и малоподвижному образу жизни. Часто предстает с открытым ртом, с ускользающим или мигающим взглядом, демонстрируя свою неготовность к работе, отсутствие сосредоточенности на процессе работы.

П о з а . В основном лежит или сидит. Руки находятся в пассивном положении: в кармане, на затылке, ощущаются как «неподъемные» или просто сложены. Ноги могут быть скрещены, задраны в потолок. **Об щ е е ф и з и ч е с к о е с о с т о я н и е .** Характеризуется пониженной температурой, отсутствием жизненных соков, вялым протеканием жизненных процессов. Для лентяя свойственно дремотное, усталое или болезненное состояние. Запас жизненных сил утрачен. **Д и н а м и к а .** Иногда не способен повернуться, сделать шаг, в целом двигаться. Координация движений нарушена. Движения замедленны. Предпочитает малоподвижный образ жизни. В своих передвижениях пространственно ограничен. **Э м о ц и о н а л ь н о - в о л е в а я с ф е р а .** Ничего не хочет и ни к чему не стремится. Находится в плохом настроении; равнодушен к окружающему миру, уныл, капризен. **И н т е л л е к т у а л ь н ы е с п о с о б н о с т и .** Глуп, бестолков, невосприимчив, рассеян. Когда оказывается вовлеченным работу, начинает слишком мудрить. **Н р а в с т в е н н о - п о в е д е н ч е с к а я с ф е р а .** Не имеет устойчивой жизненной позиции и нравственных ориентиров, поэтому плохо контролирует свое поведение. Нравственная жизнь лентяя как будто застывает. Упрямый, несговорчивый. Ведет себя странно, дико. Часто хитрит, обманывает, притворяется, наводит смуту. Избалован. Демонстрирует невзрослое, ребяческое поведение. Иногда ведет себя как животное. **В р е м я - п р е п р о в о ж д е н и е .** Тратит энергию впустую. Ведет бесполезное, беззаботное, безответственное существование. Имеет много свободного времени, которое получает даром. Живет в свое удовольствие. Полезной деятельности предпочитает гуляние, веселье, пьянство, застолье, бессодержательные разговоры, смех, сплетни, хождение из двора во двор или сон. Любит поесть. Часто проводит время в детских забавах, шалостях, озорстве. Отмечается склонность лентяя к абсолютно бессмысленным занятиям. **В з а и м о д е й с т в и е с д р у г и м и л ю д ь м и .** Воспринимается

как чужак. Отвергается обществом. Существует за чужой счет. Принимая участие в работе, не помогает другим людям. Не способен выполнить порученное дело. Свое несогласие работать выражает словесно. Общению с людьми предпочитает взаимодействие с животными. Социальный статус. Может принадлежать к привилегированному сословию или быть маргиналом. Частная собственность. Не имеет земли, дома, одежды. В отношении к собственности проявляет расточительность или скупость. Стремится снять с себя личную ответственность за обладание имуществом. Деятельность. Не имеет желания работать. Отказывается заниматься полезным производительным трудом. Не способен ни к какой работе. Не выполняет элементарные действия и производственные операции. Стремится снять с себя основную трудовую нагрузку. Не исполняет свои обязанности и деловые поручения. При уклонении от работы хитрит, притворяется. Не имеет необходимых деловых качеств. Выполняет работу медленно, облегченным способом, без точного плана, с частыми остановками, поверхностно, неудачно; совершает промахи в работе, не доводит ее до конца, заводит в тупик. Предпочитает работу, не требующую усилий и личной ответственности.

Трудовая деятельность. Общая оценка. Должен быть полезен, иметь общественную ценность. Предполагает личную ответственность. Является платой за еду и свободу времяпрепровождения. Может материализоваться: а) в виде материального предмета, по отношению к которому возможны собственнические притязания; б) видится грязным; в) ощущается как некая тяжесть; г) представляется в виде предмета, с которым возможны определенные действия; д) это субстанция, в которую можно углубляться; е) приобретает образ горящего вещества. **Субъект труда.** Как правило, это человек, иногда им становится лошадь. В работу могут быть вовлечены мужчина и женщина, взрослый и ребенок. Положительное отношение к труду проявляет личность человека. **Цель труда.** Может иметь материальный характер: накопление богатства, наведение порядка, должного вида и нематериальный — в виде осуществления контроля над чем-либо. **Результат труда.** Им может становиться богатство, денежный запас. Он должен вызывать эмоциональную реакцию, удивлять, казаться чудом. **Способ выполнения работы.** Он определяется в

плане качества — тщательно, с вниманием к деталям, иногда беспорядочно, и в описательном аспекте — чередуя, постоянно повторяя отдельные действия. Темп работы. Выполнение работы должно проходить интенсивно, в быстром темпе. Медленный темп также возможен при условии особой кропотливости работы. Объем работ. Работы обычно много. Условия труда. Выделяется коллективный труд, для которого значимы отношения одновременно согласия и соревновательности. Разновидности трудовой деятельности. Положительно маркируются такие виды деятельности, как прядение, кузнечество, врачевание, батрачество, ведение домашнего хозяйства, рукоделье. Труд и другие виды деятельности. Труд противопоставлен разговорам, гулянию, застолию, пьянству, хождению, лежанию, сидению в бездействии.

Данные «портреты» являются фрагментами наивно-языковой картины мира, что освобождает их от сложных мировоззренческих построений. Избранная нами подача материала представляет несколько «плоскостное» видение, не отражая глубину разработки тех или иных смыслов; к тому же реконструкция представлений делается без учета степени эмоциональной заряженности образов. Тем не менее, можно полагать, что реконструированные нами в ходе исследования представления о лени и трудолюбии отражают целостное и вполне реалистичное видение носителями традиционного сознания основных аспектов трудовой этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. К семантике глаголов с основным значением «делать» // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 34—35.
2. Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000. 178 с.
3. Алексеев А.В. Труд: деятельность или печаль? // Русская речь. 1998. № 4. С. 117—123.
4. Алексеевский М.Д. К семантике слова праздник в традиционной культуре Русского Севера // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции 22—24 октября 2002. г.Екатеринбург. Екатеринбург, 2002. С. 80—82.
5. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 774 с.
6. Анферова Г.Н. Глаголы труда с оценочным компонентом в современном литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. [Апресян 1995б].
8. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепции и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: Проспект. М., 1995. [Апресян 1995а].
9. Арзуманова Н.Г. Экспрессивные глаголы в севернорусских говорах (На материале глаголов со значением ‘бить, ударять’) // Псковские говоры. Ленинград, 1979. С. 59—63.
10. Арутюнова Н.Д. О новом, первом и последнем. Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 193—198.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
12. Ахметгалиева Л. Явление контаминации в северно-русских говорах // Сборник студенческих научных работ. Свердловск, 1991. С. 3—14.
13. Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 25—33.

14. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.

15. Байрамова Л.К. Аксиологемы «Отдых», «безделье», «лень» во фразеологической парадигме русского, английского, немецкого и французского языков. Филология и культура 2013. № 2 (32). С. 11—16.

16. Банкова Л.Л. Концептуальные признаки труда (на материале английского языка). Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 41—45.

17. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания, 1989. № 3. С. 31—44.

18. Бартминский Е. Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.

19. Басова Л.В. Словообразовательный потенциал лексем, представляющих концепт «труд» (По данным словообразовательного словаря). Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 207—212.

20. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке: На материале пословиц и поговорок. Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.

21. Бахвалова Т.В. Характеристика человека по его отношению к труду в орловских говорах // Проблемы региональной русской фразеологии: Тезисы докл. и сообщ. Вологда, 1995. С. 37—46.

22. Белоусова А.С., Сафонова Ю.А. К вопросу о соотношении лексических множеств // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. статей. М., 1996. С. 71—84.

23. Бельчиков Ю.А. Культуроведческий аспект филологических дисциплин // Филологический науки. 1998. № 4. С. 3—7.

24. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1994. С. 87—110.

25. Березович Е.Л. Интерпретационная семантика в парадигме лингвистического исследования // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 38—60.

26. Березович Е.Л. Русская национальная личность в зеркале языка: В поисках объективной методики анализа // Русский язык

в контексте культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 31—42.

27. Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономаσιологический портрет реалии: к вопросу о структуре // Язык и национальная картина мира. Омск, 2000. С. 41—48.

28. Блинова Л.А., Купина Н.А. Нравственные концепты в лексическом освещении // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993. С. 20—31.

29. Блинова О.И. Мотивационное значение слова // Актуальные вопросы русского словообразования. Сборник науч. трудов. Тюмень, 1984. С. 3—8.

30. Бродский М.Ю. Энантисемия: культурно-исторический аспект // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 20—23.

31. Брысина Е.В. Трудовая деятельность человека и ее отражение в донской диалектной фразеологии // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. Вып. 2. М., 2001. С. 200—202.

32. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 576 с.

33. Варбот Ж.Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый' III // Этимология 1994—1996. М., 1997. С. 35—46.

34. Васильева С.П. Семантическое поле «Труд» в говорах приенисейской Сибири. Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева. 2011. Т. 2. № 3. С. 56—59.

35. Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6—34.

36. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 412 с.

37. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.

38. Вепрева И.Т. О прагматическом аспекте коннотативной семантики слова // Актуальные проблемы русистики: Тезисы докладов и сообщений между. науч. конф. Екатеринбург, 1997. С. 115—116.

39. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка). М.: Наука, 1978.
40. Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 3. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. Екатеринбург, 2000. 199 с.
41. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках: на материале глагольной лексики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
42. Габоева З.М. К проблеме гендерных различий концепта «труд» в карачаево-балкарском, русском и испанском языках (на материале паремий). Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. Т. 1. № 6 (56). С. 220—224.
43. Гак В.Г. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 23—29.
44. Галинова Н.В. Дериваты со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’ в говорах Русского Севера // Русская диалектная этимология: Тез. докл. и сообщ. Третьего научного совещания. 21—23 октября 1999 г. Екатеринбург: УрГУ, 1999. С. 10—12.
45. Гинка Б.И. Лексико-семантическая группа существительных со значением «труд, работа» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983. 16 с.
46. Глущенко О.А. Наречия с семантикой состояния субъекта в архангельских народных говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) М., 2002. С. 286—303.
47. Гневэк О.В. Концепт труд в современной паремиологии. Казанская наука. 2011. № 3. С. 95—99.
48. Годинер Е.С. Роль системообразующих факторов языка в формировании языковой картины мира // Языковая картина мира: Мат-лы Всероссийск. конф. Кемерово, 1995. С. 3—4.
49. Голембовская Н.Г. Репрезентация бинарной антиномической оппозиции «труд — безделье» в семантике русских и литовских паремий. Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 194—196.

50. Голованова А.В. Ценности и оценки в языковом отражении (на материале русского и польского языков) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2002. 16 с.
51. Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград, 1997. С. 42—43.
52. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 216 с.
53. Грунтов И.А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии. Материалы конф. М., 2007. С. 157—161.
54. Гудкова С.Н. К вопросу о номинации действий (на материале глаголов Вернекетского говора) // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С.100—104.
55. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
56. Данилович Н.А. Именные фразеологические экспрессивиды // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и древних славянских языков (Вторые Жуковские чтения): Материалы Межд. науч. симп-ма. Великий Новгород, 2001. С. 149—151.
57. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17—33.
58. Долинский В.А., Чернейко Л.О. Имя судьба как объект концептуального ассоциативного анализа // Вестник Москов. ун-та. 1986. № 6. С. 30—44.
59. Донских О.А. Методологический анализ понятия языковой картины мира // Методологические проблемы научных исследований. Новосибирск, 1988. С. 84—88.
60. Дубских А. Экспрессивная лексика тюркского происхождения, обозначающая человека (на материале областных словарей) // Актуальные проблемы филологии: Тез. студ. науч. конф. Свердловск, 1989. С. 36.
61. Еремина М.А. Лексико-семантическое поле «Отношение к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект.

Дис. ... канд. филол. наук. Уральский государственный университет. Екатеринбург, 2003.

62. Ермакова О.П. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца. // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 61—68.

63. Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира: На материале русской и английской паремиологии. Дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004.

64. Журавлев А.Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 7—32.

65. Жураковская Н.В. Экспрессивная вербальная лексика в русских старожильческих говорах Среднего Приобья // Актуальные проблемы лексикологии: Доклады лингв. конф. Ч. 1. Томск, 1971. С. 127—133.

66. Зайкина З.М. Построение паремиологического поля концепта «труд» в русском языке. Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7—4 (14). С. 16—19.

67. Зверева Ю.В. Наименования человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестн. Перм. гос. ун-та. Рос. и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 28—36.

68. Зеленин А.В. Русская лень. Русский язык в школе. 2005. № 5. С. 77—83.

69. Золотухина Э.Г. Экспрессивные наименования в лексико-семантических группах глаголов речи (на материале говоров Прибайкалья) // Вопросы истории русского языка и сибирских говоров: Межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 1993. С. 87—93.

70. Иванова Г.Ф. Ментальные сферы языка: оценка. Уфа, 2007.

71. Иванова Е.И. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). Спб., 2002. 160 с.

72. Ивлиева Н.В. Каждый может быть ленивым. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2011. Т. VII. № 3. С. 79—81.

73. Ильина С.А. Концепт «лень» в паремиологическом фонде русского и китайского народов. В мире научных открытий. 2013. № 9 (45). С. 277—289.

74. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград — Архангельск, 1996. С. 3—16.
75. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 262 с.
76. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990. С. 8—25.
77. Каюмова Д.Ф. Концепт «Труд» в зооморфных паремиологических единицах с положительной оценкой. Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 234—240.
78. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2000. 352 с.
79. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (Когнитивные аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ин-т языкознания РАН, 1996. 22 с.
80. Кожина А.А. Концепт «труд» в белорусском языке. URL: <http://ethnolinguistica-slavica.org> (дата обращения: 12.03.2013).
81. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991. С. 106—125.
82. Колосько Е.В. Моделирующие прототипы переносных значений в русских народных говорах // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. конф. Вологда, 1998. С. 32—34.
83. Колтакова С.В. Национальная специфика семантики тематического группы «Труд» в русском и английском языках. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 72—75.
84. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «труд» и «отдых» в русском и английском языках. Дис. ... канд. филол. наук, Воронеж, 2008.
85. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. 231 с.
86. Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. 384 с.
87. Концептуализация и когнитивное моделирование мира: Сб. науч. тр. М., 1995. 175 с. [М.: Моск. гос. лингв. ун-т. Сб. науч. тр. Вып. 430].

88. Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы. М., 1990.

89. Королева Е.Е. К этимологии гнезда зимогор в старообрядческих говорах Прибалтики // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции 22—24 октября 2002 г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2002. С. 140—142.

90. Крейдлин Г.Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» VS. «предназначение» // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 23—30.

91. Кругликова Л.Е. Лексико-фразеологическая парадигма «человек, положительно относящийся к труду» в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Мат-лы и исследования). СПб., 1992. С. 83—92.

92. Кругликова Л.Е. Семантическое множество «человек, уклоняющийся от труда» в литературном языке и диалектах // Русские говоры Коми АССР и сопредельных областей: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1990. С. 69—79.

93. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992. С. 4—38.

94. Кузнецов А.М. Национально-культурное своеобразие слова // Язык и культура: Сб. аналит. обзоров. М., 1987. С. 141—163.

95. Кузнецов А.М. Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая (вместо введения) // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М., 1992. С. 5—27.

96. Куркина Л.В. Варакать // Этимология. 1965. М., 1967. С. 184—188.

97. Куркина Л.В. Этимологии русских диалектных слов // Этимологические исследования. Вып. 4. Свердловск, 1988. С. 66—68.

98. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале англ. яз.): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб гос. ун-т. 1996. 32 с.

99. Левонтина И.Б. Ното ригер // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 105—114.

100. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. М., 2001. С. 269—281.
101. Лексикология. Лексикография. Диалектная лексикография: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2001. 109 с.
102. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
103. Ли А.Д. Семантическая структура многозначного слова говора в его системных связях (на материале качественных прилагательных с обобщенной положительной и отрицательной оценкой в русском говоре с. Межог Коми АССР) // Севернорусские говоры в иноязычном окружении: Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1986. С. 94—109.
104. Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1992. 95 с.
105. Лисицин А.Г. К проблеме концептуального анализа // Язык и культура: III межд. конф.: Докл. и тез. докл. Киев, 1994. С. 98—100.
106. Литвинова Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.
107. Литвинова Т.А. Лексемы, характеризующие человека по отношению к труду, в воронежских говорах. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10 (225). Филология. Искусствоведение. Вып. 52. С. 73—76.
108. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит-ры и яз. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3—9.
109. Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.
110. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Ин-т языкознания РАН. М.: Индрик, 1999. 422 с.
111. Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Ин-т языкознания РАН. М.: Индрик, 2002. 646 с.
112. Логический анализ языка. Языки этики / Ин-т языкознания РАН. М.: Языки русской культуры, 2000. 444 с. [ЛЯЯ 2000б].
113. Лукин В.А. Слово противоречие, одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 140—154.

114. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986. 231 с.
115. Лукьянова Н.А. Лексико-семантическая группа «человек ленивый» в диалектной системе: Опыт семантического анализа // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. Новосибирск, 1985. С. 58.
116. Майданова Л.М. Ономазиологические особенности эмоционально-оценочных личных имен существительных (на материале лексики среднеуральских говоров) // Закономерности словопроизводственных аспектов в ономазиологическом аспекте: Науч. труды / Курск. гос. пед. ин-т. Т. 205. С. 102—105.
117. Макеева И.И. Семантика глаголов беспорядочного движения // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концепт поля порядка и беспорядка. М., 2003. 640 с.
118. Максимова Е.П. Акт оценки и его текстовая манифестация // Язык и дискурс. Тверь, 1997. С. 45—48.
119. Малеева М.С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. Воронеж, 1983. 127 с.
120. Маркелова Е.В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени). Дис. ... уч. степени канд. филол. наук / Новосибирск, 2004.
121. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986. 92 с.
122. Матвеева Т.В. О семантической структуре многозначных экспресsem (на материале диалектных глаголов) // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 30—36.
123. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997. 864 с.
124. Меркулова В.А. Диалектная лексика и этимология // Этимологические исследования: Мат-лы I-II науч. совещ. по русской диалектной этимологии, Екатеринбург, 10—12 октября 1991 г.; 17—19 апреля 1996 г. Екатеринбург, 1996. С. 25—26.
125. Мечковская Н.Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Ин-т языкознания РАН. М., 2002.
126. Михайлова О.А. Мой мир — мой дом. Система специализированных актантов в «Словаре русских говоров Среднего

Урала» // Известия уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 4. 2001. № 20. С. 178—183.

127. Мишланов В.А. К проблеме нравственной мотивации слова // Актуальные проблемы русистики: тезисы докладов и сообщений междунауч. конф. Екатеринбург, 1997. С. 139—141.

128. Мищенко О.В. К вопросу о методике анализа диалектных семантических систем // Известия уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 4. 2001. № 20. С. 141—150.

129. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980.

130. Молдован А. М. Вот рыскают по свету, бьют баклуши // Русская речь. 2007. № 2. С. 115—119.

131. Мягкова Э.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психологического исследования. Воронеж, 1990. 110 с.

132. Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языке: Материалы докладов и сообщений всероссийской конференции «Язык. Система. Личность». Екатеринбург, 2002. 135 с.

133. Новиков Н.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990. 136 с.

134. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Авт. Ю.Д.Апресян, О.Ю.Богуславская, И.Б.Левонтина, Е.В.Урысон. Под общ. рук-вом акад. Ю.Д.Апресяна. Второй выпуск. М.: Языки русской культуры, 2000. 488 с.

135. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Авт. Ю.Д.Апресян, О.Ю.Богуславская, И.Б.Левонтина, Е.В.Урысон. Под общ. рук-вом акад. Ю.Д.Апресяна. Первый выпуск. М.: Русские словари, 1995. 560 с.

136. Опарина Е.О. Лексические коллокации и их внутрифреймовые модусы // Фразеология в контексте культуры: Сб. ст. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.

137. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстет. и этич. оценки. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.

138. Петлева И.П. К вопросу о семантике приставки НЕ- в ряде диалектных слов // Русская диалектная этимология: Тезисы докладов Второго науч. совещания 17—19 апреля 1996 г. Екатеринбург, 1996. С. 39—40.

139. Петров В.Е. Между пороком и практикой: культурные смыслы категории праздности в современном академическом дискурсе. Вестник развития науки и образования. 2013. № 6. С. 160—165.

140. Петрухина Е.В. Профессионально-трудовая деятельность в русской языковой картине мира. Концепт РАБОТАТЬ в языке и дискурсе // XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 2003. С. 488—489.

141. Плюснина И.П. Лексика по теме «Трудовая деятельность» с пометой «костром.» в Материалах для словаря русского народного языка А.Н.Островского (к вопросу об источниках материала ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2002.

142. Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1991. 125 с.

143. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 30 с.

144. Резанова З.А. Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем) // Культура. Отечество: прошлое, настоящее, будущее. Сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений. Томск, 1995. С. 69—74.

145. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. 148 с.

146. Серова Л.А. Концепт «труд» в немецких и русских поговорках: на материале современных публицистических текстов сельской тематики. Дисс. на соиск. ... кандидата филологических наук. Московский государственный областной университет, М., 2009.

147. Серова Л.А. Соотношение понятий «Труд» и «Пустословие» в немецких и русских поговорках. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2008. № 12. С. 148—152.

148. Сивко О.А. «Словарь оценочных прилагательных говоров Новосибирской области» как разновидность диалектного словаря // Русские говоры Сибири: Лексикография. Томск, 1993. С. 39—45.

149. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира. Архангельск, 1998. 337 с.

150. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с. [СД (А-Г)]
151. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2: Д–К. М.: Международные отношения, 1999. 704 с. [СД (Д-К)]
152. Словарь по этике. М., 1989. 447 с.
153. Сметанина З.В. Фразеологические единицы, характеризующие человека по его способностям и отношению к труду // Проблемы региональной лингвистики: Тезисы докл. и сообщ. Ярославль, 1996. С. 71—80.
154. Солдаткина Т.А. Языковая репрезентация паремиологических единиц концепта «труд/лень» в английском и французском языках. Вестник Марийского государственного университета. 2012. № 10. С. 114—117.
155. Солдаткина Т.А., Кочемасова Д.Р. Способы описания концепта «труд/лень» на примере паремиологических единиц английского, немецкого и французского языков. В сборнике: Иностранные языки: лингвистические и культурологические аспекты межвузовский сборник научных трудов. Лингвистическая лаб. [отв. ред. М.Н.Баяни]. Йошкар-Ола, 2012. С. 115—119.
156. Сукаленко Н.И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Киев. гос. ун-т. Киев, 1991. 40 с.
157. Суслович С.В. Когнитивно-дискурсивные характеристики концепта ТРУД/РАБОТА как дискурсивно-коммуникативной единицы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011.
158. Сулова С.С. Словообразовательные гнезда делать, работать, трудиться в современном русском языке: семантический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2009.
159. Тарасова М.А. Опыт системного анализа одного синонимического ряда со значением 'лентяй' (на материале псковских говоров. Статья вторая). Ленинград, 1979. С. 63—68.
160. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 142 с.
161. Токарев Г.В. Концепт «труд» в русских пословицах // III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических

исследований. Мат-лы Всерос. науч. конф. Челябинск, 1999. Ч. I. С. 254—257.

162. Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2003. 47 с.

163. Толстая С.М. Играть и гулять: семантический параллелизм // Этимология. 1997-1999. М., 2000. С. 164—172. [Толстая 2000в]

164. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112—127.

165. Толстая С.М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 101—111. [Толстая 2000б]

166. Толстая С.М. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

167. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 223 с.

168. Феоктистова А.Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства /состояния: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 17 с.

169. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1998. С. 52—93.

170. Фразеология в контексте культуры: Сб. ст. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.

171. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М., 1992. С. 28—44.

172. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992. С. 98—123.

173. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66—71.

174. Храмцова Л.Н. Экспрессивные глаголы с архисемой «работать/не работать» в говорах Урала, Сибири, Дальнего Востока в семантическом, сопоставительном и лексикографическом

аспекте (на материале региональных словарей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. 17 с.

175. Чайкина Ю.И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Северно-русские говоры. Вып. 6. Вологда, 1995. С. 43—49.

176. Чернейко Л.О. «Языковое знание» и концептуальный анализ слова // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 19—50.

177. Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: Дис. ... канд. филол. наук. Уральский государственный университет. Екатеринбург, 2004.

178. Чойдон Зээнямбуу З. Концепт «Труд — лень» в паремииологии. Вопросы филологических наук. 2007. № 3. С. 157—158.

179. Чуньли Л. Образность фразеологизмов, описывающих лень человека в русском и китайском языках. Наука и школа. 2014. № 1. С. 95—98.

180. Швелидзе Н.Б. Аксиологическая диада «Труд/безделье»; ее представление во фразеосемантическом поле со значением поведения лица. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 62—65.

181. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 492 с.

182. Этимология: Принципы реконструкции и методика исследования. М., 1965. 108 с.

183. Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 227 с.

184. Юсупова С.М. Концептуализация труда в идиомах (на материале английского, немецкого, русского и чеченского языков). Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. С. 124—128.

185. Язык и этнический менталитет. Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 164 с.

186. Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. 260 с.

187. Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. 256 с.

188. Якушкина Е.И. Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 175 с.

189. Янко-Триницкая Н. А. К образованию новых слов трудоустройство — трудоустроить. Текст. / Н.А.Янко-Триницкая // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961. С. 141—142.

190. Янценецкая М.Н. О терминах «словообразовательное значение» и «значение словообразовательного типа» // Актуальные вопросы русского словообразования. Сборник науч. трудов. Тюмень, 1984. С. 8—21.

191. Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2002 — Bartmiński J., Lappo I., Majer-Baranowska U. Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2002. № 14. S. 105—152.

192. Jakubowicz M. Motywacją semantyczna wybranych nazw wartości — poszukiwania etymologiczne // Język w kręgu wartości. Studia aemantyczne. Pod redakcją J. Bartminko. Lublin, 2003. S. 171.

193. Mazurkiewicz-Brzozowska M. Dwa spojrzenia na pracę. Perspektywa interpretacyjna a znaczenie słowa // Językowy obraz świata. Lublin, 1999. С. 121—137.

194. Słownik stereotypów i symboli ludowych / Pod red. J.Bartmińskiego. T. 1. Z. 1. Lublin, 1996; T. 1. Z. 2. Lublin, 1999.

195. Stefanovic M. O koncepcie PRACY (RAD) w języku serbskim. Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata słowian I ich sąsiadów. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin, 2014.

СОКРАЩЕНИЯ

а) в названиях источников:

Аникин — Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: наука. сиб. изд.-полигр. и книготорг. предприятие РАН, 1997. 774 с.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955.

Даль¹ — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1998.

Даль² — Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1999.

ДСРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение. Екатеринбург, 1996.

Ивашко — Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981. 112 с.

КДЭС — Картотека диалектного этноидеографического словаря (г.Екатеринбург, Свердловский Областной Дом Фольклора).

Кругликова — Кругликова Л.Е. Лексико-фразеологическая парадигма «человек, положительно относящийся к труду» в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Мат-лы и исследования). СПб., 1992. С. 83—92.

Куликовский — Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1898.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

НОС — Новгородский областной словарь. В 12 вып. Новгород, 1992—1995.

Ожегов — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1979 — (издание продолжается). Вып. 1.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1: А-Б. Екатеринбург, 2001.

СОВРЯ — Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н. Образные выражения русского языка. Словарь-справочник. М., 1995.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С.Герд. СПб., 1994—2005. Вып. 1—6.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1988. Т. 1—7.

СРДГ — Словарь русских донских говоров. В 3 т. Ростов н/Д, 1975—1976.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М., Л. — (издание продолжается). Вып. 1—.

ССГ — Словарь смоленских говоров / Отв. ред.: Л.З.Бояринова, А.И.Иванова. Смоленск, 1974—2005. Вып. 1—11.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М., 1948—1975. Т. 1—17.

СРЯ — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984 — (издание продолжается). Вып. 1.

СЮРКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1993.

ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. М., 1967.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.

ЭИС — Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. 1. Народный календарь. Екатеринбург, 2000.

Элиасов — Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Пра-
славянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974 —
(издание продолжается). Вып. 1—.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981—
1991. Вып. 1—10.

б) в наименованиях языков и диалектов

др.-рус.	— древнерусский язык
и.-е.	— индоевропейские языки
польск.	— польский язык
праслав.	— праславянский язык
рус.	— русский язык
ненецк.	— ненецкий язык
ст.-сл.	— старославянский язык

в) прочие

диал.	— диалектное
ед. ч.	— единственное число
лит.	— литературное
мн. ч.	— множественное число
разг.	— разговорное

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕЙ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ» И «ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ».....	9
1.1. Семантическая структура поля «положительное отношение к труду»	10
1.2. Семантическая структура поля «отрицательное отношение к труду»	21
1.3. Принципы семантической организации полей: сопоставительный аспект	37
Глава II. МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ПОЛЯ «ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДУ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	42
2.1. Базовые семантико-мотивационные модели поля «положительное отношение к труду»	47
2.1.1. <i>Человек как биологическое существо</i>	47
2.1.2. <i>Деятельность</i>	54
2.1.3. <i>Движение</i>	64
2.1.4. <i>Физическое воздействие</i>	69
2.1.5. <i>Положение в пространстве</i>	74
2.1.6. <i>Собственность</i>	77
2.1.7. <i>Звук и речь</i>	81
2.1.8. <i>Человек и социум</i>	83
2.1.9. <i>Еда</i>	86
2.1.10. <i>Мифология</i>	88
2.1.11. <i>Животные</i>	90
2.1.12. <i>Свойства материалов и веществ</i>	92
2.2. Базовые семантико-мотивационные модели поля «отрицательное отношение к труду»	96
2.2.1. <i>Человек как биологическое существо</i>	96
2.2.2. <i>Деятельность</i>	104
2.2.3. <i>Образ времяпрепровождения</i>	114
2.2.4. <i>Движение</i>	121

2.2.5. Физическое воздействие	129
2.2.6. Положение в пространстве	135
2.2.7. Собственность	140
2.2.8. Звук и речь	143
2.2.9. Человек и социум	148
2.2.10. Еда	152
2.2.11. Мифология	155
2.2.12. Животные	157
2.2.13. Свойства тел и веществ	162
2.2.14. Предметы неодушевленного мира	165
2.3. Проблема корреляции концептов «лени/праздности» и «трудолюбия»	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
ЛИТЕРАТУРА	186
СОКРАЩЕНИЯ	202

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 12.12.2014
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12,875
Тираж 300 экз. Заказ 1653

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*